

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

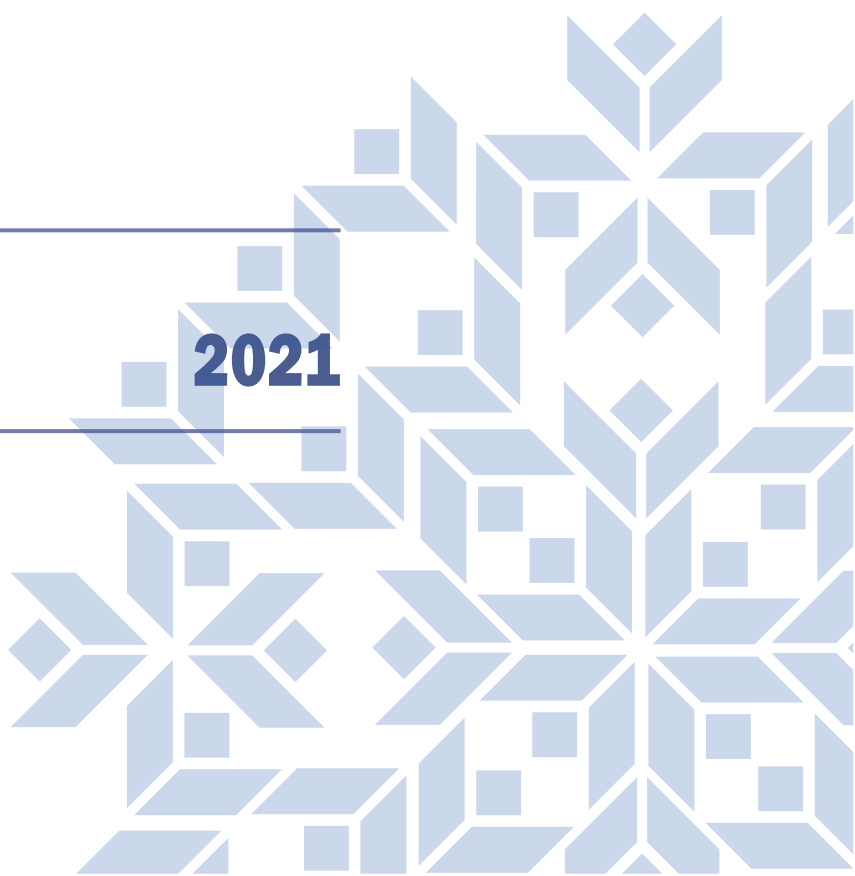
Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П. Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цулелер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by
-
- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A. University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister Ien Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Narbut N. P. RUDN University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

УДК 316.34

КРИЗИС И ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В СОЦИУМЕ

Г. М. ЕВЕЛЬКИН¹⁾

¹⁾Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные разновидности реагирования общества на кризисные явления (аномические, конфликтные, модернизационные). Характеризуется поведение различных категорий населения, а также их направленность и приоритеты. Отмечается, что для населения Беларуси наиболее характерно взвешенное поведение, ориентированное на совершенствование и модернизацию средств и подходов социально-экономического развития. Акцентируется внимание на необходимости активного изучения происходящих в обществе процессов и своевременное информирование органов власти для принятия обоснованных управленческих решений.

Ключевые слова: кризис; модели поведения населения; социальная аномия; социальный конфликт; творческий потенциал; модернизация; мониторинг социальных процессов.

CRISIS AND SOCIETY: SOCIAL RESPONSE AND DIRECTIONS FOR REDUCING CONFLICT POTENTIAL IN SOCIETY

G. M. EVELKIN^a

^aNational Security Institute of the Republic of Belarus, 2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

The main types of society's response to crisis phenomena (anomalous, conflict, modernisation) are considered. It characterises the behaviour of different categories of the population, their orientation and priorities. It is noted that the population of Belarus is most characterised by balanced behaviour, oriented to the future through improvement and modernisation

Образец цитирования:

Евелькин ГМ. Кризис и общество: социальное реагирование и направления снижения конфликтности в социуме. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:4–12.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-4-12>

For citation:

Evelkin GM. Crisis and society: social response and directions for reducing conflict potential in society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:4–12. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-4-12>

Автор:

Георгий Михайлович Евелькин – доктор социологических наук, профессор; профессор специальной кафедры.

Author:

Georgiy M. Evelkin, doctor of science (sociology), full professor; professor at the special department.
lag121@mail.ru

of funds and approaches of socio-economic development. It emphasises the need to actively study the processes taking place in society and the timely information of the authorities to make informed management decisions.

Keywords: crisis; population behaviour models; social anomaly; social conflict; creativity modernisation; monitoring of social processes.

Введение

Как известно, первоосновой экономической и социальной политики государства являются права и обязанности граждан. В них входят политическая, экономическая, социальная, духовная, территориально-природная, этнологическая и пространственно-временная составляющие. Взаимодействие

между ними обеспечивает порядок и стабильность в обществе и государстве. Одним из проявлений любого кризиса является резкое ухудшение социально-экономического положения в стране. Социальная реакция населения в этих условиях отличается значительным многообразием.

Многообразие социального реагирования

Социальное реагирование на кризисные процессы чаще всего выражается в трех формах:

- 1) социальной стагнации и аномии;
- 2) социального конфликта;
- 3) модернизации на основе активизации творческого потенциала, направленного на развитие существующего экономического потенциала.

Социальная стагнация и аномия. Данная форма социального реагирования является следствием экономического спада и застоя в производстве и торговле, приводящих к банкротству предприятий, росту безработицы, резкому снижению уровня доходов населения и повышению его неплатежеспособности, что приводит к напряженности в обществе и его поляризации. У определенной части населения проявляются крайние формы эгоцентрического поведения, происходит размывание традиционных социальных ценностей и формирование новых представлений о взаимных обязательствах, основанных на круговой поруке, связанности единым бизнесом, клановости, корпоративных связях и взаимной выгоде, родственных обязательствах и т. п.

Помимо экономических маргиналов, появившихся в результате спонтанных, чрезвычайных преобразований, существуют группы «запланированных» маргиналов, к числу которых относятся молодежь и пенсионеры. И те и другие, как правило, стоят на краю экономической структуры общества. Молодые люди стремятся получить модные профессии, которые, по их мнению, обеспечат им высокий доход, проявляют амбициозность. Пенсионеры не желают терять тот уровень удовлетворения материальных потребностей, которого они уже достигли. В бедственном положении, как правило, находятся и неквалифицированные работники.

Неустойчивое, кризисное состояние общества приводит к *аномии*, т. е. к дезорганизации и дисфункциональности основных социальных институтов, утрате действенности традиционных социальных норм, распаду правовых норм, крушению

системы регулирования путей и способов достижения индивидуальных и групповых целей. Некоторая часть общества, зная о существовании конкретных норм поведения и деятельности, игнорирует их, относится к ним негативно или равнодушно.

Анализ изменений, произошедших в последнее время в духовной сфере постсоветского социума, позволяет говорить об определенной переориентации ценностей, стремлении части общества к высвобождению от традиционных нравственных императивов. Прослеживается опаснейшая тенденция: извечные, непреходящие человеческие ценности (порядочность, щедрость, сострадание и др.) цинично подменяются жестокостью, вседозволенностью, насилием и алчностью. Разрушаются базовые элементы культуры, прежде всего в аспекте моральных и этических норм. Эти явления, затрагивая все слои населения, особенно сильно воздействуют на молодежь.

Рассматривая социальные конфликты и катастрофу, Е. М. Бабосов акцентирует внимание на том, что аномия – это отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам [1].

Из материалов социологических исследований на постсоветском пространстве следует, что для аномических явлений в условиях кризиса характерна неудовлетворенность населения ситуацией в конкретной сфере общественной жизни, приводящая к массовым проявлениям эмоциональной напряженности и социального возбуждения. Подобные настроения проявляются как в стихийных массовых действиях (ажиотажном спросе, скупке товаров и продуктов питания в целях создания страховых запасов на черный день и т. д.), так и в различных конфликтах, митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах гражданского неповиновения и протеста, а также в вынужденной и добровольной

миграции в другие регионы и за границу. Для достижения своих целей люди используют как легитимные, узаконенные и одобряемые обществом средства, так и нелегитимные, но эффективные, ведущие к успеху любым путем.

В условиях кризиса потребление выступает разновидностью социального поведения: граждане опираются не столько на свою индивидуальную позицию, сколько на общие, устоявшиеся социальные паттерны и практики. В рамках идеологии потребления деформируются основные механизмы социализации. Понятие социальной мобильности становится функционально зависимым от понятия потребительской мобильности, социальные стратификации наполняются новым содержанием, связанным главным образом с потребительскими возможностями индивидов. При этом потребление может выступать как в качестве конкретной стратегической цели, так и в качестве средства, обеспечивающего статусные, демонстративные и иные потребности индивида. Особенно характерно это явление для современной молодежи. В потребительском поведении эгоистические мотивы присутствуют в таких формах, как приобретение вещи ради эпатажа, скрытное потребление (чтобы не пришлось делиться с другими).

Как совершенно обоснованно утверждают многие исследователи, конечным результатом развития психологии потребительства становится то, что цель жизни каждого человека начинает трактоваться не как стремление к счастью, любви, душевной гармонии, а смысл существования человечества – не как социальный и духовный прогресс. Человек превращается в «потребительскую машину». Люди забывают о главном: что жизнь – это не совокупность окружающих вещей, не их бездумное присвоение, а вечное стремление к красоте и истине. На основе подобной фантомной психологии формируется определенное общественное сознание и порождаются конкретные типы фантомных личностей, сознание которых основано на жажде власти, славы и богатства. Наблюдается резкий рост негативизма в отношениях между различными слоями населения и количества конфликтов, снижается уровень доверия к органам власти и управления.

В то же время аномическое сознание в кризисных ситуациях характерно далеко не для всего населения: у подавляющей его части в кризисной ситуации формируется как *негативное*, так и *позитивное антикризисное мобилизационное сознание*, которое ориентировано на активную самозащиту и жизненную перспективу с использованием разнообразных средств, методов и приемов противодействия сложившейся ситуации.

Социальный конфликт. В обстановке социальной и экономической напряженности антикризисное сознание, соответствующая ему эмоциональная нега-

тивная оценка настоящего и прогнозирование возможности его преобразования в более комфортное будущее формируют у определенной части населения тенденции к активной *негативной мобилизации*, ориентированной на противодействие складывающейся ситуации, и проявлению *социальной агрессии и конфликтности поведения*.

Негативная мобилизация – это механизм интеграции населения, обусловленный ростом диффузного массового раздражения, страха, ненависти, которые сопровождаются чувствами общности на основе появления «врага», при перспективах нежелательного развития событий [2]. Негативная идентичность реализуется посредством формирования образа врага, разделения мира на «своих» и «чужих», когда ответственность за собственные неудачи возлагается на *Другого*, а сами неудачи представляются как результат происков врагов. Это напряжение накапливается до тех пор, пока не выливается в групповые взрывы агрессии различных типов и уровней интенсивности, высвобождая накопившуюся энергию неудовлетворенности и недовольства в конфликте.

Диалектическая теория трактует конфликт как естественную и неизбежную часть целостности социальных взаимоотношений людей. Согласно этой теории, конфликтное взаимодействие присуще всем уровням жизни социальных систем. И в этом плане конфликт не есть противоположность порядка. Это своеобразный «парник», в котором «выращиваются» общественные нововведения и реформы. Мир состоит в созидательном общении с конфликтом.

В этом контексте модель социально-политического конфликта между обществом и властью представляет собой систему статических и динамических параметров. Его составляющими являются участники конфликта – *основные* и *косвенные* – и его предмет. В последние десятилетия повышаются социально-политическая активность и значимость различного рода общественных движений, в которые включаются граждане, не удовлетворенные деятельностью местных органов власти, руководителей предприятий и организаций, тех или иных государственных институтов, политических партий и профсоюзных объединений. Социальная база таких движений аморфная и пестрая. В рамках подобных движений активно формируются своя идеология и мораль, позволяющие определить цели и направления деятельности объединения людей, обозначить регуляторы внутригруппового поведения и взаимной поддержки.

Как отмечает А. В. Рубанов, всесторонне исследовавший данную проблему, значимость этой групповой деятельности нельзя преуменьшать [3]. Так, формирование определенного группового церемониального поведения (массовые митинги, собрания, демонстрации, юбилейные церемонии) состоит в создании психологии парада, позволяющей

каждому участнику испытать чувство широкой поддержки, которое ведет к росту его самооценки, стимулирует энтузиазм и энергию участников движения. Наличие специальной атрибутики, состоящей из набора эмоциональных символов (лозунги, песни, марши, здравицы, гимны, стихи, выразительные жесты, значки, флаги, униформа и т. п.), способствует самоидентификации и самоутверждению представителей объединения среди массы иных людей. В условиях кризиса, радикальных экономических и социально-политических перемен происходит политизация независимых профсоюзов и наблюдается стремление вхождения их представителей во властные элиты и во власть вообще. На этой основе наблюдается активное противостояние между так называемыми «независимыми» и «официальными» профсоюзами.

Анализ социальных процессов показывает, что основными предпосылками возможного конфликтного социально-политического поведения населения являются:

- 1) социально-экономические проблемы в стране и конкретном регионе;
- 2) несоблюдение декларированных конституционных прав;
- 3) ощущение социальной ущербности и бесперспективности;
- 4) проведение социально-экономических и политических реформ без соответствующих четких нормативных документов;
- 5) снижение уровня жизни значительной части населения.

Одним из ведущих конфликтогенных факторов является противоречие между интересами, которые выражает власть, и интересами населения.

Как образно, но совершенно справедливо отмечает А. В. Рубанов, «состав социального движения подобен луковице. Его ядро образуют участвующие в движении по убеждению. За ними следует слой сочувствующих. Далее те, кто просто ищет смысл в жизни. Наконец, карьеристы, примкнувшие к движению в надежде на выгоды, которые, как они предполагают, последуют за победой. При поражении верхний слой луковицы отпадает первым, а за ним и все последующие» [3, с. 110].

Одной из наиболее распространенных форм реагирования населения на различные социально значимые явления являются стихийные массовые проявления. В контексте обозначенных положений, характеризующих ситуации зарождения, формирования и развития конфронтационных процессов на уровне населения, важно обратить внимание на широко известные формы группового и массового

поведения, чаще всего называемого стихийным, которые, по сути, могут выступать в качестве протеста населения, отличающегося рядом закономерностей как психологического, так и социального характера.

Основываясь на материалах многочисленных работ, можно утверждать, что конфликтное противостояние протестующей улицы и официальных властей вскрывает наиболее важные экономические, политические и социокультурные процессы. Протестное поведение связано с критикой и отрицанием доминирующих идеалов и ценностей, преобладающих в конкретный период общественного развития.

Однако в современных условиях массовые проявления часто носят *спектаклярные* формы. Анализируя их с позиции технологического подхода, исследователи обращают внимание на ряд преимуществ и недостатков протестных действий¹. К числу преимуществ они относят высокую степень организованности и экономичности, поскольку при относительно небольших затратах, как людских, так и материальных, достигается медийность, таким образом выражающее несогласие население получает возможность заявить о себе и привлечь внимание общественности к определенным социальным и политическим проблемам. В условиях активного роста роли информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей к спектаклярным формам протеста добавляется новый тип протестной активности – виртуальный.

Усугублению кризисных проявлений способствует и то, что независимо от доминирующего типа политической культуры в любом обществе функционирует *антиэлита*, определенная часть которой (занимающая средние и высшие позиции в обществе) нуждается в значительных объемах свободы (мелкий и средний бизнес, творческая, академическая, научная и научно-техническая интеллигенция, объединения фанатов и т. д.). Ограничение свобод этой категории социума (явное или скрытое) опасно, так как ее субъекты отличаются высокой социальной и политической активностью, имеют широкую аудиторию.

Модернизация на основе активизации творческого потенциала, направленного на развитие существующего экономического потенциала. Рассматривая третью из выделенных нами форм социального реагирования в кризисных условиях, необходимо обратить внимание на то, что и *стагнация*, и *регресс*, и *прогресс* не существовали по отдельности в человеческой истории. У значительной части населения в период экономического кризиса проявляются склонность к активизации своей жизнедеятельности и стремление к взаимодействию

¹Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). С. 47–69 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/> (дата обращения: 03.08.2018); Почепцов Г. Революция com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 532 с.; Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 252–255.

и сотрудничеству с другими людьми, находящимися в аналогичной жизненной ситуации. По данным российских и белорусских социологических исследований, в последние годы среди населения растет слой тех, чье сознание ориентировано на активное экономическое поведение, поиск путей и способов повышения собственного благополучия с помощью активных действий.

В противовес кризисному сознанию в обществе активно проявляется *стабилизационное антикризисное сознание*, выражающее стремление людей к укреплению духовных основ своей жизни и этико-культурных принципов социального порядка. Другими словами, в кризисной ситуации в обществе формируется *сознание*, ориентированное не столько на самозащиту, сколько на *жизненную перспективу, социально-экономический прогресс и саморазвитие в перспективе*. В этом контексте личность начинает соотносить неудовлетворенность своим положением как с существующей социально-экономической ситуацией, так и с вероятностной перспективой ее позитивного изменения, т. е. со стратегическими *целями* общественного развития и *путиами* их достижения.

Конструктивные антикризисные жизненные стратегии, формирующиеся у представителей различных социальных групп и слоев населения, основываются не только на оценке текущей ситуации в стране, но и на вероятностном прогнозе позитивных перспектив, а также на осознании своего собственного места и роли в изменении экономических условий. Исходя из индивидуальных и групповых представлений о складывающихся обстоятельствах, конкретное социальное сообщество оценивает свое реальное статусное, экономическое и духовное благополучие и формирует рациональное и эмоциональное мнение о желаемой стабильности и перспективе социально-экономического развития, а также о возможной направленности и потенциальной эффективности собственной деятельности и деятельности власти.

Перечисленные позиции распределяются в рамках трех основных векторов перспективного исторического развития общества и государства: *традиционном, эволюционном и модернизационном*. При этом окраска таких перспектив тесно связана с рациональным жизненным опытом и эмоциональными оценками настоящего времени.

Процесс социально-экономической трансформации способствует мобилизации внутренних возможностей определенной части населения и *совместным действиям* по разрешению сложившейся ситуации. Эта *конструктивная* адаптационная стратегия ориентирована на достижение позитивных результатов, несмотря на экономический кризис и настроения подавленности и безысходности

у людей. Подобная жизненная стратегия вовлекает граждан в активные собственные поиски и воспринимается ими не только как проблема общества и государства, но и как личная проблема.

Конструктивная антикризисная напряженность мобилизует население на активное формирование и освоение *социокультурных инноваций*. Люди объединяются для выхода из кризисного состояния собственными силами на основе как традиционных, так и вновь формирующихся представлений, которые (на их взгляд) наиболее адекватны складывающейся социально-экономической ситуации. Часть этих представлений сосредоточена на воссоздании ранее существовавших, исторически сложившихся способов, приемов жизнедеятельности и основана на вере в непоколебимость дедовских устоев – ремесла, земледелия, скотоводства и т. п. Другая часть отдает предпочтение своим изменившимся интересам и с наименьшим добавлением новизны стремится создать условия для удовлетворения новых потребностей собственными силами (агро- и экотуризм, рыбхозы, придорожные кафе и т. п.). Во всех этих случаях проявляется ориентация на изменение элементов окружения, на их приспособление к собственным потребностям, а там, где это оказывается невозможным, – на переориентацию запросов, но в модернизационном, а не в традиционном направлении.

Социологические и социально-психологические исследования дают основание утверждать, что в противоположность кризисному сознанию, изначально тяготеющему к иррационализму, антикризисное – тесно связано с верой в разум и, соответственно, с той или иной формой рационализма, а временами и сциентизма – убеждения в неограниченных возможностях науки.

Многочисленные социологические опросы населения на постсоветском пространстве показывают, что число тех, кто выступает за радикализм в экономическом и социально-политическом развитии, в два-три раза меньше количества сторонников взвешенного варианта социальных и экономических преобразований. При этом подавляющая часть населения поддерживает эволюционные преобразования в обществе и государстве, направленные на инновационное совершенствование экономической и социальной жизни. Это еще раз указывает на то, что одним из следствий социальной напряженности и стагнации является *позитивная социальная ориентированность населения на преобразования и его психологическая готовность к мобилизации*² своих внутренних возможностей для соучастия в этом процессе. Ее истоком выступает позитивно ориентированное общественное (индивидуальное, групповое) мнение определенной части общества, предполагающее безусловное принятие декларируемых

²Мобилизация (фр. *mobilisation*, от лат. *mobilis* – подвижный) – приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели (Прохоров М. А. Большой энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл.; СПб.: Ленингр. галерея, 2002. 1628 с.).

властью целей и путей социально-экономического развития на основе осознания:

1) наличия потенциальных или реальных угроз социальной стабильности, устойчивому экономическому развитию;

2) необходимости противодействия потенциальным и/или реальным угрозам нежелательного развития социально значимых событий и явлений;

3) способности и возможности индивидуально и/или коллективного (группового) противодействия, противостояния этим угрозам и вызовам;

4) четко сформулированных целей и путей их достижения;

5) наличия потенциальных или реальных средств достижения поставленных целей.

Фундаментальной особенностью такой позитивно настроенной категории населения является то, что основой жизненной позиции для нее являются взвешенный консерватизм, признание и принятие своего социокультурного пространства и стремление опираться на собственные исторические корни и традиции.

При этом, в отличие от западно-европейского и американского взглядов на консервативность, восточный и азиатский консерватизм не противопоставляют традиции и преобразования, пытаются синтезировать на их основе наиболее адекватный действительности подход к развитию общества и государства.

Сущность консервативной модели развития с позиции этнокультурных моделей Восточной Европы, Востока и Азии заключается не в слепом подражании западной модели развития, а в решении проблем развития с опорой на собственные историко-культурные традиции.

Подобный традиционализм предполагает опору на нормы, выработанные в низах и затем закрепленные в законе. Закон – это следствие накопленного опыта самоорганизации общества (в том числе межэтнического и межконфессионального). В основе такого подхода лежит диалектика взаимодействия личности и общества в системе конкретного государственного образования.

Диалектическая система *гражданин – общество – государство* на постсоветском пространстве формируется и развивается по собственному социокультурному пути, отличному от западного в поли-

тическом и духовно-нравственном аспектах. Эта модель в корне отличается от либеральной модели *гражданского общества*.

Основными принципами ее жизнедеятельности являются: преемственность в развитии, эволюционность и инновационность, труд, активность, целенаправленность жизнедеятельности, социальная защищенность, законность, безопасность. Они являются основой для проявления чувства исторического и духовного единства в развитии общества, что создает предпосылки для формирования того, что называется патриотизмом³.

В данном контексте важно указать черты формирования позитивной просоциальной мобилизованности:

1) чувство гражданственности, признание общественным сознанием легитимности власти, единства с властной системой. Это определяющий фактор. В социальной мобилизованности реализуется идея, овладевшая массами и ставшая материальной силой;

2) ориентированность на социально значимые ценности и цели, а также на морально и нормативно оправданные средства и методы их достижения;

3) инновационность⁴ мышления и творческий подход к решению возникающих в период кризиса экономических и политических проблем.

В своем интегрированном виде позитивная просоциальная мобилизованность проявляется в осознанной активности индивидов, групп и общества в целом с преобладанием в ценностном сознании людей духа патриотизма, гражданственности, групповой солидарности, просоциальной мотивации труда, учебы, спорта и других общественно значимых и социально ценных видов деятельности. Такая мобилизованность предполагает активное групповое взаимодействие, поддержку друг друга на основе осознания эффективности коллективного действия по достижению социально значимых целей. Функционально высокая социальная мобилизованность проявляется как трудовой энтузиазм, морально-патриотический дух, профессиональная гордость, ценностное восприятие индивидом своего вклада в достижение единых целей.

Носители инновационного сознания формируют в своих представлениях несколько возможных направлений выхода из состояния стагнации, отдавая

³Патриотизм (гр. *patris* – Родина, Отечество) – любовь к своему Отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины; разг. преданность чему-либо, горячая любовь к чему-либо (*Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 2. 1084 с.). Подлинный патриотизм включает в себя борьбу за лучшее будущее для народа и социальный прогресс (*Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М. : ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с.).

⁴Инновация – буквально инвестиции в новации, вложение средств в разработку новой техники, технологии, научные исследования (Словарь делового человека / О. В. Амуржаев [и др]. М. : Экономика, 1992. 236 с.). Новация (от позднелат. *novatio* – обновление, изменение) – что-либо новое, только что вошедшее в обиход, новшество. В гражданском праве – соглашение сторон о замене одного заключенного ими обязательства другим (*Прохоров М. А.* Большой энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. ; СПб. : Ленингр. галерея, 2002. 1628 с.).

в дальнейшем предпочтение одному из них. Среди этих направлений отметим следующие:

- 1) ориентация на себя, собственные инновационные способности и возможности, самореализацию (самозанятость);
- 2) достойный наемный труд;
- 3) собственное производство, предпринимательство;
- 4) бизнес;
- 5) творчество;
- 6) общественная деятельность, реализация в общественно полезном труде;
- 7) управление, менеджмент, политика, ориентированная на социальное развитие и прогресс.

В указанных стилях поведения проявляются признаки как индивидуальных, так и групповых антикризисных стратегий жизненного поведения населения, которые определяются не только психологическими особенностями личности, но и социокультурными условиями ее жизнедеятельности.

В этом контексте необходимо обратить внимание на то, что личности с антикризисным сознанием стремятся к свободе и самореализации в конкретных сферах жизнедеятельности, не боятся риска, обладают природным умом, нацелены на самообразование, способны проявлять волевые качества в сложных условиях. Большинство из них – хорошие коммуникаторы и готовы работать как в одиночку, так и в команде.

По мнению О. В. Кобяка, инновационный образ мышления является, с одной стороны, предпосылкой формирования инновационной культуры социального субъекта, а с другой – он сам развивается на основе содержащихся в культуре норм и правил организации нововведений. Внешним проявлением мыслительных процессов по поводу осуществления инноваций выступает инновационное поведение индивидуальных или коллективных социальных субъектов, связанное с обновлением способов либо преобразованием объектов их деятельности [4].

С. А. Шавель обоснованно акцентирует внимание на том, что для субъектов активного действия (индивида, группы, социума) риск не сводится к учету неблагоприятных факторов и их элиминированию, включая и информационную неопределенность изменившихся обстоятельств, хотя в большинстве случаев именно эта сторона обуславливает возможности выживания и дальнейшего развития [5]. Однако в истории и повседневной жизни не меньшее значение имеет и вторая сторона риска, а именно то, что благодаря антиципации (предвосхищению) вероятности позитивного исхода того или иного замысла риск становится важнейшим мотивом деятельности. Инновационная деятельность, как правило, направлена на изменение технологии, логики, методов, рецептуры, в силу чего исходно связана с определенным уровнем риска.

Одной из характерных черт позитивной социальной мобилизованности, ориентированной на общество и государство, является то, что в сознании населения присутствуют, а в поведении реализуются такие социальные ценности, как терпимость, толерантность (бел. *памяркоўнасць*), уважение к окружающим и готовность работать в команде [6].

В белорусском обществе сегодня проявляются признаки позитивной социальной мобилизованности, ориентированной на общество и государство, наблюдаются тенденции консолидации населения на основе культурного единства, территориальной и гражданской принадлежности. Просоциальная антикризисная мобилизованность выражена во взаимодействии пяти основных компонентов: инициативы, инноваций, традиционности, оптимизма, настойчивости.

Беларусь, в отличие от многих стран постсоветского пространства, не окунулась в поток размежевания по национальному признаку, а наоборот, смогла сориентироваться на консолидацию населения в решении проблем выхода из кризиса и совместном участии в строительстве нового государства. Это обусловлено историческими предпосылками, относящимися как к далекому прошлому, так и к военному и послевоенному периодам жизни нашего общества. Так сложилось, что после Великой Отечественной войны Беларусь восстанавливали все народы СССР. Совместно развивались как национальная, так и интернациональная культура народов и этносов. К. С. Малевич, В. Г. Мулявин, В. С. Караткевич, А. Е. Макаёнок и многие другие деятели культуры и науки воспринимались и воспринимаются народом как представители единой белорусской культуры. Это прослеживается в настроениях основных национальных групп (белорусов, русских, украинцев, поляков) и социальных страт.

Другим признаком консолидации общества является то, что белорусы испытывают потребность в комфортности общежития, стремятся избегать конфликтов и противостояний.

Наша страна явно повернулась в сторону рыночного развития, причем это касается самого населения (а не номенклатурной или криминальной элиты), происходит государственно регулируемый процесс вхождения в новую систему отношений.

Особенностью социально-экономической ситуации в Республике Беларусь является то, что население начинает признавать перспективность рыночных реформ, но при этом отвергает российский или украинский вариант криминального передела собственности. Оно признает возможность и значимость преобразований в традиционном духе общины. Но это не традиционные рыночные отношения, а специфические белорусские, когда позитивно воспринимаются успехи рыночной деятельности ближайшего окружения («рыночность с мозолями

на руках») и настороженно – успехи далекого соседа. В Беларуси этот процесс больше напоминает родовое изменение психологии в сторону рынка в отличие от российского корпоративного объединения на уровне рационального осознания значимости партнера. Выдвинутый российской олигархической элитой лозунг «У нас нет врагов, но есть вечные интересы» в Беларуси звучит как реакция на попытки внешнего давления: «Не мешайте нам жить, а как жить, мы разберемся сами». И в этом есть специфика белорусской среды, которая никогда не воспринимала быстрых перемен, а всегда не-

сколько отстраненно взирала на любые инновации, долго «ощупывая» их на предмет приемлемости для себя.

Парадокс общественного сознания в Беларуси заключается в том, что оно однозначно (устойчиво) ориентировано на единение (если не на единство) с россиянами, славянами в рамках стратегических ценностей, но вместе с тем – и на европейский опыт, который оценивается как более цивилизованный, культурный (тогда как рыночные реформы в России однозначно воспринимаются как исходно криминальные, преступные, нечестные и т. п.).

Мониторинг социальных процессов – основа взвешенных управленческих решений

В условиях социально-экономического кризиса позитивно настроенная часть населения ориентирована на прогрессивные инновации, широкое внедрение достижений научно-технического прогресса в повседневную и производственную жизнь. Эта категория хотя и настороженно, но с определенной долей удовлетворения воспринимает конкретные изменения в различных сферах общественного устройства государства (идеологии, экономике, политике, армии, праве, науке и т. д.).

В данном контексте важно обратить внимание на активные разработки различных подходов к изучению социально-экономических, политических и информационных процессов в обществе и государстве. Так, А. Н. Данилов, рассматривая переходное общество, акцентировал значимость социологического познания происходящих процессов⁵. В свою очередь, Д. Г. Ротман с коллегами обосновал и конкретизировал методологию жестко практической направленности – оперативные социологические исследования⁶.

Специфика социальных процессов, закономерности становления и развития общества и государства определили характер формирования целого ряда условий и требований к современному социологическому исследованию, выступающему в качестве синтезатора и поставщика информации, используемой для принятия важнейших управленческих решений.

В ряде работ С. А. Шавеля сформулированы современные требования к социологическому сопровождению управленческой деятельности на местном и государственном уровнях⁷. В монографии «Общественная миссия социологии» большое внимание уделено методологии социологических исследований, роли социологии в белорусском обществе, а в коллективной работе «Методологическое обоснование республиканской репрезентативной выборки» даны фундаментальные основы полевых исследований в Беларуси.

В работах белорусских ученых представлены оригинальные методологические подходы и методики оценки уровня социальной напряженности в обществе, комплексная методика изучения информационного поля, научные технологии сложных рейтинговых замеров в политическом и информационном поле и иные методические подходы социологического исследования⁸.

Исследования последних лет показали, что система индикаторов мониторинга должна быть ориентирована на решение как научных, так и информационно-аналитических, практико-ориентированных задач, а включенные показатели – отражать признаковое пространство всех сфер общественного функционирования (политической, экономической, социальной, социокультурной, территориально-природной, этнологической и пространственно-временной), позволяющее фиксировать объективные условия для принятия обоснованных и взвешенных управленческих решений.

⁵ Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск : Беларуская навука, 1997. 431 с.

⁶ Ротман Д. Г., Данилов А. Н., Новикова Л. Д. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации. Минск : БГУ, 2001. 353 с. ; Ротман Д. Г., Правдивец В. В. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля. Минск : БГУ, 2007. 139 с.

⁷ Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск : Беларуская навука, 2010. 404 с. ; Шавель С. А., Бородачева Е. М., Леонов Н. Н. Методологическое обоснование республиканской репрезентативной выборки. Минск : БТН-информ, 2001. 98 с.

⁸ Бабосов Е. М. Основы идеологии современного государства. Минск : Амалфея, 2004. 352 с. ; Правдивец В. В., Ротман Д. Г., Русакевич В. В. Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. Минск : Зималетто, 2009. 184 с. ; Ротман Д. Г. Избранное. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. 386 с. ; Соколова Г. Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. Минск : Беларуская навука, 2010. 460 с. ; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2009. 231 с.

Заклучение

Итак, основой функционирования любого государства является взаимодействие граждан, общественных объединений и органов власти и управления. Это взаимодействие, диалектическое по своему содержанию, ориентировано на стабильное и устойчивое развитие общества и государства. Такая позиция основана на паритете интересов всех участников данных взаимоотношений и предполагает стремление общества к стабильности путем реализации национальной идеи и исторически сложившихся консолидирующих ценностей. При этом практическая составляющая вопроса четко указывает на то, что состояние стабильности не синонимично состояниям неизменности и неподвижности. Неподвижность является, как правило, не признаком стабильности, а признаком застоя, который ведет к социальной напряженности. В научном смысле социальная стабильность – это устойчивость социальных структур общества и государства, социальных процессов и отношений, которые при всех изменениях сохраняют качественную определенность и целостность социальных и политических компонентов государственной системы. Стабильность представлена:

- 1) внутренней стабильностью социальных систем (институтов, организаций, сообществ и т. д.);
- 2) стабильностью взаимосвязей и взаимодействий социальных и политических систем;

3) стабильностью всего общества и государства как интегративного представителя общественно-го сознания (включая политическую, экономическую, социальную и духовную стабильность в конкретный период и в перспективе).

Таким образом, социально-экономическая и политическая стабильность – это устойчивое *воспроизводство социальных, экономических и политических отношений в рамках определенной целостности самого общества и государства*. Причем это воспроизводство не есть простое повторение предыдущих ступеней – оно неизменно включает в себя элементы изменчивости и роста. В силу этого проблема стабильности и устойчивого развития общества требует постоянного внимания как научного сообщества, так и системы государственного управления, особенно в условиях экономического кризиса.

На государство и представляющие его органы власти и управления возлагаются фундаментальные задачи по рациональному управлению общественными процессами, своевременному определению тактики и стратегии развития, а также решению текущих проблем. Это возможно только на основе достоверного владения информацией о реальном положении дел во всех сферах государственного организма, ее глубокого осмысления и тщательного анализа, а также разработки реальных программ развития и определения способов их реализации.

Библиографические ссылки

1. Бабосов ЕМ. Катастрофа как объект социологического анализа. *Социологические исследования*. 1998;9:19–25.
2. Гудков ЛД. *Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов*. Москва: Новое литературное обозрение; 2004. 816 с. Совместно с издательством «ВЦИОМ-А».
3. Рубанов АВ. *Социология массового поведения*. Минск: БГУ; 2011. 159 с.
4. Кобяк ОВ. *Экономическое поведение хозяйствующего субъекта: социологический анализ*. Соколова ГН, редактор. Минск: ФУА-информ; 2002. 168 с.
5. Шавель СА. Дерзание риска: философские и социологические аспекты инноваций. *Социология*. 2015;3:47–56.
6. Шавель СА. Феномен Homo Patiens – человек терпеливый: социологический анализ. *Социология*. 2012;2:108–122.

References

1. Babosov EM. [Catastrophe as an object of sociological analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;9:19–25. Russian.
2. Gudkov LD. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles from 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2004. 816 p. Co-published by the «VCIOM-A». Russian.
3. Rubanov AV. *Sotsiologiya massovogo povedeniya* [Sociology of mass behaviour]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 159 p. Russian.
4. Kobyak OV. *Ekonomicheskoe povedenie khozyaistvuyushchego sub'ekta: sotsiologicheskii analiz* [Economic behaviour of an economic entity: sociological analysis]. Sokolova GN, editor. Minsk: FUA-inform; 2002. 168 p. Russian.
5. Shavel SA. Risk daring: philosophical and sociological aspects of innovations. *Sotsiologiya*. 2015;3:47–56. Russian.
6. Shavel SA. Homo Patiens phenomenon – patient person: sociological analysis. *Sotsiologiya*. 2012;2:108–122. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.02.2021.
Received by editorial board 11.02.2021.

МЕТОДЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ И ЦЕПОЧЕЧНЫЙ АНАЛИЗ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются методы семиотического моделирования – семиотический и цепочечный анализ. Определяется релевантность использования указанных методов для изучения социально-экономических явлений. Описываются особенности применения рассматриваемых методов на материале двух групп цепочек: группы коммуникационных, речевых, текстовых цепочек, цепочек мотивов и др.; группы знаниевых, лингвистических, социальных, стоимостных, технологических, философских, экономических и др. Показано, что отличия рассматриваемых методов обусловлены не только тем материалом, для описания которого они используются, но и другими атрибутами: а) различными целями и объектами проводимых с их помощью исследований (целью проведения семиотического анализа является моделирование сложных знаков для более глубокого понимания социально-экономических явлений в целом, представления таких явлений в качестве знаковых систем, кодов, текстов, дискурсов; объектом цепочечного анализа выступают социально-экономические цепочки разных типов, посредством моделирования которых изучаются многообразные социальные и экономические связи); б) ключевыми концептами, составляющими понятийную основу рассматриваемых методов (для семиотического анализа ключевыми являются концепты «код» и «текст»; для цепочечного анализа – концепты «цепная связь» и «цепочка»). Обосновывается вывод о вхождении семиотического и цепочечного анализа наряду с другими методами семиотического моделирования в состав методологического ба-зиса новейшего направления социологической науки – социальной семиотики.

Ключевые слова: метод; моделирование; типы моделей; простые и сложные знаки; знаковые системы; код; текст; семиотический анализ; цепочечный анализ; социально-экономические явления; социально-экономические цепочки.

METHODS OF MODELLING OF SOCIO-ECONOMIC PHENOMENA: SEMIOTIC AND CHAIN ANALYSES

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja street, Minsk 220072, Belarus

The article considers the methods of semiotic modelling (semiotic and chain analyses). The relevance of the use of these methods for the study of socio-economic phenomena is determined. Features of the use of these methods are described on the material of two groups of chains: the group of communicative, speech, textual chains, chains of motifs, etc.; the group of economic, knowledge, linguistic, philosophical, social, technological, value chains, etc. Differences between considered methods are caused not only by the material, for description of which they are used, but also by other its attributes: a) by its different aims and objects of researchers, in which these methods are used. The purpose of semiotic analysis is to model complex signs for a more thorough understanding of socio-economic phenomena in general, representing such phenomena as sign systems (codes, texts, discourses). The object of chain analysis is socio-economic chains of different types, through

Образец цитирования:

Щербин ВК. Методы моделирования социально-экономических явлений: семиотический и цепочечный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:13–21.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-13-21>

For citation:

Shcherbin VK. Methods of modelling of socio-economic phenomena: semiotic and chain analyses. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:13–21. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-13-21>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

the modelling of which various social and economic relations forming the basis of social-economic picture of the world are studied; b) by its key concepts, which form the notional basis of such methods. Key concepts of the semiotic analysis are a concept «code» and a concept «text»; for the chain analysis – a concept «chain link» and a concept «chain». The conclusion is substantiated about the inclusion of semiotic and chain analyses, side by side with other methods of the semiotic modelling (for example, such as method of constructing multiple spirals, multimodal analysis, method of synectics etc.) to a structure of methodological basis of the new direction of sociology – the social semiotics.

Keywords: method; modelling; types of models; simple and complex signs; systems of signs; code; text; semiotic analysis; chain analysis; socio-economic phenomena; socio-economic chains.

Введение

Ранее нами были обоснованы следующие выводы: 1) о том, насколько значимым для развития индивидуального человеческого мышления и социального познания в целом является мир знаков и символов; 2) об исключительной роли современной семиотики в организации широкого трансфера знаний между различными областями социальной деятельности [1, с. 35]. Главными целями данной статьи являются: исследование двух методов моделирования социально-экономических явлений (семиотического и цепочечного анализа), определение их роли в формировании методологического базиса социальной семиотики.

Для начала ответим на вопрос: что позволяет семиотике выступать идеальным посредником между «возможными мирами», обеспечивая трансфер знаний, наработанных, к примеру, в процессе познания материального мира, для их возможного использования при объяснении явлений социального мира или мира идей? На наш взгляд, посредническая роль семиотики между «возможными мирами» обусловлена ее предрасположенностью к решению «одной из важнейших проблем методологии любой современной науки – моделирования объектов и основных понятий каждой науки» [2, с. 52].

Моделирование и типы моделей

В Большой российской энциклопедии понятие «моделирование» получает следующую дефиницию: «...метод исследования объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений (органических и неорганических систем, инженерных устройств, разнообразных процессов – физических, химических, биологических, социальных и др.) и конструируемых объектов для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и т. п. Формы моделирования разнообразны и зависят от используемых моделей и сферы применения моделирования» [3, с. 576]. Сегодня различными научными дисциплинами успешно применяются такие формы моделирования, как аналитическое, внутреннее, графосемиотическое, имитационное, информационное, когнитивное, компьютерное, лингвистическое, знаковое, логическое, математическое, мысленное, понятийное, предметное, проблемно-ориентированное, семиотическое, социальное, статистическое, физическое, эвристическое, экономическое и проч.

По свидетельству А. В. Нестерова, моделирование – самый распространенный метод человеческой деятельности, который используется для познания, оценки и оптимизации окружающих нас элементов универсума – Вселенной. «Моделирование как процесс деятельности представляет собой процесс отображения действительности в модели, при этом

действительный объект может быть также моделью какого-либо другого объекта. Модель может отображать не только элементы действительности, но и процессы их взаимодействия, а также отношения, которые складываются между ними в окружающей среде» [4, с. 1].

Более того, моделироваться могут не только реально существующие объекты и отношения между ними, но и выдуманные объекты, так называемые «фантомы сознания», обозначаемые при помощи симулякров. «Симулякр – знак, обозначающий некий фантом сознания или сам элемент сознания, относительно которого трудно, невозможно или бессмысленно говорить (спрашивать) о его объективном (внешнепредметном) референте. Это не только обозначения и факты внутреннего опыта субъекта: его переживания, настроения, эмоции, предчувствия, но и многие «объекты» современного научного знания и обозначающие их термины («идеальные объекты» математики, логики, теоретического естествознания, не говоря уже о символах и конструкциях социально-гуманитарного знания). Мир симулякров – это большой и сложный мир субъективной реальности, конструируемый каждым человеком в отдельности и человечеством в целом, в котором они непосредственно и осмысленно живут. Часть этого мира направлена на моделирование, репрезентацию внешнего человеку мира объектов. Но не только внешний мир объектов, но и мир симулякров также является объективной

реальностью для человека. Практическая необходимость постоянного различения этих миров и, соответственно, выработки четких критериев отличия симулякра от модели – одна из главных проблем философии вообще, философии науки в частности» [5, с. 532–533]. В обоих случаях (и при создании моделей, и при конструировании симулякров) ученые и фантасты пользуются старой веберовской максимой: «...конструировать недействительное, чтобы понять действительное» [6, с. 9].

Таким образом, основой моделирования как метода познания выступает построение моделей разных типов для одного и того же изучаемого объекта. В качестве моделей при этом могут рассматриваться:

а) различные типы знаков (диаграммы, метафоры, образы, чертежи, схемы, рисунки, словесные описания, симулякры и др.). Такого типа модели называются семиотическими. Ф. С. Воройский выделяет две группы семиотических моделей: знаковые и модели, отражающие свойства знаковой системы [7, с. 44]. В свою очередь, А. В. Нестеров считает, что существует три типа таких моделей: познавательный, оценочный и прагматический. Кроме того, различают модели умозрительные (словесное описание), качественные (логическая схема), количественные (математическая зависимость) [4, с. 1];

б) другие реально существующие объекты. «Например, в качестве модели человека могут выступать его скульптура, скелет, размер одежды, результаты анализов и т. п. Одна модель при этом может соответствовать нескольким разным объектам» [8, с. 7–8].

Главное же требование, предъявляемое к модели в процессе моделирования изучаемого объекта, формулируется следующим образом: «Модель – опытный образец или информационно-знаковый аналог того или иного изучаемого объекта, выступающего в качестве оригинала. Некий объект (макет, структура, знаковая система и т. п.) может играть роль модели в том случае, если между ним и другим предметом, называемым оригиналом, существует отношение тождества в заданном интервале абстракции. В этом смысле модель есть изоморфный или гомоморфный образ исследуемого объекта (оригинала)» [5, с. 445–446]. В качестве примера можно привести уподобление различных моделей отечественной науки (универсалистской модели и модели точек роста) образу морской эскадры. Если скорость такой «научной эскадры» «определяется по самому тихоходному кораблю, то в случае опоры на универсалистскую модель мы акцентируем внимание на самых быстроходных кораблях. В случае же с моделью, предполагающей множество разных точек роста, можно постепенно избавляться от самых тихоходных судов (или реконструировать их). Вопрос в том, какие проблемы признать самими

острыми и какие способы их разрешения – наиболее перспективными. При этом даже самые перспективные подходы на первых порах вряд ли впишутся в какой-то тренд развития мировой науки. Однако вся “эскадра”, несомненно, станет двигаться быстрее и прибавит маневренности» [9, с. 157].

Широкое использование разнотипных моделей является визитной карточкой современной науки. Наука манипулирует вещами и отказывается «вжиться» в них. Она создает для себя их внутренние модели и, осуществляя над этими условными обозначениями те преобразования, которые с ними разрешено совершать по исходному определению, лишь изредка соотносится с действительным миром. «Она всегда была и остается мышлением, вызывающим восхищение своей активностью, изобретательностью и раскрепощенностью, изначально принятой установкой трактовать всякое сущее в смысле “объекта как такового”, то есть сразу и как ни в чем от нас не зависимое, и вместе с тем предназначенное для нашей обработки» [10, с. 9]. Израильский исследователь О. Л. Фиговский считает, что «знание – это набор моделей окружающего мира» [11, с. 160]. Приведенное определение помогает понять, почему именно моделирование обеспечивает генерирование новых знаний и решение креативных задач.

Сложность, однако, заключается в том, что набор моделей объектов и процессов окружающего мира, лежащий в основе генерирования новых знаний, является чересчур разнородным для формирования единой научной картины мира. На помощь в работе с разнотипными моделями приходит их сравнительный анализ, а также различные методы семиотического моделирования.

Сравнительный анализ широкого перечня разработанных к настоящему времени моделей (актантной, культурологической модели, концептуальной модели мира, модели жизни, коммуникации, поведения и др.) позволил выявить весьма существенные отличия (субстанциональные, функциональные, дисциплинарные, уровневые и проч.) между ними, не позволяющие построить их строгую логическую классификацию на единых основаниях. Вместе с тем у сравниваемых моделей обнаружены и отдельные общие качества.

1. *Научно-теоретический, языковой и знаковый характер моделей.* По свидетельству известного советского философа П. В. Копнина, наука непрерывно идет вширь и вглубь, включая в свою сферу новые объекты для исследования. Для теории знания здесь важно не только то, что на смену одному понятию приходит другое, одна теория уступает место другой. Произошли существенные изменения в структуре научного знания, построении научных теорий, формах движения к новым результатам в познании. Бросается в глаза элиминация чувственности из

содержания научного знания. Понятия науки стали носить крайне абстрактный характер, а сама научная теория выступает в виде системы знаков, допускающих различную интерпретацию.

Наука в своих теориях не может освободиться от наглядности чувственных образов, однако содержание своих понятий и теорий она уже не определяет через них. Современная научная теория – это язык, совокупность средств, используемых для построения выражения мысли. Конечно, важно вскрыть формальную структуру теории как языка, проанализировать входящие в нее знаки. Но этого недостаточно. «Ведь за языком научной теории скрывается система знания, которая необходима человеку для овладения явлениями, процессами объективной реальности. Ответить на вопрос, что это за система знания, каково ее объективное содержание, можно посредством истолкования, интерпретации не только отдельных терминов и предложений теории, но и всего языка ее в целом» [12, с. 199].

Научные теории в качестве языковых моделей социальных связей рассматривал и польский писатель-фантаст С. Лем. Он утверждал, что наука ставит себе целью предвидение будущих состояний мира, опираясь на знание прошлых состояний. Это становится возможным благодаря теориям – языковым моделям связей в реальном мире. Эти связи – инварианты больших классов явлений. «Научные модели подкрепляются с помощью опыта. Каждая научная модель прежде всего предполагает выбор существенных переменных явления или явлений, которые должны быть смоделированы. Кроме того, каждая модель должна давать отчетливый ответ на вопросы, что именно она моделирует, как моделирует и в каком объеме моделирует» [13, с. 174].

2. *Связь моделей с тем или иным семиотическим объектом* (текстом, социальным действием, мышлением, жизненной ситуацией, социальной сетью и др.). По мнению В. М. Сергеева, «весьма существенный вклад в методы исследования дают некоторые модели лингвистической теории в силу того обстоятельства, что значительная часть социальных

взаимодействий происходит через тексты, и именно анализ текстов дает значительные возможности для понимания как мышления людей, так и их социально значимых действий» [14, с. 4]. На связь мышления и понятийного моделирования проблем, предметов и процессов указывает С. А. Лебедев: «Мышление – одна из сфер сознания, состоящая в понятийном моделировании любых проблем, предметов и процессов» [5, с. 446]. По свидетельству группы российских социологов, жизненная ситуация является аналитической единицей, которая позволяет объединить в одной модели общесоциальные, локальные и индивидуальные детерминанты качества и образа жизни людей, проследить их взаимовлияние [15, с. 57]. Наконец, тесная связь существует между моделями и социальными сетями. «Цивилизация – это прежде всего прямой обмен и циркуляция рукописных текстов без посредничества массмедиа. В контексте римского мира это верно в отношении, например, писем Цицерона, христианство началось с посланий апостола Павла, а современный мир – с тезисов Лютера. И даже позднее, когда печатный пресс уже был изобретен, многие ключевые идеи распространялись по модели социальных сетей, а не централизованной печати» [16, с. 4–5].

Отмеченные общие качества научных, знаковых и языковых моделей (их научно-теоретический, языковой и знаковый характер, а также их связь с тем или иным семиотическим объектом) делают возможным использование таких моделей в качестве основного рабочего метода семиотики. «Структуры, лежащие в основе производства значения и вызывающие это производство, доступны гипотетическому представлению в виде моделей. Справедливость тех или иных моделей подтверждается или опровергается через проверку их на семиотическом объекте, например тексте, к которому они, как ожидается, применимы» [17, с. 157]. К настоящему времени в системе рабочего метода семиотики уже выделены такие его разновидности, как семиотический, цепочечный, мультимодальный анализ, метод построения многократных спиралей и др.

Методы семиотического моделирования

В рамках кибернетической науки СССР методы семиотического моделирования разрабатывались еще в 1970-е гг.¹, а в начале 1980-х гг. даже защищались диссертации на эту тему². Однако после

распада СССР и дезинтеграции советской науки интерес к указанным методам практически угас и возродился в постсоветских государствах лишь во втором десятилетии XXI в.³ Для сравнения:

¹Семиотические модели при управлении большими системами: тез. докл. Всесоюз. науч. конф., 7–8 сент. 1979 г., Клайпеда, Литва. М., 1979. 110 с.

²Вишняков Н. А. Семиотическое моделирование процесса принятия решений при оперативном управлении в больших системах (на примере управления поступлением самолетов в ремонт) : автореф. дис. ... канд. техн. наук : 05.13.01. Рига, 1981. 18 с.

³Гриджина В. В. Семиотичні методи дослідження візуальної інформації в науці про соціальні комунікації : автореф. дис. ... канд. наук із соціальних комунікацій : 27.00.01. Київ, 2013. 21 с. ; Козырева Л. К. Семиотическое моделирование архитектурно-пространственной среды исторического центра города Барнаула : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04. Барнаул, 2012. 23 с.

в западных странах фундаментальные работы по проблемам семиотического моделирования издавались непрерывно, в том числе в 1990-е гг.⁴. Тем не менее к настоящему моменту и в постсоветских странах уже четко обозначились те методы семиотического моделирования, которые пользуются наибольшим вниманием исследователей. Остановимся на этих методах подробнее, раскрывая их особенности на материале социально-экономических цепочек разных типов, для описания которых (в числе цепочек прочих типов и видов [18]) они и были разработаны.

Семиотический анализ. Среди методов семиотического моделирования он имеет наиболее универсальный характер. Данный метод «пользуется схемами, или моделями, применение которых помогает расшифровать значение текста» [17, с. 26]. Семиотический анализ текста основан на следующих принципах:

1) значение не присуще объектам внутренне. Объекты сами по себе ничего не обозначают. Значение, скорее, конструируется человеком, которого можно назвать компетентным наблюдателем, способным придать форму объектам;

2) семиотика рассматривает любой текст как автономную единицу, т. е. нечто внутренне цельное. Вместо того, чтобы начинать с идей/значений, внешних по отношению к тексту, и показывать, как они в нем отражаются, семиотический анализ начинает с исследования языка и структур, действительно данных в тексте, показывая, каким образом создаются значения и что это за значения. Семиотический анализ становится методом открытий. Это неоценимое средство для всех тех, кто занимается оригинальными исследованиями;

3) семиотика постулирует, что структура рассказа, или нарративность, лежит в основе любого дискурса, например политического, социологического и правового;

4) семиотика постулирует понятие уровней значения: например, поверхностные уровни порождаются глубинным абстрактным уровнем. Текст должен изучаться на различных уровнях глубины, а не только на поверхностном [17, с. 24–25].

Понятийное содержание перечисленных основополагающих принципов семиотического анализа конкретизируется в работах представителей различных социальных и гуманитарных дисциплин. К примеру, итальянский писатель и семиотик У. Эко обращает особое внимание на динамический, процессуальный характер тех коммуникативных актов, текстов, цепочек, которые подвергаются семиотическому анализу. Коммуникативная цепочка предполагает диалектику кода-сообщения, которую семиотическое исследование не только подтверждает,

но и непрерывно реализует в той мере, в какой оно наделено сознанием процессуальности. Поэтому семиология, создавая маленькие системы, не может стать одной системой. «Показать, что всякий коммуникативный акт уже подчинен какому-то коду и отражает сложившийся идеологический универсум, значит открыть дорогу новому коммуникативному акту, заставляющему код перестраиваться. Оперативный характер семиотического исследования не растворяется роковым образом в идеологии оперативизма, согласно которой имена наделены одним-единственным значением и это значение соответствует одному-единственному действию, осуществляемому одним-единственным способом и с одной-единственной целью» [19, с. 412–413].

В свою очередь, проведение семиотического анализа текстов позволило австрийскому языковеду и психологу К. Бюлеру установить следующее. «В потоке речи слова соединяются друг с другом только по цепочке» [20, с. 357]. «Решающий поворот к богато расчлененным периодам индоевропейских языков, вероятно, произошел тогда, когда научились превращать контекст в указательное поле, чтобы создавать в речевой цепи многообразные свободные сочленения. Решающим поворотным пунктом стало возникновение указания в модусе анафоры» [20, с. 379]. Иными словами, феномен цепной связи лежит в основе не только связи отдельных слов в потоке речи, но и целых предложений, а также более сложных знаковых структур (коммуникативных актов, дискурсов) в текстовом пространстве. Для сравнения: «Цепная связь. Связь между предложениями в тексте, осуществляемая при помощи анафорических местоимений, синонимических замен, повторов» [21, с. 357]. Именно ориентированность семиотического анализа на изучение макроуровневых знаковых структур (кода, текста, коммуникативного акта, дискурса и т. п.) посредством описания коммуникационных, речевых и текстовых цепочек, лежащих в основе таких макроуровневых знаковых структур, стремились подчеркнуть украинские авторы, давая следующее определение: «Семиотический анализ – исследование разновидностей коммуникации с опорой на знаковую (семиотическую) природу составляющих общения. Его особенностью является стремление найти стабильные единицы кода – знаки, понять особенности их объединения в единице высшего уровня, исследовать особенности их использования»⁵ [22, с. 9].

Российские исследователи И. А. Бескова, Е. Н. Князева и Д. А. Бескова акцентируют внимание на проблеме взаимодействия субъекта и окружающей среды, решаемой посредством реализации семиотического подхода, который представляется им перспективным методом анализа проблемы взаимодействия

⁴On semiotic modeling / by ed. M. Anderson, F. Merelli. Berlin; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991. 626 p.

⁵Перевод наш. – В. Ш.

субъекта и окружающей среды. Диалог субъекта и мира, происходящий на границе телесности, не реализуется на чисто физическом уровне, он опосредован и означается всем культурно-историческим контекстом, соответствующим времени и месту диалога. «В связи с этим анализ параметров субъект-объектного взаимодействия, с точки зрения реализации семиотических механизмов в конкретном архитектурном пространстве, становится возможным только в рамках общего социокультурного и исторического контекста» [23, с. 410].

Наконец, особый интерес отечественных и зарубежных ученых вызывает методологическая структура семиотического анализа. Так, по мнению Н. О. Осиповой, «в русле семиотического анализа может быть выделен семантический – анализ содержательных элементов изображения. Этой задаче отвечает *иконологический* метод, предложенный Э. Панофски. В его основе лежит *иконология*, которая исследует различные сюжеты и мотивы в целях определения их значения и смысла в контексте конкретной культуры и выявления отраженного в них миропонимания [24, с. 7]. В свою очередь, польский социолог П. Штомпка рассматривает семиотический анализ в рамках антиномии *формальное – структурное*: «Семиотический анализ имеет, главным образом, формальный характер и устанавливает процедуры, с помощью которых реализуются значения образа. Тогда как структурный анализ имеет содержательный характер, стремится открыть много уровней скрытых общественных и культурных значений, приносимых образом, и расшифровать эти значения» [25, с. 84].

Таким образом, семиотический анализ предназначен для построения моделей разнотипных сложных знаков (коммуникационных, речевых, текстовых цепочек, цепочек мотивов и др.) в целях понимания более сложных знаковых структур (дискурсов, коммуникативных актов, образов социальных явлений и др.), локализованных в пространстве текста. В качестве ключевых понятий семиотического анализа выступают концепты *текст*, *коммуникативный акт*, *дискурс* и их концепт-переменные.

Цепочечный анализ. Значительно более специализированный характер (по сравнению с семиотическим анализом) имеет такой метод семиотического моделирования, как цепочечный анализ. По свидетельству зарубежного специалиста в области информатики Н. Сейгер, создателем теории цепочечного анализа (*string analysis*) является З. Харрис. Суть данного анализа состоит в следующем: каждому слову языка приписываются возможные для него синтаксические категории; рассматривается множество элементарных цепочек, составленных из символов синтаксических категорий, и правила комбинирования элементарных цепочек во фразы; цепочки объединяются в классы

на основании того, каким образом и где именно они могут быть вставлены в другие цепочки. Цепочка есть последовательность символов категорий слов. Однако не всякая последовательность слов, взятых из соответствующих категорий, может встретиться в реальной фразе [26, с. 182–184, 189].

Несмотря на свой специализированный характер, цепочечный анализ сегодня широко используется не только в рамках информатики и лингвистики, но и в других социальных и гуманитарных науках: науковедении, социологии, философии, экономике и др. Проведенное нами исследование с использованием цепочечного анализа показало, что «в мировой социально-экономической и научно-технической сферах используются многие сотни различных типов и видов знаниевых и стоимостных цепочек» [18, с. 32]. Так, к примеру, обосновывает необходимость введения понятия социальной цепочки при моделировании социальных связей американский социолог языка Дж. Гамперц: «...некоторые образованные люди охотно воспринимают модели поведения своих менее образованных сверстников. Решая вопрос о том, какие показатели можно использовать при обследовании, мы исходили из того, что наслаивающееся варьирование – это способ символизации различных социальных отношений. Отсюда следует, что этот тип варьирования нужно изучать с помощью моделей взаимодействия, через которые осуществляются социальные связи. Это можно осуществить, введя понятие социальной цепочки (social network). <...> Цепочка – это в основном группа людей, которые знают друг друга. <...> Цепочки могут возникать на основе различного рода связей: дружеских, религиозных, политических, родственных, торговых, профессиональных и т. д.» [27, с. 311–312].

К настоящему времени на материале социологических текстов нами выявлены следующие виды социальных цепочек:

- цепочка социальных конфликтов [28, с. 362];
- цепочка социокультурной детерминации [29, с. 106];
- цепочка социальных интересов [30, с. 382];
- социальная деятельность как механическая цепь событий [31, с. 21];
- цепочка рискогенных событий (от принятия экологически ошибочных решений – до их отдаленных последствий для природы и человека) [32, с. 81];
- общество как цепь гетерогенных актантов [33, с. 118];
- экспланаторная цепочка аналитической социологии [34, с. 156] и др.

Онтологической основой перечисленных разнотипных социальных цепочек выступают социальные связи различных типов, семиотическое моделирование которых производится в процессе их означивания. Наиболее наглядно семиотическое

моделирование разнотипных социальных связей проявляется в энциклопедических дефинициях концепта «цепь». Для сравнения: цепь – в агни-йоге – «тонкая энергетическая связь между адептами и космическими силами» [35, с. 919]; в «Словаре русской ментальности»: «Цепь – последовательное соединение частей как символ физической или духовной зависимости, подчиненности и жизненных тягот. Внешне цепь напоминает *вереницу, ряд, череду* по общему признаку целостности, обеспеченной добровольным или принудительным отказом субъекта

от ничем не ограниченной *воли* с подчинением общей *идее* достижения конкретной *цели* – всеми вместе и каждым в отдельности. Содержательно цепь состоит из связанных друг с другом равноценных и равнозначных *звеньев*, выпадение каждого из них губительно для всей цепи...» [36, с. 475].

Таким образом, цепочечный анализ сегодня находит широкое применение в социальных и гуманитарных исследованиях. Его ключевыми понятиями выступают концепты *цепная связь, цепь* и *цепочка* и их многочисленные концепт-переменные.

Выводы

Анализ концептуальной основы и практики использования рассмотренных методов семиотического моделирования социально-экономических явлений (семиотического и цепочечного анализа) на материале социально-экономических цепочек разных типов позволяет сделать следующие выводы.

1. Проанализированные методы семиотического моделирования являются эффективным средством изучения сложных, имеющих латентную природу социально-экономических явлений без проведения рискованных социальных экспериментов. Именно указанными преимуществами методов семиотического моделирования объясняется их широкое использование в самых разных гуманитарных и социальных науках (лингвистике, литературоведении, социологии, философии, экономике и др.).

2. Целью проведения семиотического анализа, как правило, является моделирование социально-экономических явлений в целом, представление их в качестве знаковых систем (кодов, текстов, дискурсов).

3. Объектом цепочечного анализа являются социально-экономические цепочки разных типов, посредством моделирования которых изучаются многообразные социальные и экономические связи.

4. Ключевые концепты, лежащие в основе указанных методов семиотического моделирования социально-экономических явлений, имеют определенную методологическую маркированность. Так, концепты «код» и «текст» выступают понятийной основой семиотического анализа. Концепты «цепная связь», «цепь» и «цепочка» являются понятийными доминантами цепочечного анализа.

5. Проанализированные методы (семиотический и цепочечный анализ) составляют, наряду с другими методами моделирования (например, с методом построения многократных спиралей и мультимодальным анализом), надежную методологическую основу новейшего направления социологии – социальной семиотики.

Библиографические ссылки

1. Щербин ВК. Социальные истоки семиотики риска. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:29–38. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-29-38.
2. Герд АС. *Введение в этнолингвистику.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2001. 488 с.
3. Кравец СЛ, редактор. *Большая российская энциклопедия. Том 20.* Москва: Большая российская энциклопедия; 2012. 768 с.
4. Нестеров АВ. Философия моделирования. *Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы.* 2007;5:1–7.
5. Лебедев СА. *Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории).* Москва: Академический Проект; 2008. 692 с.
6. Вахштайн В. Предисловие главного редактора. *Социология власти.* 2012;6–7:5–9.
7. Воройский ФС. *Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах.* Москва: Физматлит; 2006. 768 с.
8. Овечкин ГВ, Овечкин ПВ. *Компьютерное моделирование.* 3-е издание. Москва: Издательский центр «Академия»; 2020. 224 с.
9. Чернозуб СП, Тищенко ВИ. Конец научной методологии и новые проблемы оценки качества научных текстов. *Общественные науки и современность.* 2014;6:149–158.
10. Мерло-Понти М. *Око и дух.* Густырь АВ, переводчик. Москва: Искусство; 1992. 63 с.
11. Фиговский ОЛ, Задорский ВМ. Бизнес и инновации. *НБИКС. Наука. Технологии.* 2018;2(5):153–162.
12. Копнин ПВ. *Диалектика, логика, наука.* Москва: Наука; 1973. 463 с.
13. Лем С. *Моделирование в науке и литературе.* В: Лем С. *Философия случая.* Старостин БА, переводчик. Москва: АСТ; 2007. с. 173–182. Совместно с издательством «Хранитель».
14. Сергеев ВМ. Когнитивные методы в социальных исследованиях. В: Сергеева ВМ, Паршина ПБ, составители. *Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы.* Петрова ВВ, редактор. Москва: Прогресс; 1987. с. 3–20.

15. Дридзе ТМ, редактор. *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы*. 2-е издание. Москва: Наука; 1994. 304 с.
16. Мартынов К. Век писателей: текст и письмо в новых медиа. *Логос*. 2015;2:1–11.
17. Мартин Б, Рингхэм Ф. *Словарь семиотики*. Сичинава ДВ, переводчик. Москва: Либроком; 2010. 256 с.
18. Щербин ВК. Общий социальный анализ знамиевых и стоимостных цепочек. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:20–41.
19. Эко У. *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. Ермакова МГ, редактор; Погоняйло АГ, Резник ВГ, переводчики. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис»; 1998. 432 с.
20. Бюлер К. *Теория языка. Репрезентативная функция языка*. Булыгина ТВ, переводчик. Москва: Прогресс; 2000. 528 с.
21. Тихонов АН, Хашимов РИ, редакторы. *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. Том 2*. Москва: Флинта; 2008. 840 с.
22. Тришук ОВ, Киричок ПО, Фіголь НМ, укладачі. *Короткий словник загальнонаукових і соціокомунікативних термінів*. Київ: НТУУ «КІП»; 2011. 123 с.
23. Бескова ИА, Князева ЕН, Бескова ДА. *Природа и образы телесности*. Москва: Прогресс-Традиция; 2011. 456 с.
24. Осипова НО. Структурно-семиотический подход как аспект методологии гуманитарного знания. *Культурологический журнал*. 2011;3:1–11.
25. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2007. 168 с.
26. Сейгер Н. Синтаксический анализ естественного языка. В: Кулагина ОС, Мельчук НА, редакторы. *Автоматический перевод*. Москва: Прогресс; 1971. с. 182–213.
27. Гамперц ДжДж. Об этнографическом аспекте языковых изменений. В: Чемоданов НС, переводчик. *Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика*. Москва: Прогресс; 1975. с. 299–319.
28. Столяров АМ. *Освобожденный Эдем*. Москва: АСТ; 2008. 416 с. Совместно с издательством «Terra Fantastica».
29. Рыбакова ВВ. Современная американская социология науки. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2014;2(34):103–108.
30. Суименко ЕИ. Интерес как социальное явление и его новейшие модификации. *Социологический альманах*. 2014;5:377–383.
31. Гидденс Э. Социология. В: Волков ЮГ, Мостовая ИВ, составители. *Социология*. Москва: Гардарики; 2003. с. 13–27.
32. Яницкий ОН. Альтернативная социология. *Социологический журнал*. 1994;1:70–84.
33. Напреенко ИВ. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? *Социология власти*. 2015;27(1):108–121.
34. Гацков М. Социологический анализ и логос. Экспланаторная схема аналитической социологии. *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2011;4:143–161.
35. Солодовников СЮ, редактор. *Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия*. Минск: МФЦП; 2002. 1008 с.
36. Колесов ВВ, Колесова ДВ, Харитонов АА. *Словарь русской ментальности. Том 2*. Санкт-Петербург: Златоуст; 2014. 592 с.

References

1. Shcherbin VK. Social origins of risk semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:29–38. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-4-29-38.
2. Gerd AS. *Vvedenie v etnolingvistiku [An introduction to ethnolinguistics]*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 2001. 488 p. Russian.
3. Kravets SL, editor. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Tom 20 [The Great Russian encyclopedia. Volume 20]*. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2012. 768 p. Russian.
4. Nesterov AV. [Philosophy of modelling]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2007;5:1–7. Russian.
5. Lebedev SA. *Filosofiya nauki: kratkaya entsiklopediya (osnovnye napravleniya, kontseptsii, kategorii) [The philosophy of science: the concise encyclopedia (the main trends, conceptions, categories)]*. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. 692 p. Russian.
6. Vakhshstain V. [Foreword by the editor-in-chief]. *Sotsiologiya vlasti*. 2012;6–7:5–9. Russian.
7. Voroiiskii FS. *Informatika. Entsiklopedicheskii sistematizirovannyi slovar'-spravochnik: vvedenie v sovremennye informatsionnye i telekommunikatsionnye tekhnologii v terminakh i faktakh [Informatics. The encyclopedic systematised dictionary-reference: the introduction to contemporary information and telecommunication technologies in terms and facts]*. Moscow: Fizmatlit; 2006. 768 p. Russian.
8. Ovechkin GV, Ovechkin PV. *Komp'yuternoe modelirovanie [The computer's modelling]*. 3rd edition. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya»; 2020. 224 p. Russian.
9. Chernozub SP, Tishchenko VI. The end of scientific methodology and new problems of estimation of quality of scientific texts. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2014;6:149–158. Russian.
10. Merleau-Ponty M. *L'Œil et l'Esprit*. Paris: Gallimard; 1985. 108 p. Russian edition: Merleau-Ponty M. *Oko i dukh*. Gustyrt' AV, translator. Moscow: Iskusstvo; 1992. 63 p.
11. Figovsky OL, Zadorsky VM. Business & innovations. *NBKS. Nauka. Tekhnologii*. 2018;2(5):153–162. Russian.
12. Kopnin PV. *Dialektika, logika, nauka [The dialectics, logic, science]*. Moscow: Nauka; 1973. 463 p. Russian.
13. Lem S. [The modelling in science and literature]. In: Lem S. *Filosofiya sluchaya [The philosophy of case]*. Starostin BA, translator. Moscow: AST; 2007. p. 173–182. Co-published by the «Chranitel'». Russian.

14. Sergeev VM. Cognitive methods in social researches. In: Sergeeva VM, Parshina PB, compilers. *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviya: perevody* [The language and modeling of social interconnection: translations]. Petrov VV, editor. Moscow: Progress; 1987. p. 3–20. Russian.
15. Dridze TM, editor. *Proгнозное sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy* [The forecast social projecting: theoretical methodological and methodical problems]. 2nd edition. Moscow: Nauka; 1994. 304 p. Russian.
16. Martynov K. Era of writers: text and writing in new media. *Logos*. 2015;2:1–11. Russian.
17. Martin B, Ringkhem F. Dictionary of semiotics. London: Continuum; 2000. 192 p.
Russian edition: Martin B, Ringkhem F. *Slovar' semiotiki* [Dictionary of semiotics]. Sichinava DV, translator. Moscow: Li-brokom; 2010. 256 p.
18. Shcherbin VK. The combined social analysis of knowledge and value chains. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:20–41. Russian.
19. Eco U. *La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale*. 8° edizione. Milan: Bompiani; 2015. 464 p.
Russian edition: Eco U. *Otsustvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. Ermakova MG, editor; Pogonyailo AG, Reznik VG, translators. Saint-Petersburg: Petropolis; 1998. 432 p.
20. Bühler K. *Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: Gustav Fischer; 1934. 434 S.
Russian edition: Byuler K. *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka*. Bulygina TV, translator. Moscow: Progress; 2000. 528 p.
21. Tikhonov AN, Khashimov RI, editors. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatii. Rus-skii yazyk. Tom 2* [Encyclopedic dictionary of linguistic terms and concepts. Russian language. Volume 2]. Moscow: Flinta; 2008. 840 p. Russian.
22. Trishhuk OV, Kyrychok PO, Figol' NM, compilers. *Korotkyy slovnyk zagal'nonaukovykh i sociokomunikatyvnykh terminiv* [A short dictionary of general scientific and socio-communicative terms]. Kyiv: NTUU «KPI»; 2011. 123 p. Ukrainian.
23. Beskova IA, Knyazeva EN, Beskova DA. *Priroda i obrazy telesnosti* [The nature and images of corporal]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2011. 456 p. Russian.
24. Osipova NO. The structural-semiotic approach as an aspect of methodology of humanitarian knowledge. *Journal of Culture Research*. 2011;3:1–11. Russian.
25. Sztompka P. *Sociologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN ISA; 2005. 170 p.
Russian edition: Shtompka P. *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografiiya kak metod issledovaniya*. Morozova NN, translator. Moscow: Logos; 2007. 168 p.
26. Seiger N. Syntactic analysis of natural language. In: Kulagina OS, Mel'chuk NA, editors. *Avtomaticeskii perevod* [The automatic translation]. Moscow: Progress; 1971. p. 182–213. Russian.
27. Gumperz JJ. On the ethnology of linguistic change. In: Chemodanov NS, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk VII. Sotsio-lingvistika* [New in linguistics. Volume 7. Sociolinguistics]. Moscow: Progress; 1975. p. 299–319. Russian.
28. Stolyarov AM. *Osvobozhdennyi Edem* [The free Edem]. Moscow: AST; 2008. 416 p. Co-published by the «Terra Fantastica». Russian.
29. Rybakova VV. Contemporary American sociology of science. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 2014;2(34):103–108. Russian.
30. Suimenko EI. The interest as social phenomenon and its modern modifications. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2014;5:377–383. Russian.
31. Giddens E. Sociology. In: Volkov YuG, Mostovaya IV, compilers. *Sotsiologiya* [The sociology]. Moscow: Gardariki; 2003. p. 13–27. Russian.
32. Yanitsky ON. [The alternative sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1994;1:70–84. Russian.
33. Napreenko IV. Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: how to build up a heterogeneous collective of cyborgs and anthropomorphs? *Sotsiologiya vlasti*. 2015;27(1):108–121. Russian.
34. Gatskov M. The sociological analysis and logos. The explanatory scheme of analytical sociology. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*. 2011;4:143–161. Russian.
35. Solodovnikov SYu, editor. *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar': filozofiya, sotsiologiya, religiya, ezoterizm, politekonomiya* [The great encyclopedic dictionary: philosophy, sociology, religion, esoterizm, political economy]. Minsk: Minskaya fabrika tsvetnoi pechati; 2002. 1008 p. Russian.
36. Kolesov VV, Kolesova DV, Kharitonov AA. *Slovar' russkoi mental'nosti. Tom 2* [Dictionary of Russian mentality. Volume 2]. Saint Petersburg: Zlatoust; 2014. 592 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.03.2021.
Received by editorial board 13.03.2021.

УДК 1(141.3)

КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ

А. И. ВАНЬКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

Анализируются содержание и развитие форм собственности на основе общеметодологического положения К. Маркса о характере и способе соединения рабочей силы со средствами производства. Раскрывается сущность деятельности человека: он, с одной стороны, изменяет содержание средств производства, а с другой – развивает свои способности и тем самым изменяет содержание труда: его связи и отношения, формы движения рабочей силы и средства производства. Описываются характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства как экономическая категория, а также законы развития собственности. Методологической основой исследования послужила материалистическая диалектика. Кратко изложена новая система взглядов на объяснение генезиса и развития собственности на средства производства.

Ключевые слова: категория; закон; диалектика; развитие; собственность; средства производства; познание; связь; отношение; производственные отношения; взаимодействие; абстрактное и конкретное; тенденция.

CATEGORIES OF PHILOSOPHY IN RESEARCHING SOCIAL RELATIONSHIPS OF FORMS OF OWNERSHIP

A. I. VANKEVICH^a

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

The essence and development of forms of ownership is an insufficiently researched problem. As its analysis, we used the general methodological position of K. Marx on the nature and method of combining labour power with the means of production, namely, the interaction of its two sides, that is, the features of direct production. In this process, the essence of human activity is revealed, on the one hand, he changes the content of the means of production, and on the other hand, he develops his abilities and thereby changes the content of labour, that is, connections and relations, forms of movement of labour power and means of production are revealed in it, expressed by categories and laws. As a result of the study of the interaction of labour power with the means of production, the nature and method of combining labour power with the means of production was substantiated as a category and laws of property development. The purpose of the article is to reveal the meaning of the nature and method of combining labour power with the means of production in the development of property. The methodological basis of the research was the materialist dialectic. This article is a summary of a new system of views on the explanation of the genesis and development of ownership of the means of production.

Keywords: category; law; dialectics; development; ownership; means of production; perception; relation; relationship; production relationships; interaction; abstract and concrete; tendency.

Образец цитирования:

Ванькевич АИ. Категории философии в исследовании социальных отношений форм собственности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:22–29.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-22-29>

For citation:

Vankevich AI. Categories of philosophy in researching social relationships of forms of ownership. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:22–29. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-22-29>

Автор:

Александр Игнатьевич Ванькевич – кандидат экономических наук, доцент.

Author:

Alexander I. Vankevich, PhD (economics), docent.
vankevichaleksandr@gmail.com

Введение

Среди вопросов, стоящих перед философией и экономической наукой, особо важную роль играют те, от решения которых зависит развитие производства. К их числу относится выяснение природы собственности на средства производства, диалектики сменяемости ее форм. Так, в системе производства отношения собственности являются наиболее значимыми, составляют ее сущность.

В настоящее время обострилась необходимость более глубокого изучения социальных проблем, так как волюнтаристские тенденции в развитии науки не получают должного отпора и беспрепятственно распространяются в научной и учебной литературе. Субъективизм в социально-экономических исследованиях мешает научному процессу и проявляется в игнорировании объективных экономических законов, подмене экономического содержания собственности правовыми нормами, а также в недостаточно высоком теоретическом уровне. Данное состояние в общественных науках В. Ф. Берков характеризует как серьезный методо-

логический кризис. «Кризисные явления глубоко проникают в сферу методологии научного познания. В итоге исследовательский процесс, как способ производства нового знания, замещается его имитацией. Резко обостряется “застарелая болезнь” обществоведческой литературы – ее описательность, фрагментарность и эклектизм. В соответствии с природой и требованиями социальной среды на задний план уходят навыки рационального мышления: для общества потребления они попросту излишни» [1, с. 88].

Исследователь достигает успеха тогда, когда в поверхностных явлениях обнаруживает внутренние причинно-следственные связи и отношения, объективные законы.

Чтобы выяснить сущность собственности на средства производства, необходимо рассмотреть те мыслительные операции и технологии, которые были использованы в анализе научного исследования. Ведь истинным должен быть не только результат, но и путь, ведущий к нему.

Формы выражения собственности на средства производства в общественных отношениях

Марксистско-ленинская философия и политическая экономия идут к познанию собственности через определение ее места в системе производственных отношений. Метод диалектического материализма в исследовательской деятельности предполагает анализ отношений собственности в их постоянном движении, при этом развитие должно рассматриваться не только во времени, но и генетически, т. е. в зарождении, становлении и развитии состоянии. Учитывая, что собственность существует как форма экономических отношений, социальная сторона присвоения людьми средств и результатов производства, применение принципов развития и историзма обуславливает необходимость исследования экономических законов на различных этапах социального строительства.

Изучение феномена собственности должно опираться на правильные методологические предпосылки. В настоящее время в экономической науке любые предложения и рекомендации требуют обоснования. Такие требования всегда представляют ценность, но в еще большей мере необходимы осмысление экономических процессов в целом, их сложных взаимосвязей с другими сферами реального мира, выявление диалектических противоречий и возможных путей их разрешения. Исследование фундаментальных экономических отношений, к которым относится собственность на средства производства, способствует проникновению в сущность производственных отношений, теоретическому освещению практики. «Кто

берется за частные вопросы без предварительного решения общих, – указывал В. И. Ленин, – тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя “натывать” на эти общие вопросы» [2, с. 368].

Государственная общественная собственность на средства производства и частнокапиталистическая собственность выражают различные по своему социальному содержанию (характеру присвоения, развития, проявлению и использованию законов, наличию и разрешению противоречий, роли субъективных факторов и др.) отношения, поэтому отличаются и подходы к их исследованию. На основе государственной собственности в общественном производстве возникли и развиваются отношения сотрудничества и взаимопомощи свободных и равноправных трудящихся, большое значение имеет сознательная и активная творческая деятельность людей. Эти производственные отношения новые и не такие простые, как капиталистические, что вызывает усложнение прежних способов теоретического исследования и необходимость использования новых.

Без понимания действительных экономических связей, обусловленности собственности историческим развитием производственных отношений, научный анализ собственности невозможен. К. Маркс писал, что на вопрос о собственности «можно было ответить только критическим анализом “политической экономии”, охватывающей совокупность этих отношений собственности, и не в их

юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как производственных отношений» [3, с. 26].

Исследование производственных отношений осуществляется в процессе логического мышления методом абстрагирования. Так, К. Маркс, отмечая особенности исторического развития политической экономии, писал, что «экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого ... но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения» [4, с. 37]. После формирования подобных абстракций происходит восхождение от простейших определений к воспроизведению реальной конкретности.

Марксистско-ленинская философия и политическая экономия содержат в себе наиболее важные принципы, законы, категории, опираясь на которые можно ответить на вопросы, возникающие в ходе познания экономических отношений. Все компоненты системы экономических отношений связаны между собой строго определенным образом. Раскрытию сущности экономической теории во многом способствует системный подход. Он позволяет выяснить, как данная категория, закон соотносятся с другими составными частями, т. е. через взаимосвязь экономических отношений можно охарактеризовать роль каждого компонента, а также выяснить значение экономической теории в целом. Так, А. В. Бузгалин и А. И. Колганов на основе диалектики взаимосвязей системы производственных отношений и социально-экономического неравенства рассмотрели неравенство, обусловленное противоречиями присвоения/отчуждения как системы форм и прав собственности. Согласно предложенной ими гипотезе система параметров в производственных отношениях дает минимально необходимое представление о реальном социально-экономическом неравенстве в том или ином обществе [5, с. 18–31]. «Истинной формой, в которой существует истина, – писал Г. В. Ф. Гегель, – может быть лишь научная система ее» [6, с. 3].

Теория собственности может быть описана только в категориях, которые отражают существенные признаки экономических явлений. Одновременно данные категории выступают и правилами, позволяющими выявить отличительные признаки, присутствующие этим явлениям. Будучи синтезом достигнутых правил, экономические категории выполняют главную роль в процессе отбора и объединения элементов экономических отношений в единую систему. В их совокупности находит абстрактное выражение экономический строй изучаемого общества. Экономические категории отражают формы, свойства экономической действительности, поэтому не могут быть застывшими, неизменными. Они возникают,

развиваются, исчезают вместе с производственными отношениями. В них закреплён предшествующий опыт, необходимый для дальнейшего движения человеческого познания к истине.

Качественно разнообразная экономическая деятельность порождает множество объективных экономических законов, различных по широте отражения экономических отношений. Но при всем многообразии законов их объединяет воспроизведение, создание определенных условий в форме явлений экономической системы. От них зависят внутренняя организация экономической системы, способы соединения и подчинения ее элементов, связи с другими системами и особенности ее функционирования.

Действие экономических законов обусловлено общественно-экономической формацией и конкретными историческими условиями, поэтому при характеристике экономических законов необходимо установить формы их проявления и сознательного использования, показать связь с другими экономическими законами. Отражение в экономических законах производственных отношений определяется в основном потребностями и экономическими интересами. Важным фактором материалистического понимания развития общественного производства является установление взаимосвязи между интересами и идеологией. «Идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»» [7, с. 89]. В. И. Ленин писал, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов» [8, с. 47].

Буржуазные ученые отрицают законы и закономерности общественного развития или отказываются от возможности их познания и применения. При исследовании производства они широко используют ненаучные понятия, например «человеческий фактор» – для характеристики наемных рабочих, «предприниматель», под которым обобщенно понимают руководителей предприятий (фабрикант, фермер, адвокат и т. д.). Общественная значимость производства и собственности обуславливает актуальность их научного объяснения, в котором, естественно, не скрывается классовый, партийный подход. В связи с этим буржуазные экономисты считают, что собственность на средства производства не играет ведущей роли в обществе. Так, например, Ч. Э. Крослэнд пишет, что «в настоящее время отношения собственности не могут быть основным критерием, в соответствии с которым можно определить то или иное общество или отличить одно общество от другого»¹ [9, р. 70]. По мнению буржуазных экономистов, смена форм собственно-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. В.

сти – это формальный вопрос, отступничество. Так, например, Л. Мизес утверждает, что «традиционный социалистический идеал равенства» не имеет «ничего общего с идеалом перераспределения богатства» [10, р. 363–364]. Он подменяет понятие «собственность на средства производства» понятием «присвоение предметов потребления», не учитывает, что присвоению предметов потребления предшествует их распределение, и не выясняет, почему одна часть общества имеет возможность присваивать средства производства, а другая – нет.

Изучая экономические отношения собственности, производства, исследователи вторгаются в область материальных интересов людей, поэтому их выводы никого не оставляют равнодушными. Сам предмет внимания таков, что вынуждает исследователя осуществлять анализ с позиции определенного класса.

Обоснование категорий и законов собственности на средства производства

Собственность – многогранная категория. Ее общественное значение нашло отражение во многих гуманитарных науках. Приоритет в них принадлежит философам, экономистам, юристам и историкам. Собственность обуславливает многообразные материальные и идеологические связи между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них. Она является одним из важных признаков понятия «общественные классы», так как характеризует отношение людей к средствам производства, кроме того, отражает роль класса в общественной организации труда, способы получения и размеры доли общественного богатства, положение людей во всех сферах общества, т. е. социально-классовую природу государства. Вопросы о природе собственности, ее генезисе, роли и месте в общественных отношениях находятся в центре внимания ученых, это одна из основных тем философской мысли.

Разработка научной теории собственности на средства производства принадлежит К. Марксу. Многие ученые в своих исследованиях на социально-экономическую тематику ссылаются на положения К. Маркса о характере и способе соединения рабочей силы со средствами производства, но в них не выяснены важнейшие вопросы его развития: не раскрыта терминологическая специфика данной экономической категории, не охарактеризованы тенденции перехода ее из одного состояния в другое, более совершенное, и, соответственно, не сформулированы основные законы развития собственности. Закономерность развития собственности обусловлена отношениями непосредственного производства, однако особенности общей основы их развития, которой является конкретный труд, создающий продукт, изучены недостаточно.

Проблема взаимодействия средств производства и рабочей силы является одной из важнейших кате-

О буржуазных ученых В. И. Ленин писал следующее: «...ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя – такая же *партийная* наука в современном обществе, как *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов» [11, с. 363].

В отличие от буржуазных ученых представители марксистско-ленинской политической экономии «вскрывают» классовую природу отношений производства и собственности, описывают отношения эксплуатации рабочей силы, насущные интересы тех или иных классов, исходя из объективности экономических законов.

горий познания природы собственности и предполагает анализ характера и способа соединения указанных компонентов. Данный вопрос исследован недостаточно.

При анализе взаимодействия рабочей силы со средствами производства как способа познания развития собственности нами получены следующие научные результаты.

1. Впервые сформулирована и теоретически обоснована такая экономическая категория, как «соединение рабочей силы со средствами производства», описаны ее характер и способ. Содержание этой категории отражает результат обобщения опыта исторического развития средств производства и рабочей силы, закономерные связи и отношения между ними, ступени их познания. Она является исходной экономической формой реализации рабочей силы и средств производства. Отличительные признаки этой категории выражены в законах.

К. Маркс определил общеметодологический смысл характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства. В философии и политической экономии не раскрыты содержание, формы, противоречия и устойчивые внутренние связи понятий, т. е. не дано определение его как экономической категории, что является одной из важнейших задач.

2. Впервые выявлены и обоснованы две главные исторические тенденции развития характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства. Одна – единство труда и собственности – отражает прогрессивное развитие, вторая характеризует отчуждение труда производителей и регрессивное развитие. Обоснование этих тенденций обусловило изучение законов собственности. В теории собственности нет подобных исследований.

3. Впервые сформулирован и теоретически подтвержден закон взаимодействия рабочей силы

и средств производства, согласно которому данное взаимодействие порождает новое качественное состояние характера и способа их соединения и выступает источником его самодвижения. В результате взаимной обусловленности развития рабочей силы и средств производства происходит их взаимопереход, опредмечивание и распределмечивание, отношения достигают нового качественного уровня – парности действия, выступающего как одна сила природы. Это закон развития исторически определенного характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства. Логически обоснованная последовательность данной связи характеризует закономерность процесса. Закон их взаимодействия описывает не единственную, а общую связь, присущую всем характерам и способам соединения рабочей силы со средствами производства, выступает методологическим принципом познания собственности.

4. Впервые облечен в форму и теоретически доказан основной экономический закон собственности – ее соответствие уровню и характеру развития рабочей силы и средств производства в характере и способе их соединения. В основе трансформации последних лежит постоянное противоречие между уровнем развития рабочей силы, средств производства и собственностью. Отношением, которое обуславливает этот закон, является исторически определенная тенденция – единство труда и собственности. Она проявляется в основном законе собственности как естественно-исторический процесс необратимости, направленности и закономерности развития рабочей силы, средств производства и собственности. Рассматриваемый закон содержит предсказательные функции, так как несет знания о будущих состояниях системы производства и собственности. Он носит всеобщий характер, так как описывает главнейшую внутреннюю связь, объединяющую различные стороны отношений собственности на средства производства, целостность присущих ей законов. Другие экономические законы собственности находятся по отношению к нему в определенной пропорции. Данный закон представлен в диалектическом совмещении (объединении) специфичности характеров и способов соединения рабочей силы со средствами производства, ступенях его развития, а также в тенденции естественно-исторического процесса единства труда и собственности, в результате которого непосредственный работник становится собственником условий и результатов своего труда, хозяином производства. К. Маркс обосновал два специфических закона собственности: закон тождества труда и собственности, или закон собственности на продукт своего труда, и закон буржуазной соб-

ственности, или отчуждения труда от условий и его результатов.

5. Описана обусловленность развития форм собственности исторически определенным характером и способом соединения рабочей силы со средствами производства. Здесь нет единого подхода: в экономической науке его основанием являются экономические законы, в философии – закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В соответствии с законом взаимодействия рабочей силы со средствами производства возникает исторически новое качественное состояние характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства, выступающего источником саморазвития производства и собственности. В философской литературе положение К. Маркса об этих категориях используется в качестве определяющего исторические типы производства и собственности². Но источник их саморазвития не раскрывается, так как не рассмотрена роль формирования особенностей каждого исторически определенного характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства, не выяснено значение видообразующих признаков его специфичности в развитии собственности.

6. Установлено, что разрешение противоречия характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства проявляется как тенденция к воссоединению труда и собственности (как произошло при социализме). Таким образом, реализация закона взаимодействия рабочей силы и средств производства и основного закона собственности является обоснованием объективности развития общественной собственности в современных условиях.

7. Раскрыта особенность структуры производственных отношений в промышленности Республики Беларусь. Выявлены следующие тенденции взаимодействия рабочей силы со средствами производства в характере и способе их соединения: а) единство труда и собственности (обуславливает объективное развитие государственной собственности); б) отчуждение труда от собственности (характеризует воссоздание частной собственности в результате политической деятельности). Совершенствование производственных отношений возможно путем преодоления отчуждения работника от условий и результатов труда.

8. Доказано, что генезис форм собственности и системы ее законов обусловлен развитием характера и способа соединения рабочей силы со средствами производства. Авторская модель концептуальной основы диалектики развития собственности базируется на (сформулированных и обоснованных в исследовании двойственного

²См.: Плетников Ю. К. Собственность // Филос. энцикл. слов. / под ред. Л. Ф. Ильичёва, П. Н. Федосева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М. : Сов. энцикл., 1983. 840 с.

характера конкретного труда, создающего продукт) категории «характер и способ соединения рабочей силы со средствами производства», главных тенденциях ее развития, законе взаимодействия рабочей силы и средств производства и основном законе собственности. Она является выражением новой системы взглядов на объяснение отношений собственности, выражает необратимость изменений в характере и способе соединения рабочей силы со средствами производства, перехода его в новое качество, выступает объективной основой

преемственности развития собственности, является дополнением теории собственности К. Маркса. Создание предпосылок более глубокого анализа первичных производственных отношений, перехода от констатации вывода К. Маркса о важности категории «характер и способ соединения рабочей силы и средств производства» и разработка метода ее рассмотрения обуславливают возможность дальнейшего исследования проблемы собственности в новом направлении, связанном с законами собственности.

Заключение

В соответствии с методом диалектического материализма создаются предпосылки анализа отношений собственности в их постоянном движении не только во времени, но и генетически, т. е. в зарождении, становлении и развитии. Так как собственность отражает отличительную особенность социальной стороны присвоения людьми средств и результатов производства, применение принципов развития и историзма позволяет охарактеризовать количественные и качественные изменения в способе и характере соединения рабочей силы со средствами производства, действие экономических законов на различных этапах функционирования данной системы производственных отношений. Опора на эти принципы дает ответы на вопросы, возникающие перед людьми в ходе познания экономических отношений.

В исследовании процесса формирования собственности на средства производства охарактеризована объективность ее развития в соответствии с материалистической диалектикой. Именно поэтому распад Советского Союза не значит уничтожение социализма как системы. «Глобальное соперничество, – считает профессор экономики, профессор Массачусетского университета Д. М. Котц, – между капитализмом и социализмом не закончилось в 1991 г. Все еще существует соперничество между двумя системами за будущий образ политической экономии мира. Хотя Китай имеет мирные отношения с капиталистическим миром, а его экономика переплетена с глобальной капиталистической экономикой, тем не менее Китай является одним из ключевых мест соперничества между двумя системами. Это соперничество происходит в различных проявлениях жизни общества, в том числе сфере идей и экономической политики, следующей из этих идей» [12, с. 65].

Марксизм, как научная система философских, экономических и социально-политических взглядов, представляет собой руководство по преобразованию общества и природы. Главным критерием истинности марксизма является его соответствие действительности. В связи с этим С. Д. Бодрунов, президент Института нового индустриального

развития, председатель Вольного экономического общества России, председатель Международного союза экономистов, сказал: «Начать мне хотелось бы с того, что спустя четверть века после краха “реального социализма” в мировой интеллектуальной среде Маркс остается одним из наиболее известных, часто цитируемых, и критикуемых, и возвеличиваемых мыслителей человечества.

200-летие Маркса, отмеченное в этом году, вызвало широкий резонанс в самых разных странах мира – от Германии до Китая. В России МГУ им. Ломоносова и Вольное экономическое общество России провели международный форум, собравший более 800 участников со всех континентов. И слова ректора МГУ, академика Садовниченко, о том, что марксизм не имеет монополии на истину, но не изучать и не преподавать его нельзя, прозвучавшие при открытии этого высокого собрания, были, отмечу, для иных важных персон, сидящих в президиуме, не малой неожиданностью» [13, с. 5].

К. Маркс, «обосновав более 150 лет назад закономерную эволюцию индустриального производства в сторону все большего вытеснения из него человека, передачи машинам рутинных функций, в конечном итоге – автоматизацию производства, по большому счету, оказался прав» [13, с. 6–7].

В данной речи С. Д. Бодруновым отмечена роль К. Маркса в создании крупного машинного производства в современных условиях. Однако за очевидным фактом исторической тенденции создания крупного машинного производства скрыта сущность самого процесса самодвижения, развития конкретного труда, деятельности, названной индустриализацией. Теоретической основой этого процесса выступают развитие конкретного труда, создающего продукт, природа его двойственного характера, выражающаяся во взаимодействии живого и прошлого труда. По мере развития рабочей силы и средств производства доля живого труда (выражение конкретного труда рабочего) сокращается быстрее, чем растет доля прошлого труда (выражение производительной силы собственника средств производства). При этом сумма затрат живого и прошлого труда уменьшается, происходит

повышение производительной силы труда, и жилой труд приводит в движение всю большую массу средств производства, в результате чего происходит сокращение общественно необходимых затрат труда на производство продукта [14, с. 286].

В условиях современной индустриализации повышается производительность труда, это касается всех способов производства и подчинено всеобщему экономическому закону – закону роста производительности труда.

На современном этапе перед белорусскими философами, социологами и политическими экономистами стоит задача разработать программу социально-экономического развития государства, включающую в себя широкий круг вопросов, фундаментальным среди которых является собственность на средства производства. Ведь от научного понимания и реализации отношений собственности зависит эффективность экономического развития.

Библиографические ссылки

1. Берков ВФ. На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2017;2:87–94.
2. Ленин ВИ. Отношение к буржуазным партиям. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 15.* 5-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 368–388.
3. Маркс К. О Прудоне. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 16.* 2-е издание. Москва: Издательство политической литературы; 1955. с. 24–31.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 46. Часть 1.* 2-е издание. Москва: Издательство политической литературы; 1955. с. 17–508.
5. Бузгалин АВ, Колганов АИ. Система производственных отношений и социально-экономическое неравенство: диалектика-взаимосвязи. *Вопросы политической экономии.* 2018;1:10–34.
6. Гегель Г. Система наук. В: Гегель Г. *Сочинения. Том 4.* Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1959. с. 1–488.
7. Маркс К. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 2.* 2-е издание. Москва: Издательство политической литературы; 1955. с. 3–230.
8. Ленин ВИ. Три источника и три составные части марксизма. В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 23.* 5-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 40–48.
9. Crosland CA. *The future of socialism.* London: Jonathan Cape; 1957. 540 p.
10. von Mises L. *Socialism: an economic and sociological analysis.* London: Cape; 1951. 528 p.
11. Ленин ВИ. Материализм и эмпириокритицизм В: Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 18.* 5-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 7–384.
12. Котц ДМ. Марксистская политическая экономия и препятствия на пути продвижения экономического роста Китая. *Вопросы политической экономии.* 2016;2:49–65.
13. Бодрунов СД. Новое качество материального производства: прогноз Маркса и капиталистические реалии двадцать первого века. В: Бодрунов СД, редактор. *Маркс в эру высоких технологий: глобализация, капитал и классы. Высокотехнологическое производство и современный капитализм: материалы международных научных семинаров; 26–27 октября 2018 г.; Кембридж, Великобритания.* Санкт-Петербург: Институт нового индустриального развития; 2018. 107 с.
14. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 25. Часть 1.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 3–546.

References

1. Berkov VF. Methodological crisis in the social and human sciences and ways to overcome the crisis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2017;2:87–94. Russian.
2. Lenin VI. [The attitude towards bourgeois parties]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 15* [Complete collections of works. Volume 15]. 5th edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. p. 368–388. Russian.
3. Marks K. [About Proudhon]. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 16* [Collected works. Volume 16]. 2nd edition. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 24–31. Russian.
4. Marks K. Economic manuscripts of 1857–1859. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 46. Chast' 1* [Collected works. Volume 46. Part 1]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 17–508. Russian.
5. Buzgalin AV, Kolganov AI. [System of industrial relations and socio-economic inequality: dialectics-relationship]. *Voprosy politicheskoi ekonomii.* 2018;1:10–34. Russian.
6. Gegel G. [System of sciences]. In: Gegel G. *Sochineniya. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1959. p. 1–488. Russian.
7. Marx K. The Holy Family or critique of critical criticism: against Bruno Bauer and Company. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 3–230. Russian.
8. Lenin VI. The three sources and three component parts of marxism In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 23.* [Complete collections of works. Volume 23]. 5th edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. p. 40–48. Russian.

9. Crosland CA. *The future of socialism*. London: Jonathan Cape; 1957. 540 p.
10. von Mises L. *Socialism: an economic and sociological analysis*. London: Cape; 1951. 528 p.
11. Lenin VI. [Materialism and empirio-criticism]. In: Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 18* [Complete collections of works. Volume 18]. 5th edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. p. 7–384. Russian.
12. Kotts DM. [Marxist political economy and obstacles to promoting economic growth in China]. *Voprosy politicheskoi ekonomii*. 2016;2:49–65. Russian.
13. Bodrunov SD. New quality of material production: Marx's forecast and capitalist realities of the twenty-first century. *Marks v eru vysokikh tekhnologii: globalizatsiya, kapital i klassy. Vysokotekhnologicheskoe proizvodstvo i sovremennyi kapitalizm: materialy mezhdunarodnykh nauchnykh seminarov; 26–27 oktyabrya 2018 g.; Kembridzh, Velikobritaniya* [Marx in the era of high technologies: globalisation, capital and classes. High-tech production and modern capitalism: materials of international scientific seminars; 2018 October 26–27; Cambridge, Great Britain]. Saint Petersburg: Institute of New Industrial Development; 2018. 107 p. Russian.
14. Marks K. [Capital. A critique of political economy. Volume III. Book three: the process of capitalist production as a whole]. In: Marks K, Engel's F. *Sochineniya. Tom 25. Chast' 1* [Collected works. Volume 25. Part 1]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. p. 3–546. Russian.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021.
Received by editorial board 14.02.2021.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 327.5

КРИТЕРИИ ДЕМОКРАТИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ США

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Исследуются социально-политические результаты избирательной кампании США 2020 г. и ее геополитических последствий для страны и всего мира. Автор согласен с многочисленными сторонниками мнения о возможном окончании «панамериканского столетия» и потере США роли гегемона западного мира. Одновременно предлагается внимательно изучить те оценки, согласно которым США, обладая самым мощным экономическим, финансовым и военным потенциалом, смогут преодолеть нынешние трудности, регенерировать мощности, способные вывести страну из кризиса, и в достаточно обозримом будущем набрать необходимые темпы социально-экономического развития, которые ликвидируют негативные последствия, приведшие к поляризации и расколу в американском обществе.

Ключевые слова: США; социально-экономический кризис; пандемия; политическая поляризация; раскол; глобализация.

DEMOCRATIC CRITERIA AND AMERICAN POLITICAL REALITY

I. I. ANTONOVICH^a

^aIndependent researcher, Moscow, Russia

The author studies social-economic consequences of the electoral campaign in the United States for the future of the America's Commonwealth and geopolitical consequences. The author counsel to research views of the end of the America's century and that United States will be never the role of the leader of the west world. At the same time the author invites to assay the arguments of those researches, who counsel, that the United States will be the most powerful country

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Критерии демократии и политическая реальность США. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:30–39.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-30-39>

For citation:

Antonovich II. Democratic criteria and American political reality. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:30–39. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-30-39>

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of the Russian Academy of Social Sciences, doctor of science (philosophy), full professor.
iantonovich@mail.ru

economically, industrially and militarily having created functioning democratic system are able to mobilise the potential, which will recover the lost positions of the United States in the world.

Keywords: USA; socio-economic crisis; pandemic; political polarisation; split; globalisation.

Из истории и литературы мы знаем, что демократия родилась в Древней Греции и интерпретировалась как правление народа. Она просуществовала там пару столетий – срок, примерно совместимый с периодом существования Соединенных Штатов Америки. В Европе она воссоздалась в XII–XIII вв. как система правления итальянских городов-республик, наиболее полно была воплощена в английской Великой хартии вольностей (лат. *Magna Carta*) – своде правил, который знать Англии вырвала у своего короля в качестве гарантии для себя. Судьба демократии переменчива, на несколько столетий она исчезла из политической реальности Европы. Наиболее полно она отражена в демократических системах Великобритании и США. Однако это была уже другая демократическая система. Это свод правил, обязательный для исполнения каждым гражданином общества, само правление закона, основа политических систем западных стран. Исторически демократия всегда была неполной, не соответствующей целиком своему предназначению – правлению народа (греч. *demos* – народ, *cratos* – власть). Даже в Афинах господствовал гордый тезис «все граждане Афин равны». Однако не все жители Афин являлись гражданами. И так было во всех нам известных моделях демократии: объявленное равенство обязательно корректировалось реальным соотношением сил, характерных для того или иного общества на конкретном историческом этапе, взаимодействием этих сил и их способностью влиять на поведение элит господства и власти.

Миру известен и в какой-то мере стал обязательным англосаксонский тип демократии, впервые отработанный и проверенный исторической практикой в Англии. Он лег в основу американской демократической системы. Специфика английского (позже ставшего известным как англосаксонский) типа демократии состоит в том, что тезис «правление народа» в основополагающих его определениях отсутствует. В ходе исследования были изучены многие источники англоязычной литературы и не было найдено ни одного определения демократии, которое бы характеризовалось как правление народа и для народа. Наиболее близко к этому определению подходит знаменитый словарь Н. Уэбстера, где указано, что демократия – это правление народом, правило большинства, предполагающее проведение свободных выборов [1, р. 338].

Однако в основополагающих демократических документах (Декларация независимости США 1776 г., Конституция США 1787 г.) определение демократии как правления народа размыто. Здесь демократическая система связывается с владением

собственностью, в частности с правом избирать и быть избранным. В этих документах определено условие материального ценза в 3000 долл. США, что ко времени принятия этих документов было немалой суммой.

В течение десятилетий и в Англии, и в США шла долгая и упорная борьба за расширение избирательного права. Можно сказать, что в США она закончилась в конце 1960-х гг. принятием закона о гражданских правах, уравнивающего негритянское население с белым. Однако и во всех этих документах демократия как правление народа не определялась. В англосаксонской системе демократического правления отсутствуют рекомендации по проведению референдумов. В 1789 г. Конгресс США принял Закон о правах (*Bill of Rights*), который был ратифицирован в 1791 г. Он стал дополнением к Конституции США 1787 г., однако и здесь определение демократии как правления народа отсутствует. Первая его статья – знаменитая *Establishment Clause* – посвящена свободе религии и вероисповедания, а остальные девять статей – гарантиям безопасности, необходимости судебного расследования всех противоправных поступков, праву личной неприкосновенности. Юридической формулировки «свобода личности» нет. Правда, в Декларации независимости США говорится о том, что все люди рождены равными, и содержится революционный для того времени тезис о том, что народ имеет право избирать правительство и отстранять его от власти, когда его деятельность тем или иным образом не отвечает интересам или желаниям народа, ущемляет его права, ограничивает свободы и т. д. То, что сегодня называют англосаксонским типом демократии, представляет собой необходимость избрания правительства общенародным путем, многопартийную систему, которая выражала бы политический интерес сил, взаимодействующих в обществе и борющихся за реализацию своих интересов и прав, и, самое главное, правление закона – жесткое следование конституционным и иным правовым нормам, принятым законодательной и судебной властями.

На стыке XIX и XX в. российский социолог, малоизвестный в собственной стране, М. Острогорский опубликовал фундаментальное исследование о сути демократии в англоязычных странах (в Англии, США и доминионах Великобритании). В то время это были единственные страны, где демократические процессы осуществлялись более-менее регулярно в соответствии с принятыми законами и основными положениями. М. Острогорский сделал вывод о том, что реальная демократия, представленная в политических партиях Англии и Франции,

осуществляется электоральной машиной, которая контролирует процесс снизу доверху: и выборы новых лиц – носителей верховной, средней и местной власти, и подборку лиц, участвующих в этих выборах, и реализацию самого избирательного процесса. М. Острогорский в начале века не без оснований полагал, что демократическая система и принципы управления, отработываемые в его время в Великобритании и США, распространятся на весь мир. Он посвятил изучению этих процессов более 25 лет своей жизни, проводя исследования действий самих политических систем, процедур избрания лиц – носителей власти. Для М. Острогорского центральным вопросом всякой власти был следующий: каким образом, по сути, толпа людей, объединившись по месту жительства и столкнувшись с необходимостью формировать свою собственную политическую судьбу, может реализовать совместную задачу управления, действуя конкретным способом, который делал бы возможным совместное существование и решение задач, связанных с жизнеобеспечением населения [2, р. 10–19]?

Для М. Острогорского главной в демократической системе была не столько воля народа, сколько сам факт систематической организации электоральных масс для обеспечения определенных целей в управлении, которые будут заданы теми, кто в это время находится у власти. Все эти многообразные функции и должна была формировать и внедрять в жизнь электоральная машина. По мнению ученого, хозяевами положения не всегда являлись носители конкретных должностных управленческих титулов, в США, в частности, эту функцию осуществляли партийные боссы, которые управляли самими избранными [2, р. 16].

В США этот труд М. Острогорского был издан в 1964 г. В предисловии к нему американский социолог М. Липсет говорил: «Что касается описания действий электоральной машины в Великобритании и Соединенных Штатах, ее действия им по-прежнему представляются непрерываемым авторитетом. Идея М. Острогорского в том, что современная демократия может быть осуществлена только благодаря действию политических партий, которые являются носителями идей, желаний действующих социальных сил, столкновение и борьба которых и составляет, собственно, содержание политического процесса, не лишена содержания и сегодня. Придавая основополагающее значение политическим партиям как структурам, направляющим ход политического управленческого процесса, главную задачу партии М. Острогорский видел в выдвижении новых и новых лиц к управлению. Проводя конкретные социологические и эмпирические исследования в различных странах, он говорил, что с точки зрения эффективности демократического

процесса две страны всегда впереди всех остальных – это Великобритания и Соединенные Штаты, которые создали наиболее совершенную атмосферу человеческой свободы»¹ [2, р. 35].

Именно в силу того, что Великобритания и США достигли наиболее высокой степени совершенства демократического процесса, он полагал, что демократические системы, сложившиеся в этих двух странах, должны стать не только образцом, но и своеобразным стандартом и критерием, на фоне которого могут определяться демократические системы других государств с точки зрения их эффективности, устойчивости и адекватности духу времени и желаниям народа.

По мере свершения второй индустриальной революции в конце XIX – начале XX в. и особенно после Первой и Второй мировых войн, когда США выделились в качестве ведущей индустриально-технической и финансовой державы мира, стереотипы демократии, реализуемой в этой стране, стали своего рода классической формулой, обязательной к исполнению государствами, которые решали идти демократическим путем. Американский социолог Ф. Фукуяма, более известный нам заявлениями о конце истории, полагает, что после спада в конце XX – начале XXI в. мир накрыла третья волна демократии. Собственно, об этом же говорил и другой известный американский исследователь С. Хантингтон. По оценкам этих ученых, в 1970–2010 гг. число демократических стран в мире увеличилось с 35 до 120. Перечисляя многие имена исследователей современной демократии, Ф. Фукуяма пишет: «В этом неотвратимый прогресс и привлекательность самой идеи демократии “демократия реализует сама себя” в качестве системы правления ввиду чрезвычайной привлекательности самой идеи, которая была подчеркнута еще французским социологом Алексисом де Токвилем. <...> Идея человеческого равенства, которая лежит в основе современной демократии, медленно пробивалась в течение 800 лет [европейской истории. – И. А.] и создала сегодня уникальный процесс, который нельзя остановить, который проявляет себя чем-то вроде религиозной страсти» [3, р. 400].

Характерно, однако, что подобного рода бурное распространение демократической формы политического управления в качестве образца действительно имело место. Можно сказать, что сегодня практически каждая конституция, принимаемая в любой стране мира на любом континенте, объявляет себя демократической. В ней аккуратнейшим образом прописаны полномочия политической власти, сроки и условия нахождения у власти высших должностных лиц, сменяемость носителей власти. Однако постсоветское и настоящее время пополнилось массой примеров, когда в Азии, Африке,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Латинской Америке и даже в Европе многие лидеры, приходящие к власти конституционно-демократическим путем, начинали в дальнейшем формировать конституции под себя, продлевать свои сроки и стремиться к пожизненному управлению. Это вызывало мощные социальные протесты, которых, как мы позже увидели, не избежала и Америка. Началась эпоха критических исследований современной демократии. Заговорили о ее кризисе. Многие исследователи утверждают, что, когда демократическая система правления стала универсальной, ее несовершенства стали очевидны, однако возможности ее совершенствования или замены какой-нибудь другой формой правления нуждаются в дополнительном изучении и осмыслении.

Как и ожидалось, в центре общественно-политической, академической дискуссии находятся современные США, демократическая модель которых навязывается их правителями в качестве не подлежащего сомнению образца, а где это необходимо, и с применением силы, включая военную. Оценивая постсоветский и современный период, можно сделать вывод о том, что США не провели необходимую историческую работу, чтобы обеспечить конкретными программами свои претензии на управление миропорядком. Как известно, Дж. Буш-старший с распадом Советского Союза объявил новый мировой порядок, в котором Америка выступила бы гегемоном. Однако серьезных программ положительного воздействия на мир США не предложили. Очень похоже, что в значительной степени в среде руководящих и господствующих американских сил к концу XX – началу XXI в. сложилось убеждение, согласно которому статус-кво является наиболее приемлемым для реализации интересов США как гегемона и его достаточно сохранять, чтобы мировому господству Америки ничто не угрожало.

Политические партии Соединенных Штатов и их электоральные машины очень сильно пострадали от самодовольства и оптимистичной перспективы неизменности господствующего положения политической философии США. Особенно негативно это выражалось на постсоветском пространстве. У власти там остались те же силы, которые управляли процессами распада мирового социалистического лагеря. Самоуверенность и самодовольство этих политических сил дали однозначно негативный результат для мирового господства Америки, плоды которого она начинает пожирать, но, похоже, до конца еще не осмыслила.

США понадобилось десять лет, чтобы вновь избранный президент Дж. Буш-младший объявил программу, предлагаемую миру Америкой как гегемоном и предполагающую содействие свободе предпринимательства, демократии и правам человека. Формула была достаточно общая, не подтверждалась конкретными социально-политическими

программами и сводилась только к исполнению диктата Соединенных Штатов в тех случаях, когда их внимание было обращено на тот или иной регион мира. В то же время руководство США считало, что достаточно совершить несколько демонстрационных акций своего могущества, чтобы мир беспрепятственно исполнял американский диктат, а гегемония была незыблемой. Этим и объясняются длящиеся до сих пор войны, которые Америка начала в XXI в. на Ближнем Востоке, в Афганистане и др. Дело в том, что после распада СССР глобализационные процессы демонстрировали ускорение, формируя единую финансово-экономическую систему, управляемую из мощных транснациональных центров капитала, влияние и власть которых вышли далеко за пределы воздействия национальных государств, даже такого могущественного, каковыми являются Соединенные Штаты Америки.

Представляется, что американская администрация, опьяненная успехом того, что она называет победой в холодной войне, не смогла серьезным образом проанализировать социально-экономические последствия нового миропорядка. В Белом доме явно недооценили долгосрочные исторические последствия аутсорсинга, мощного процесса, реализованного транснациональным (в основном американским) капиталом по выводу производств из развитых стран в страны с образованной и дешевой рабочей силой – Китай, Малайзию, Южную Корею, Латинскую Америку и др.

Особенно негативные последствия это имело для США, когда экономический ресурс и возможности серьезным образом воздействовать на эволюцию социально-экономической динамики в стране у властей были сокращены. Более того, произошло малозаметное и не до конца еще проанализированное явление возрастающей роли крупных финансовых кланов и информационных олигархических структур, что стало иметь большее значение в определении политического климата США. Конечно, оно играло такую роль и до этого. Но сейчас демократический процесс оказался оторгнут от реальных национальных целей США, оказавшись в руках соперничающих финансово-экономических сил, которые реализуют свои намерения в том числе и через использование современных информационных кампаний.

Олигархический интерес стал оказывать негативное влияние на достижение общенациональных целей. Это отрицательно сказалось и на подготовке высшего руководящего состава Соединенных Штатов. В частности, президентов в какой-то мере готовили десятилетиями под пристальным общественным вниманием. В 1980-е гг. решающую роль стали играть финансово-конъюнктурные соображения организаторов и владельцев электоральных машин, которые стали приводить к власти плохо

подготовленный человеческий материал. Еще 30 лет назад невозможно было предположить, что у власти в США будут геронтократы, которые, по сути, останоят нормальную «прокачку» человеческого капитала через иерархические структуры электоральных машин. В итоге наверху политической пирамиды оказались люди, которым больше пришлось заниматься тем, чтобы доказать свое соответствие власти, чем решением конкретных злободневных политических проблем. Все мы помним, как в начале XXI в. система дала первый сбой, продемонстрировав свой анахронизм, когда А. Гор набрал больше голосов, а Дж. Буш-младший – большее количество голосов избирателей. Попытка проанализировать качество избирательной системы была предпринята в штате Флорида. В это время там был Дж. Буш-младший, т. е. представитель «семьи». Проверка обнаружила колоссальное количество злоупотреблений на отдельных участках. Только на одном из участков Дж. Буш-младший получил перевес в 150 голосов. Верховный суд, испугавшись негативной реакции, поспешил присудить победу Дж. Бушу-младшему, за что он получил титул «случайный президент» (*accidental president*), от которого так и не смог отмыться на всем протяжении своей власти.

Аналогичная ситуация повторилась в 2016 г., что стало серьезным свидетельством того, что политическая система Соединенных Штатов стала устойчиво демонстрировать свой анахронизм, неадекватность нынешней политической ситуации. В избирательной кампании 2016 г. самодовольные геронтократы Демократической и Республиканской партий полагали, что процесс свершится сам собой, за них сработает электоральная машина. Х. Клинтон, натянув на себя приветливую маску (обозреватели отмечали абсолютную идентичность улыбок, которые она демонстрировала, встречаясь с избирателями), избегала говорить о программах, будущих геополитических задачах и стратегических целях, повторяя только: «Все будет хорошо, все свершится, как надо». Она получила на 3 млн голосов больше, чем другой кандидат в президенты от Республиканской партии Д. Трамп. Однако у Д. Трампа оказалось больше выборщиков и он был утвержден новым президентом США. Ярость демократов была впечатляющей. Страну накрыли организованные ими движения протеста сродни цветным революциям на постсоветском пространстве.

Складывается впечатление, что никто в политических и финансовых элитах США не хотел перемен, что все должно было оставаться так, как было к моменту выборов. Тем не менее в глубинах американского общества происходили весьма существенные перемены. Уязвленным почувствовало себя белое пока еще большинство США. Люди, которые неспроста считали себя основателями нового демократического государства (вспомним эпитеты, которые

ему присваивали: «Иерусалим», «город на холме», «маяк» и т. д.), почувствовали себя обиженными. Десятки миллионов мигрантов, которые приезжали в течение XX в. из Латинской Америки, Азии, Африки, серьезным образом сокращали возможности белого населения Соединенных Штатов. Теоретики, занятые вычерчиванием социально-демографической перспективы США, видели, что благодаря тому, что Америка является единственной страной развитого мира, где обеспечивается устойчивый демографический рост, к середине XXI в. ее население может достигнуть более полумиллиарда человек, однако в этом полумиллиарде белые будут в меньшинстве. И к моменту избирательной кампании 2016 г. белое пока еще большинство (а это средний класс: «белые воротнички», «голубые воротнички», даже предприниматели, «капитаны» индустрии, информатики, финансисты) почувствовало себя серьезно обделенным.

Причины требуют глубокого анализа. Очевидно, что более 11 млн нелегалов, которые занимают ряд рабочих мест, серьезным образом затрудняют возможности выбора для коренного американца, наблюдается постоянный приток новых мигрантских масс из Азии, Африки, образованных, дисциплинированных, умеющих пользоваться американскими возможностями и легко обходящих коренное население в конкурентной борьбе. Настроения белого недовольства отлично услышал и использовал Д. Трамп, что обеспечило ему победу. Социальные бунты недовольных демократических группировок (белых, черных, латиноамериканцев), хорошо организованных и проплаченных, похоже, стали постоянным ландшафтом политической жизни США. Опыт политической травли Д. Трампа, накопленный демократами, сегодня начинают использовать республиканцы. Эта травля продемонстрировала возможности средств массовой информации, в частности новых информационных гигантов типа *Google*, по формированию общественного мнения, созданию матриц поведения массового избирателя, которые ломают стереотипы и обеспечивают победу любому кандидату их выбора.

Уже очевидно, что в истории американской избирательной системы ни об одних выборах не писали столько во всем мире, сколько об избирательной кампании 2020 г. И все-таки нельзя не признать, что это просто очередная избирательная кампания. Предстоит еще бесконечная череда подобных кампаний, каждая из которых будет иметь свои отличительные особенности и столь же непредвиденные последствия.

Сегодня можно сказать, что, несмотря на свою архаичность и противоречивость, избирательная система, конституционный строй, федеральная структура власти устоялись. Вопреки жесткому давлению президента Д. Трампа признать выборы несостоявшими

мися, в некоторых штатах США ряд губернаторов давлению не поддались. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что, хотя количество нарушений в ходе избирательной кампании было чрезвычайно большим (полностью вышла из-под правового контроля система подачи голосов по почте), в целом очевидное и убедительное большинство сумел набрать Дж. Байден. И хотя 75 млн голосов в основном белой Америки, поданные за Д. Трампа, подтверждают, что сам факт его президентства отнюдь не случайность, и целый ряд спорных политических шагов, которые он предпринимал, диктовались не только и не столько особенностями его характера, сколько отвечали значительной части его избирателей, эта многомиллионная масса отнюдь не намерена принимать случившееся безропотно. Впереди много событий.

На данном этапе исторического развития в Соединенных Штатах победили и демократия, и конституция. Однако непредвиденные последствия этой победы постепенно обозначаются и могут дать о себе знать как серьезный кризис политической системы США. Больше всех в американском истеблишменте напуганы, конечно, штурмом Капитолия. То, что Америка готовила и апробировала последние несколько десятилетий – казавшиеся ей наиболее удобными инструменты смены неугодных политических режимов в других странах, пришло домой. С внушающей простотой в течение нескольких часов оплот американской власти, твердая система правления закона обрушились под штурмом массового маргинального элемента. Единственный из кандидатов в президенты в двух последних избирательных кампаниях сенатор Б. Сандерс понял значение глубоких изменений в социальной структуре США, которые остались незамеченными для других.

Речь идет о колоссальном увеличении многомиллионной люмпен-массы, живущей на социальные пособия, физически здоровых людей, остающихся не у дел, ведущих праздный образ жизни. Американский капитализм в течение последних нескольких десятков лет активно использует массовую задачу социальных пособий как средство сокращения безработицы и недопущения социальных проблем. Это привело к тому, что, по признанию ряда СМИ и государственных деятелей США, масса людей, живущих на социальные пособия в Америке, сегодня достигает 50 млн человек. Эта незанятая, праздная сила может быть страшно разрушительной при дисфункции государственной системы. В ней обитает большое количество криминального, асоциального элемента, который ждет подобного рода событий, чтобы заняться грабежом и насилием. Массовые беспорядки им нужны для того, чтобы опустошить прилавки и добавить что-нибудь к тем социальным пособиям, которые выплачивает капитализм.

Б. Сандерс распознал это изменение в социальной структуре и предложил левацкую программу, суть которой, если лишить ее пропагандистской упаковки, сводилась к необходимости делиться. Она вызвала живейшие эмоции не только у этой люмпен-массы, но и у среднего класса, материальное положение которого стагнировало уже на протяжении ряда лет. Вопрос о необходимости решительных мер по улучшению материального положения на зрел и достаточно серьезно обнаружил себя в ходе этой избирательной кампании как единственное средство для уменьшения поляризации общества.

В значительной степени левый крен Б. Сандерса озвучивался демократами в ходе этой президентской кампании, и теперь Дж. Байдену придется принимать весьма непростые решения. Он преклонял колени перед протестантами движения *Black lives matter* (Жизни черных важны) и обещал им все, что они требовали. Теперь надо выполнять эти обещания.

В целом же сами выборы, жесткое противостояние сторон, пренебрежение сложившимися нормами и принципом этики избирательной кампании обнажили архаичность политического консерватизма американской *body politics*. Многие из известных апологетов американского истеблишмента бросились на ее защиту. Так, Ф. Фукуяма пишет: «Косность американской системы власти все более очевидна и проблематична, но она имеет свои плюсы. В целом, несмотря на упорные попытки Трампа ослабить социальные институциональные основы страны, ему не дали этого сделать суды, бюрократия и чиновники местного уровня. Однако конституционные издержки и противовесы, мешавшие Трампу, будут и дальше ограничивать любые попытки реформировать дисфункцию системы» [4].

Ф. Фукуяма вспоминает свои прежние высказывания, суть которых сводилась к тому, что политическая система США серьезным образом устарела и нуждается в капитальном обновлении. Сегодня, однако, ряд американских и зарубежных обозревателей едины во мнении, что при всей объективной необходимости изменений в американской политической системе они маловероятны. Все, конечно, понимают, что престарелый Дж. Байден и те руководители из прошлого, которых он привел к власти в Белый дом, вряд ли способны к серьезным, революционным переменам.

Особенностью нынешней избирательной кампании является то, что в нее достаточно активно включились союзники по военным и экономическим делам США, причем не в качестве единомышленников, а в качестве критиков. Крайне много критических статей было опубликовано в немецкой печати². У немцев, и особенно у федерального канцлера А. Меркель, претензии были очевидны.

²Wertz M. Für Trump oder für Demokratie // Spiegel. 7 Jan. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/usa-sturm-auf-das-kapitol-in-washington-trump-und-die-republikanischer-partei-a-1037775a-1141-459c-b074-899c9976522207> (date of access: 15.03.2021).

Немецкий истеблишмент унижало и раздражало подчеркнутое невнимание Д. Трампа к Германии, советам ее канцлера, пренебрежение конкретными предложениями относительно совместного сотрудничества. Д. Трамп несколько раз пролетал над Германией, совершая визиты в Польшу, и ни разу не остановился в Берлине. Период Д. Трампа немецкая печать определяла как время испытаний для всего панатлантического сообщества.

Зарубежные обозреватели, включавшиеся в избирательную кампанию, не столько критиковали Д. Трампа как лидера США, находящихся во главе панатлантического сообщества, ведущего государства мира, сколько публично выражали сомнения в том, что общественно-политическая система Америки отвечает требованиям научно-технического, культурного и военного прогресса. Получается, что косвенно западные союзники оспаривали право и претензии США на лидерство в блоке государств Запада. Немецкий журнал *Spiegel*, который особо усердствовал в критике нынешней социально-политической ситуации в США, опубликовал на эти темы несколько материалов. Сами американские СМИ однозначно характеризуют состояние страны в ходе избирательной кампании и после нее такими словами: «Америка находится в тисках кризиса и растерянности». Влиятельный американский журнал *The Atlantic* опубликовал обширное исследование обозревателя Т. Мактага, которое было озаглавлено «Упадок американского мира» [5].

Характерно, что в этом исследовании вопросы экономического положения, социальной и внешней политики не занимают внимания ученого. Его беспокоят взрывы ненависти, социальная поляризация и даже раскол американского общества, которые проявились в массовых стихийных демонстрациях по итогам выборов 2016 г. и продолжились далеко не в стихийных, хорошо организованных, идеологически мотивированных массовых шествиях под лозунгом *Black lives matter*, штурме Капитолия и др. Для автора очевидно, что руководящую мировую роль в тех объемах, что она исполняла раньше, Америка осуществить не в состоянии: «Даже тогда, когда в прошлом Америка была уязвима, Вашингтон все равно неизменно главенствовал. С какими бы моральными или стратегическими вызовами он ни сталкивался, всегда складывалось ощущение, что политический динамизм Америки не уступает ее экономической и военной мощи, что ее система и демократическая культура укоренились очень глубоко и всегда могут возродить себя. Казалось, важна сама идея Америки, тот двигатель, который неизменно приводил ее в движение, какие бы неполадки ни случались под капотом. А сейчас что-то меняется. Похоже, Америка завязла в трясине и ее способность к самовозрождению оказалась под вопросом» [5].

Сегодня мировому сообществу более привлекательные пути выхода из послекризисного кризиса предлагает Китай, успешно переживший пандемию и готовый поделиться своими достижениями с остальной частью мира. Автор полагает, что само избрание Д. Трампа является симптомом упадка Америки. Избрание старика Дж. Байдена, у которого журналисты начинают обнаруживать признаки деменции, – другой такой симптом. Избирательные технологии, использующие огромные финансовые информационные ресурсы, приводят наверх людей, часто не имеющих опыта государственной деятельности, зато послушных исполнителей воли тех сил, которые обеспечили их избрание. Только этим автор объясняет уже упомянутый нами факт, что в Белом доме могли оказаться актер, владелец фисташковой фермы, человек, сделавший свое состояние на недвижимости. Часто плохо разбирающиеся в геополитических процессах, реальных национальных интересах Америки, эти люди делают серьезные стратегические ошибки, которые приходится потом исправлять длительными и болезненными усилиями.

Конечно, американские исследователи заканчивают свои политические обзоры на жизнерадостной ноте. Цитируемый нами автор завершает свое исследование оптимистичным выводом о том, что Америка пережила бесчисленное множество кризисов и обличителей, но всегда шла своим путем. Проблема в том, что не ясно, каков этот путь на ближайшую перспективу. Автор пишет: «Подобно ле Карре, Диккенс отмечал уникальное воздействие Америки на мир и ту важную особенность, что она никогда не сможет соответствовать представлениям людей о ней, и о том, хорошая она или плохая. Глядя на Америку сегодня, мир испытывает отвращение, но не смотреть на нее не может. В США мир видит себя, но в Америке все принимает крайние формы: она более жестокая и более свободная, более богатая и более подавленная, более прекрасная и более отвратительная. Подобно Диккенсу, мир ждет от Америки большего. Но как отмечал ле Карре, здесь все дело главным образом в ощущениях. Нам не нравится то, что мы видим, когда смотрим пристально, потому что видим самих себя» [5].

Заметим, что в этом общем заключении очевидно только то, что Америка сегодня явно не в состоянии исполнять свои традиционные функции и претендовать на лидерство в свободном мире, ибо она потеряла авторитет даже среди своих союзников. Конечно, англосаксонские исследователи упорно подчеркивают идею о том, что Америка по-прежнему является ведущей экономической сверхдержавой, обладающей самым мощным военным потенциалом и демократическими системами, способными к регенерации и обновлению, достаточно лишь «собраться и нацелиться на высокие цели». Все это, разумеется, верно и дает оптимистам

основания для положительных оценок американской перспективы. Однако достаточно аргументов находится и у пессимистов. Американскому истеблишменту обидно, что хор пессимистов увеличивается в стане союзников США. Осторожные во всем, что касается оценок Соединенных Штатов, скандинавские СМИ включились в общий хор критики Америки, и одно из норвежских изданий *Aftenposten* даже назвало США «больным человеком» XXI в. [6]. Статья выражает страх руководящих кругов финансово-экономических сил скандинавских стран, суть которого в обрушении Америки как мирового лидера. Они выражают опасения, что в мировой ситуации наступит хаос. Проблема в том, что последние десятилетия глобализация развивалась по формулам, которые диктовали в основном крупные американские транснациональные корпорации, философию и политическую практику которых распространяли мощные транснациональные американские концерны *Google, Facebook, Microsoft* и др. Это привело к тому, что борьба за власть в Соединенных Штатах Америки трансформировалась в борьбу за власть во всем мире, а поляризация американских политических сил и интересов соответствующим образом оказывает негативное воздействие на мир, усиливая конкуренцию, пропагандируя недозволенные методы в погоне за прибылью, за политическими дивидендами, создавая ситуации, способные умножить число военных конфликтов в мире, которые, в свою очередь, могут вылиться в очередную мировую войну. *Aftenposten* пишет: «С самого начала США были империей, чье положение определяется не территориальным контролем, а политическим влиянием, экономической и культурной мощью и военной силой. Если падут США, вместе с ними рухнет и вся существующая международная система» [6].

Характерно, что это не маргинальное мнение отдельных авторов, а общая точка зрения, которая получила распространение в большинстве СМИ западных союзников США. Хотя саму симптоматику кризиса западная печать описывала весьма осторожно и определенным образом страховалась, привлекая к этому самих американских авторов, нет сомнения в обоснованности опасений западных союзников США в том, что глубина кризиса американского общества такова, что найти из него выход будет невероятно трудно.

Американский журналист Р. Дреер опубликовал статью во французской газете *Le Figaro*, в которой дает такую однозначную оценку: «Наша элита не понимает расовые меньшинства, у нее устаревший взгляд на них. Американская элита заперлась в мире своих псевдонаучных представлений, который напоминает этакий пузырь, через который она видит

мир искаженным. Эти люди не понимают свою страну, они одновременно боятся и ненавидят ее. Интересно и то, что результаты соцопросов о намерениях избирателей оказались ошибочными уже на вторых выборах подряд. Почему? Потому что американские граждане не решались признаться социологам, что пойдут голосовать за Трампа. Они боятся давать незнакомым людям компромат на самих себя, а намерение голосовать за Трампа – это компромат. Они видели, как жестоко ведут себя леволиберальные круги в университетах, в СМИ и на предприятиях, и понимают, что могут пострадать или даже лишиться работы, если выйдут за рамки левой идеологии, “политики идентичности”, реализуемой демократами» [7].

Устойчивость страха быть идентифицированным и наказанным за свои взгляды особенно закрепились фактическим политическим террором, связанным победителями-демократами против тех, кто, по их мнению, участвовал в штурме Капитолия. Этот страх – социально-психологическая основа, на которой Дж. Байден надеется объединять общество. Понятно, с каким интересом мировое сообщество ожидало его инаугурационную речь. Многим было ясно, что управлять Дж. Байдену придется той Америкой, что ему оставил Д. Трамп, – разделенной, обозленной страной, социальное напряжение в которой достигло невиданных ранее пределов. Аналитические центры спешили предсказать как обострение отношений с Китаем в борьбе за мировые рынки, так и увеличение социальной поляризации вплоть до раскола. И хотя отдельные СМИ высказывали оптимистичные надежды, в целом серьезные обозреватели понимали, что речь должна идти о достаточно хорошо продуманной политической реформе, социально-политических программах совершенствования здравоохранения, ликвидации безработицы и т. д. Инаугурационная речь Дж. Байдена и первая его речь о внешней политике, однако, серьезных проектов будущего Америки не содержала. Превалировали осторожные, обтекаемые формулировки, лишенные конкретного содержания. Французский обозреватель Ф. Буле-Жеркур заявил, что Дж. Байден предложил США оливковую ветвь – «единство, единство, единство» (в разных вариантах в инаугурационной речи он повторил эти слова 11 раз)³. И это все.

Заметим, что в ходе избирательной кампании Дж. Байден сосредоточился на противостоянии Д. Трампу, и это дало ему возможность избежать серьезного разговора с избирателями о социально-экономических проектах обновления Америки. Поэтому его речь во время избирательной кампании да и сама инаугурационная речь слишком походила на

³*Boulet-Gercourt Ph.* «Unite, unite»: le Rameau d'Olivier de Joe Biden aux Etats desunis d'Amerique. L'OBS. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.nouvelobs.com/joe-biden/20210120.OBS39141/unite-unite-le-rameau-d-olivier-de-joe-biden-aux-etats-desunis-d-amerique.html> (date of access: 15.03.2021).

славословие кандидата в президенты от демократов в 2006 г. Х. Клинтон: «Все будет хорошо, я принесу вам благополучие». Эта традиционная геронтократическая риторика мало кого способна убедить сегодня, но, по крайней мере, истеблишмент вздохнул с облегчением, так как теперь резких поворотов американской политики влево и вправо ожидать не приходится.

Союзники по блокам и экономическим проектам продолжают внимательно наблюдать за любыми, даже самыми незначительными, высказываниями Белого дома. Недавно немецкая печать с раздражением прокомментировала заявление Б. Джонсона о намерении заключить новое торговое соглашение с Соединенными Штатами. Такое предположение Б. Джонсон высказал после телефонного разговора с Дж. Байденом. Немцев обидело то, что Англия уже выстраивает новые линии отношений с Белым домом, несмотря на то что английский премьер-министр находился в достаточно близких, даже угодливых, отношениях с Д. Трампом. Что же касается Германии, которая критиковала Д. Трампа, она вправе была ожидать каких-то жестов от нового президента, свидетельствующих о желании нормализовать немецко-американские отношения. На момент написания этой статьи их пока не последовало.

Определенное напряжение и обиду чувствуют и восточно-европейские союзники США. Обозреватель чешского издания «Парламентские страницы» З. Коулова отмечает, что эпоха продолжительного мира в Европе и других регионах закончилась, впереди возможна и новая мировая война. З. Коулова пишет: «Пандемия усиливает и ускоряет неизбежное. Как говорят, пандемия раскрыла все, что скрывали журналисты и политики. В первую очередь проявилась невероятная хрупкость нынешней глобализованной экономики и ее сложных цепочек поставок. Показательно, что пандемия началась в Китае, куда свои производства перенесла большая часть западных компаний, заинтересованных в минимальных расходах, ведь в Китае никто особенно не заботится о гигиене и экологии. Но именно этот подход и способствовал распространению вируса» [8].

В этой относительно небольшой статье в незначительном издании содержатся два важных предупреждения. Мировое аналитическое сообщество слишком увлеклось анализом технологии американской избирательной кампании, забыв о насущных и неотложных задачах глобального мира. На повестке дня – изучение того, насколько пандемия разрушила общемировые экономические связи и взаимозависимости, каковы возможности их восстановления, сколько времени это займет.

Сегодня все государства мира заинтересованы в том, чтобы как можно скорее ликвидировать последствия неожиданной катастрофы – COVID-19. Однако сама пандемия еще далеко не исчерпала себя, и каковы будут фактические последствия, установить трудно. Ясно одно (об этом у чешского исследователя только небольшой намек, который можно назвать одновременно и надеждой на будущее): свершившийся крен глобальной экономики на Восток, выразившийся в аутсорсинге и изменении движения мировых капиталов, научно-технических инноваций, может изменить свое направление. Все то, что понадобилось для становления экономической и геополитической мощи Китая и всего региона, сегодня остро требуется для ликвидации последствий пандемии в странах Запада и в первую очередь в США.

Найдутся ли политические деятели, которые смогут обернуть эти потоки вспять в тот центр, из которого они, по сути, уже пришли в Европу и Америку, – один из важнейших вопросов мировой геополитики. Поэтому 2021 г. может стать своего рода революционным годом, в ходе которого процессы глобальной взаимозависимости обретут совершенно новое измерение и направление. Однако то, что пандемия может нанести непоправимый вред глобальным процессам, остановив их функционирование, маловероятно. Глобальным взаимозависимостям экономик, социумов, науки и культуры в современном мире альтернативы нет. Только при этом условии возможны успешная борьба с ухудшением природной среды, серьезной проблемой современного мира, и предотвращение военных и экологических катастроф.

Библиографические ссылки

1. *Webster's ninth new collegiate dictionary*. 9th edition. Springfield: Merriam-Webster; 1991. 1564 p.
2. Ostrogorski M. *La democratie et les partis politiques*. Paris: Fayard; 1993. 764 p.
3. Fukuyama F. *Political order and political decay*. New York: Farrar, Straus and Giroux; 2014. 658 p.
4. Фукуяма Ф. Прогнали насквозь? *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2021 [цитировано 5 марта 2021 г.]. Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/prognili-naskvoz/>.
5. McTague T. The decline of the American world. *The Atlantic* [Internet]. 2020 [cited 2020 December 20]. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/06/america-image-power-trump/613228/>.
6. Tvedt T. Er USA det 21. Århundrets «syke mann»? *Aftenposten* [Internett]. 2020 [sitert 2020 December 25]. Tilgjengelig i: <https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/yRRK7J/er-usa-det-21-aarhundrets-syke-mann>.
7. Dreher R. Notre nation americaine est en train de se desagreger. *Le Figaro* [Internet]. 2020 [cité 30 décembre 2020]. Disponible à: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/rod-dreher-notre-nation-americaine-est-en-train-de-se-desagreger-20201105>.

8. Koulova Z. Je patek. Šup domů ze špitalu. Zatajeny covid. Od lékařů: Co Blatný nerad slyší. *Parlamentni listy* [Internet]. 2021 [cited 2020 December 25]. Available from: <https://www.parlamentnilisty.cz/zpravy/kauzy/Je-patek-Sup-domu-ze-spitalu-Zatajeny-covid-Od-lekaru-Co-Blatny-nerad-slysi-658020>

References

1. *Webster's ninth new collegiate dictionary*. 9th edition. Springfield: Merriam-Webster; 1991. 1564 p.
2. Ostrogorski M. *La democratie et les partis politiques*. Paris: Fayard; 1993. 764 p.
3. Fukuyama F. *Political order and political decay*. New York: Farrar, Straus and Giroux; 2014. 658 p.
4. Fukuyama F. Prognili naskvoz'? [Rotten through and through?]. *Russia in global affairs* [Internet]. 2021 [cited 2021 March 5]. Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/prognili-naskvoz/>. Russian.
5. McTague T. The decline of the American world. *The Atlantic* [Internet]. 2020 [cited 2020 December 25]. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2020/06/america-image-power-trump/613228/>.
6. Tvedt T. Er USA det 21. Århundrets «syke mann»? Aftenposten [Internet]. 2020 [sitert 2020 December 25]. Tilgjengelig i: <https://www.aftenposten.no/meninger/kronikk/i/yRRK7J/er-usa-det-21-aarhundrets-syke-mann>.
7. Dreher R. Notre nation americaine est en train de se desagreger. *Le Figaro* [Internet]. 2020 [cité 30 décembre 2020]. Disponible à: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/rod-dreher-notre-nation-americaine-est-en-train-de-se-desagreger-20201105>.
8. Koulova Z. Je patek. Šup domů ze špitalu. Zatajeny covid. Od lékařů: Co Blatný nerad slyší. *Parlamentni listy* [Internet]. 2021 [cited 2020 December 25]. Available from: <https://www.parlamentnilisty.cz/zpravy/kauzy/Je-patek-Sup-domu-ze-spitalu-Zatajeny-covid-Od-lekaru-Co-Blatny-nerad-slysi-658020>.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2021.
Received by editorial board 03.02.2021.

УДК 101.1:316

«КРЕАТИВНЫЙ ПОВОРОТ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

В статье выявляются специфические черты современной европейской социальной теории в рамках ее обращения к природе креативных практик. Демонстрируются различные социально-философские методы их познания. Экспликация характера европейской социальной теории как единого целого показывает ее всевозрастающий интерес к формированию теории креативного общества и критическому обоснованию с ее помощью комплекса политических программ «Креативная Европа». Автор определяет концепт креативного поворота в пределах компаративного анализа тех теорий современного общества, которые исследуют специфику социальной реальности, конституирующейся на базе креативной экономики. Ее практики становятся специальным предметом изучения социальной теории, раскрывающей общественные границы их реализации.

Ключевые слова: социальная теория; европейская социальная теория; креативные практики; социальные практики; креативный поворот; практический поворот; креативное общество; теория креативного общества.

«THE CREATIVE TURN» IN EUROPEAN SOCIAL THEORY

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article reveals specific features of contemporary European social theory within its turn to the nature of creative practices. Different socio-philosophical methods of their cognition are demonstrated. The explication of the character of European social theory as a whole outlines the increasing interest in the formation of a theory of creative society which critically grounds the set of political programmes «Creative Europe». The author defines the concept of the creative turn within a comparative analysis of those theories of contemporary society which explore the peculiarity of social reality constituting on the basis of creative economy. Its practices become a special subject matter of social theory revealing societal limitations of their fulfillment.

Keywords: social theory; European social theory; creative practices; social practices; creative turn; practical turn; creative society; theory of creative society.

Introduction

European studies, full of twists and turns over the last twenty years, have come more sharply into the focus of the present-day criticism of social philosophy. Their

theoretical frameworks receive only sporadic attention in the margins of highly specialised publications. This gap configures the subject matter of recently emerged

Образец цитирования:

Мацевич-Духан И.Я. «Креативный поворот» в европейской социальной теории. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:40–49 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-40-49>

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. «The creative turn» in European social theory. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:40–49.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-40-49>

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; докторант.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; postdoctoral researcher.
irina.matsevich@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5263-2371>

critical European studies¹, which aim at the critical analysis of Europe as a whole with a strong theoretical and methodological grounding.

The interdisciplinary field of European studies rooted in a broad spectrum of theoretical perspectives has always been far from free of misunderstandings in the traditional hierarchy of scientific competences in academia. Admittedly, there are sharp differences between regional perspectives of European studies, how they may be methodologically shaped and developed beyond strictly or relatively determined disciplinary and scientific boundaries. All these issues become quite visible in any attempt to find a grand social theory which would be able to reveal and explain specific features of contemporary European social reality, in case if it may be distinguished as a European one and still as a social one².

This article briefly outlines a research path from a discourse analysis of the politically formatted conception of creative Europe³ [4; 5] to a critical enquiry into an emerging theory of creative society [6–12]. A bridge which has to connect two different realms of political programming and theoretical reflection will be constructed by taking as major empirical sources the European political programmes on cultural and economic development, expert reports and scientific articles to which they refer. These types of sources constitute a *reference framework* for a variety of emerging interdisciplinary conceptions of creative industries, often reunited and reinterpreted under the broader categories of creative economy and creative society.

A certain entanglement took place between the emergence of the sector of *creative industries*⁴ and the formation of the European space of *creative capital* [13]. The latter came to be one of the main globally competitive projects of contemporary Europe. However, while being quite often considered as the major expression of the present-day Europe, the phenomenon and

concept of creative culture is not the only embodiment of today's European spirit.

This article sets out the main features that define the specificity of European approaches to the present social reality as a creative one and aims at distinguishing them from the American enquiry into the creative class. Against accounts that emphasise a master narrative of R. Florida's creative class, it is argued that crucial to the transformation of Europe into a so-called «place to create» becomes the European authentic *lifestyle*⁵, which still differs from the American one. The European creative lifestyle has enabled common practices to develop across a range of different cultures. In this way the European creative space has to be explored with an appropriate social theory which would be enough receptive to the challenges of the *creative age*, but at the same time would be enough sensitive to nuances and overtones of the *European ethos*. That is a path leading a researcher to the field of axiology whereby one may elaborate value foundations for an emerging theory of creative society and outline prospects for its further application to the European reality. Even when being strongly influenced by R. Florida's idea of creative class, one could attempt to outline an identifiable difference between the European and American concepts of creative society, a clear divergence between two approaches to the same thematic field in theory and practice. A slightly sharpened rift, which may seem sometimes artificially constructed, plays a role of a temporary instrument model for further elaboration and application of diverse regional approaches to the concept of creative society.

The 21st century has witnessed the increasing interest in the *creativity dispositif*⁶ and various ways of its embodiment in social, political and economic practices. To explain their specific characteristics in today's Europe, the following questions need further elaboration: «What are the defining features of the European

¹See the recently launched book series «Routledge critical European studies» (<https://www.routledge.com/Critical-European-Studies/book-series/CEU>).

²J. Urry [1], J. Law [2] and B. Latour [3] replace the reality of the social (as well as the political and the economic) with the nature of the actor-network relationships.

³European Commission. Impact assessment. Accompanying the document Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Creative Europe Framework programme. 23.11.2011 SEC (2011) 1399 final [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011SC1399&from=BG> (date of access: 07.02.2021) ; European Commission. A New European Agenda for Culture. 22.5.2018 SWD (2018) 167 final [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/culture/document/new-european-agenda-culture-swd2018-267-final> (date of access: 07.02.2021) ; European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the Creative Europe Programme (2021 to 2027) and Repealing Regulation (EU) No. 1295/2013, COM/2018/366 final, 2018/0190 (COD) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A366%3AFIN> (date of access: 04.04.2021) ; European Parliament, Council of the European Union. Regulation (EU) No. 1295/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing the Creative Europe Programme (2014 to 2020) and repealing decisions No. 1718/2006/EC, No. 1855/2006/EC and No. 1041/2009/EC // Off. J. Eur. Union. 2013. Vol. 56, L 347/221 [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=cellex%3A32013R1295> (date of access: 04.04.2021) ; KEA European Affairs. Research for CULT Committee – Creative Europe: Towards the next programme generation. Brussels: European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, June 2018 [Electronic resource]. URL: http://www.keanet.eu/wp-content/uploads/IPOL_STU2018617479_EN.pdf (date of access: 04.04.2021).

⁴DCMS. Creative Industries Mapping Document. London: Department for Culture, Media and Sport, 2001 [Electronic resource]. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/global/publications/archive_2001/ci_mapping_doc_2001.htm (date of access: 10.01.2021).

⁵For more information on European and American lifestyles of the creative class, see D. Parrish [14], J. Ridderstrale and K. A. Nordstrom [15], R. Florida [16], P. Bourdieu [17].

⁶This concept is one of the major categories in A. Reckwitz's social theory [10]. Though he does not refer to the following source, it is necessary to mention that the concept was coined by G. Wallas in 1914 [18].

creative practice that provide its distinctiveness?», «Which of social theories, if any, might constitute a conceptual reference framework for the “Creative Europe”?»⁷ [4; 5], «What is the creative age of Europe and what does its creative capital consist of?».

The article tackles quite abstract problems of philosophical substantiation of the European creative society concept within social theory. The argument advanced in this text is that neither theories of information, knowledge and innovation society, nor theories of globalisation, digital and network society⁸ offer adequate accounts of the present-day European political project. One of the truly pressing problems is the absence of a grand theory which could justify the vividly manifested project of creative Europe. This signification may be sceptically considered as a political metaphor or construct, which needs further elaboration in order to be transformed into a scientific concept. At the same time, we may face a widespread opinion that the variety of political pro-

grammes⁹ embraced by the title «Creative Europe»¹⁰ has already accumulated and quite effectively employed key ideas and notions of a well established theory of creative class in sociology and economics [16; 19; 20]. Since the early 2000s, the latter has been working as a medium of European attempts to reassess and visualise cultural capital in terms of economic theory¹¹. In spite of the increasing interest in the phenomenon of creative class in both theory and practice, it has gradually been subjected to much more radical criticism within academia and political expertise [6; 21–26].

The author finally raises the question: «Which theories may contribute to the explanation of value contradictions in late modern social dynamics?» If we are able to face this question, we have a chance to find a unique niche in the creative age with its new ethical challenges. Being aware of the risk we are running, we have to constantly retrace various configurations of creative space in terms of its societal limitations.

From the theory of creative action to a theory of creative society

This section focuses on the emergence of a theory of creative society in the context of the 1990s neo-pragmatism of the German sociologist H. Joas and its application to European political programmes over the last twenty years. The same trend may be revealed in the range of events in the USA from the publications «The creative economy» by J. Howkins [27] and «The rise of the creative class» by R. Florida [19] to «The new urban crisis» [20], and their application to state policy strategies beyond the national ones. However, when high-

lighting the role of mainstream American approaches of the so-called creative gurus to a new concept, one should not miss the fact that the first political slogan «creative society» was introduced by R. Reagan’s campaign already in 1966 [28], whereas the concept «creative democracy» was coined by J. Dewey even earlier, in 1939 [29].

Present-day experts in cultural policies declare very confidently the innovative achievements in concept building of European and American urbanists

⁷European Commission. Impact assessment. Accompanying the document Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Creative Europe Framework programme. 23.11.2011 SEC (2011) 1399 final [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011SC1399&from=BG> (date of access: 04.04.2021) ; European Commission. A New European Agenda for Culture. 22.5.2018 SWD (2018) 167 final [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/culture/document/new-european-agenda-culture-swd2018-267-final> (date of access: 04.04.2021) ; European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the Creative Europe Programme (2021 to 2027) and Repealing Regulation (EU). No. 1295/2013, COM/2018/366 final, 2018/0190 (COD) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A366%3AFIN> (date of access: 04.04.2021) ; European Parliament, Council of the European Union. Regulation (EU) No. 1295/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing the Creative Europe Programme (2014 to 2020) and repealing decisions No. 1718/2006/EC, No. 1855/2006/EC and No. 1041/2009/EC // Off. J. Eur. Union. 2013. Vol. 56, L 347/221 [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=cel-ex%3A32013R1295> (date of access: 04.04.2021).

⁸There are outlined only those theoretical sources which are highly cited in reference frameworks of political programmes on the creative industries and creative economy in Europe [6].

⁹The present-day set of programmes «Creative Europe» and their research sources constitute the empirical background for the reconstruction of the idea of European creative society. Socio-philosophical and sociological texts are used to conceptualise these programmes. The notion «programme» signifies in this article a set of political statements expressing long-term aims and principles of policy-making.

¹⁰European Commission. A New European Agenda for Culture. 22.5.2018 SWD (2018) 167 final [Electronic resource]. URL: <https://ec.europa.eu/culture/document/new-european-agenda-culture-swd2018-267-final> (date of access: 07.02.2021) ; European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing the Creative Europe Programme (2021 to 2027) and Repealing Regulation (EU). No. 1295/2013, COM/2018/366 final, 2018/0190 (COD) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A366%3AFIN> (date of access: 04.04.2021) ; European Parliament, Council of the European Union. Regulation (EU) No. 1295/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing the Creative Europe Programme (2014 to 2020) and repealing decisions No. 1718/2006/EC, No. 1855/2006/EC and No. 1041/2009/EC // Off. J. Eur. Union. 2013. Vol. 56, L 347/221 [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=cel-ex%3A32013R1295> (date of access: 04.04.2021).

¹¹KEA European Affairs. The economy of culture in Europe: a study prepared for the European Commission [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/assets/eac/culture/library/studies/cultural-economy_en.pdf (date of access: 04.04.2021) ; KEA European Affairs. The impact of culture on creativity: a study prepared for the European Commission [Electronic resource]. URL: <http://www.keanet.eu/docs/impactculturecreativityfull.pdf> (date of access: 04.04.2021).

[13; 19; 27; 30–32] in the early 2000s, appealing to the pragmatist theory of creative action. In the context of increasing interest in the creative economy, it may be reminded that already in the early 1990s H. Joas had managed to develop the pragmatist theory of creative action and substantiated its interconnection with a theory of creative society arising at that time. His work «The creativity of action» does not provide any clear definition of creative action, it only outlines the necessary conditions of its existence: corporeality, intentionality and sociality. The comprehension of its specific features and conditions of their actualisation in social reality is a necessary foundation for building a democratic society. Hence, the creative action theory is a prerequisite for building a creative democratic society in which creativity and democracy are interwoven.

The intentionality, corporeality and social character of human action as such are primary manifestations of creativity, the existence of which is mandatory for the formation and realisation of human action. In other words, the human action is creative from the moment of its origination, but the degree of manifestation and realisation of creativity is a result of the further development of personality in society. In this respect, any human action is potentially creative.

H. Joas develops the creative action theory opposing it to theories of rational and communicative action, subjecting to criticism any metasocial guarantees of social action realisation (which underlay the concepts of social action of M. Weber, T. Parsons and J. Habermas [33–36]), and thereby reveals a space for human action creativity. The German sociologist argues that the space for human action opens up when individuals decide to put forward their own claims to creativity. In this context he raises the question of whether human creativity requires some boundaries and limitations, which are to be established by ethics. However, H. Joas gives no answer to this question, transferring it to moral theory: «The question to be asked of moral theory from the standpoint of a theory of creativity does not necessarily challenge the substratum of creativity, but addresses the way morality is rooted in personality» [37, p. 258]. Such questions imply difficulties that present-day concepts of creative society face as well without any theory of morality rooted in the creative action. The latter makes us responsible for what we want to and can create, for

why and how we are going to do this. Any project of creative democracy grows out of the creative action.

The modern embodiment of creative economy is the Achilles heel of creative democracy [24]. A bright proof is R. Florida's book «The new urban crisis» [13], which confirms that those who do not fit in the new elite will inevitably be isolated in cultural ghettos of megapolises. The mass production of creative persons means the reproduction of formatted creativity through the postindustrial infrastructure and its ideology. Discussions around creative economy concepts can follow a new trend if we return to H. Joas's theory of action and try to substantiate from the ethical point of view the legitimacy of implementation of the social project that has been generated by the expanding human claim to creativity.

This attempt to build a bridge between creative action and democratic society is the brightest illustration how far away from the European approach H. Joas moves in his analysis of social reality: «In American thought ideas of creativity are connected with the idea of democracy to an extent far greater than was ever possible in Germany. <...> ...in Germany theories about creativity have always been dominated by an aestheticist ideology of genius» [38, p. 5]. The American approach is more focused on everyday creativity, whereas the European one – on the genius.

This difference in the European and American approaches to human creativity may be noticed in the comparative analysis of R. Florida's theory of creative class and Ch. Landry's theory of creative city. The latter focuses on the European creative urban space as an integrated cultural whole in diverse localised forms and methods of its development by means of cultural geography. The American sociologist directs us to the individual potential of every representative of the creative class enquiring into its nature, sources and principles of development through the lens of economic geography, whereas the British urbanist draws our primary attention to the cultural environment with its advanced infrastructure as the background for the articulation of individual action. In the latter case the creativity of human action is considered substantially as a collective agency reproduced by the creative milieu. These divergent views are crucially determined by different philosophical worldviews of social theorists.

In quest of contemporary European social theory¹²

The meaning of the term «social theory» remains ambivalent in both social philosophy and sociology. This Anglo-American term has been translated and incorporated into different traditions of teaching the social sciences without acquiring a strict definition [39, p. 27].

In spite of its vagueness, the term remains a fashionable signification of the most relevant interdisciplinary scholarship. The British sociologist G. Delanty tries to explain this turn of the European sociologist's interest from sociological to social theory in the 20th century as

¹²The notion «contemporary European social theory» was coined and elaborated by G. Delanty. For more information on this notion, see G. Delanty [39].

«a reaction to the heavily empirical nature of American sociology where theory has generally been understood in neo-positivist terms as hypothesis testing and possibly more broadly a concern with macro-theorising» [39, p. 27]. Contemporary European social theory demonstrates the rebirth of close relationships between the social sciences and the humanities.

This interpretation of social theory and sociology radically differs from an initial view of them at the beginning of the 20th century. In spite of the fact that sociology was born in France in the 19th century, the USA reader was acquainted with the European history of sociology only in 1937 [34], when T. Parsons introduced to the American reader the quintessential thread of the sociological canon¹⁵. His introduction to European sociology preserved its charismatic status until the middle of 1960s.

In the 1940–60s, the notion of sociology in the USA was firstly and mostly associated with the notion of European social theory. H. Joas argues that T. Parsons simply ignored the American sociological school [40]. He consciously omitted representatives of American sociological thought, though they had already established their own schools by that time (for example, pragmatism and the Chicago School). Probably, they did not fit the story told by T. Parsons from the perspective of highly abstract social thought. As a result, the American sociological thought had been essentially Europeanised by the 1970–80s¹⁴.

Since then, the European social theory in opposition to the American sociological theory has always pretended to be «more than sociology and to demon-

strate its roots in the humanities and especially in philosophy» [39, p. 28]. Taking into account this intention, the comparison of T. Parsons's introduction to the American reader of the integrated whole of «European social theory» (the term was coined by T. Parsons) and H. Joas's introduction to the European reader of American pragmatism (as distinguished from European pragmatism) is of crucial importance in this context. It traces a gradual development of European social thought from the moment when it was recognised as an integrated whole with its own predicate «European» to the moment when it was more often considered as too abstract and vague in the «practical turn» of the 1990s (see below). The further revival of the American voice in the European social sciences of the 2000s was expressed in empirically grounded practice theories with more clarity and simplicity. This turn may be marked as the beginning of a relative Americanisation (H. Joas's claim) of contemporary social thought all over the world from the perspective of neopragmatism [37–47] or a relative Europeanisation (A. Reckwitz's claim) from the perspective of the practice theory [10; 48–53]. It is not a coincidence that these trends seem to be tightly connected with the formation of a theory of creative society. Following H. Joas's words that American pragmatism is the only philosophy which focuses on the creative nature of the individual's action and intends to understand any human action primarily as a creative one [38, p. 4], it is necessary to raise the question whether it is possible to build a European approach to creative society beyond the (neo)pragmatic paradigm.

The practical turn versus the practice turn in European social theory

One of the brightest expressions of the European practical turn may be revealed in the emergence of the so-called *theory of practices* in the 1990–2000s [48]. The phenomenon of practice¹⁵ becomes of increasing interest in sociology in general and in social theory in particular. The foundations of practice theory were established initially within the works by T. Schatzki [49], K. Knorr-Cetina and E. von Savigny [50], A. Reckwitz [51] and A. Warde [52]. It draws upon poststructuralism, structuration theory, ethnomethodology, actor-network theory and performativity theory [53].

The authentic turn to the practice theory in the European social sciences of the 2000s was prepared by the French neopragmatist sociology of L. Boltanski [42], L. Thévenot [43] and B. Latour [3]. L. Boltanski and L. Thévenot demonstrated the pragmatic turn from the analysis of subjects and groups to situations and

things, to artefacts and objects themselves. At the same time, European social thought experienced the revival of the interest in American neopragmatism [44–47], which was vividly expressed in H. Joas's works. However, A. Reckwitz [51] refutes any attempt to associate the birth of the practice theory with the neopragmatist movement in European social theory of the 1990s. He claims that the whole tradition of American pragmatism has «a rather loose relation» [51, p. 259] to the practice theory. At the same time, he does not try to refute H. Joas's statement that the German sociological discussion of creativity in the 1990s was shaped by the tradition of American pragmatism, where the idea of creativity had always been discussed in interplay with the idea of American democracy¹⁶ [29]. Moreover, he underlines that the practice theory is deeply enrooted in the philosophical discourse «from Heidegger and

¹⁵Talcott Parsons's «The structure of social action. A study in social theory with special reference to a group of recent European writers» focuses on the European classical sociological tradition [34].

¹⁴H. Joas claims that the works by J. Habermas and N. Luhmann became central players in the social sciences in the 1970–80s in Europe and the USA [40].

¹⁵«Practice is a routinised way of acting, and those pretheoretical assumptions and routines affect how we act, especially how we manage our bodies, handle objects, treat subjects, describe things, and understand the world» [53, p. 662].

¹⁶J. Dewey's concept of creative democracy was reinvented in R. Reagan's 1966 gubernatorial campaign, which introduced the concept «Creative Society» as a response to the set of L. B. Johnson's programmes «Great Society» [28, p. 208].

Dewey to Deleuze» [10, S. 12]. This final confirmation of the pragmatist influence on the practice theory confirms their close relationships and possible interaction. To highlight this enrootedness in the philosophy of American pragmatism, it is necessary to briefly outline a history of the German reinvention of American creativity in the form of German «Kreativität».

In the 20th century Germany creativity was a subject matter of rather Romantic aesthetic debates around the nature of genius [38, p. 5–6], whereas the USA preserved only some motifs of Romantic elitism in the interpretation of situated creativity of the public in the progressive era. The artist as a symbol of the most creative subject was replaced by the engineer and the inventor. H. Joas refers to Th. Veblen's value laden concept of *everyday creativity* [54], which became at that time one of the central notions in the technocratic ideology.

The formation of American sociological thought with its interest in everyday creativity within the Chicago School was tightly bound up with the history of American journalism, urban documentary reporting and Chicago's literary history. H. Joas's brief remark [38, p. 7] on the missing research of the connection between the pragmatist thought and modern architecture in Chicago worth of a special concern nowadays, especially when one tries to enquire into the history of modernity studies.

This pragmatist research interest in everyday creativity was later embodied in a range of applied political programmes. In the 1950–60s, a great amount of scientific institutions and foundations devoted to creativity in the USA were established. Their increasing interest in creativity may be explained with the «Sputnik Shock», when the USA felt that could loose the Space Race because their scientists were insufficiently creative [55]. After World War II, the Anglo-American notion of creativity was introduced to Europe. The notion «Kreativität» emerged in the German language in the 1950s, initially within the humanities, and gradually became quite widespread in use of everyday life, especially in leisure culture and marketing. Its meaning was associated with something what had to compensate the emptiness in personal life, to relieve the individual's stress and anxiety [37, p. 72].

H. Joas criticised this kind of superficial attitude to creativity and intended to develop his own theory aimed at the demonstration of an alternative pragmatist view of everyday creativity in the European context in the 1990s. His theory of creative action had been

built before governments of the first world launched their creative industries policies. Let us briefly consider a historical note on their invention, which highlights a pragmatic approach to their elaboration.

The concept of *creative industries* emerged in the 1990s in the context of Australian and British cultural policies [56]. This term was coined in September 1994 by Australian experts in the information economy, T. Cutler and R. Buckeridge, in the report «Commerce in content: building Australia's international future in interactive multimedia markets» [57]. This document was prepared for the department of industry, science and technology of the Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation and the Broadband Services Expert Group. At that time R. Buckeridge consulted the government in Australia on the ICT and media industries within an emerging information economy, whereas T. Cutler established his own advisory practice and was appointed soon afterwards deputy chair of the advisory board to the National Office of Information Economy (1997–1998) and chair of the Australian Government Industry Research and Development Board (1996–1998). Their report fuelled in 1994 the Paul Keating Labour Government's policy initiative and the release of the programme «Creative nation: Commonwealth cultural policy»¹⁷. That is the first clearly articulated cultural policy programme at the federal level in Australia where culture is considered as a key building block of national economy and individual citizenship in the globalised society. The concept of culture in this policy document instrumentally delineated the sectors of «film, television, radio, multimedia, cultural heritage, cultural industries, libraries, indigenous culture, regional cultural outreach and cultural tourism» [58, p. 14].

Despite the fact that the term was coined in Australia, the first explicit use of this notion was in the British Creative Industries Mapping Study¹⁸ [59]. In the late 1990s this concept was introduced to the public by the UK Government's Department for Culture, Media and Sport¹⁹ to signify a field of fruitful interactions between art, science and business at the crossroads of economy and culture²⁰.

Meanwhile, anticipating the creative age, H. Joas saw the British attitude to creativity as a unique one. He underlined that a specific understanding and feeling of creativity in the British culture radically differs from the German one: they have never reduced it to the aesthetic field. The very notion of creativity does not seem so natural and positive in the German culture in comparison

¹⁷ Commonwealth of Australia. Creative nation: Commonwealth cultural policy [Electronic resource]. URL: <http://pandora.nla.gov.au/pan/21336/200310110000/www.nla.gov.au/creative.nation/contents.html> (date of access: 10.01.2018).

¹⁸ DCMS. Creative Industries Mapping Document. London: Department for Culture, Media and Sport, 2001 [Electronic resource]. URL: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/global/publications/archive_2001/ci_mapping_doc_2001.htm (date of access: 10.01.2018).

¹⁹ Ibid.

²⁰ «Those industries, which have their origin in individual creativity, skill and talent and which have a potential for wealth and job creation through the generation and exploitation of intellectual property» (http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/+http://www.culture.gov.uk/global/publications/archive_2001/ci_mapping_doc_2001.htm).

with the British context [37, p. 72]. Their way of interpreting creativity opened up wider horizons of its application. H. Joas was able to foresee the practical benefits of this vision. In 1999 [60] he was the first who noticed that the British approach to creativity in the form of the creative industries programme was substantially shaped by the 1960s' American discussion of creativity.

In many attempts to reconstruct the history of the invention of the creative industries concept in the 1990s [56; 61; 62] one could hardly find strong theoretical grounding of national policy strategies devoted to the formation of a new sector of both economic and cultural practices. The same trends in policy making became identifiable at the European level in the late 1990s, when a concept of creative industries shaped a new generation of political programmes devoted to the fostering of economic sustainable development by means of cultural and creative resources. The German sociologist C. Offe considers this situation, full of political reforms without any attempt to provide a scientific

justification within a valid theory by means of sound arguments, as symptomatic of the lack of trust to any theory in the 1990s. He tries to explain the distinctly «a-theoretical» character of the European social sciences at that time with a rapid flow of events without clear principles, concepts and analytical expressions on the way to a «common European home» [63, p. 502]. This pragmatic intention shapes a path from the idea of the European creative industries to the project of creative Europe as a shared «place to create».

The birth of the practice theory in the late 1990s coincided with the birth of European creative policies, intriguing social scientists to reflect on them and to retrospectively explain them by means of new interdisciplinary conceptions. A. Reckwitz was the first among sociologists who revealed in his own theory the interdependence between the practice theory and an emerging theory of creative society, i. e. between a particular modern social theory and a theory of a particular modern society.

Reckwitz's theory of social practices

A. Reckwitz argues that one of the greatest mistakes would be to think that the formation of theories of society and modernity is determined by social theory. The latter rather directs them to «a particular socio-theoretical fundamental conceptuality» [10, S. 17] of their subject matter. From this perspective, the practice theory intends to delineate the conceptual definability of the creativity dispositif, which may be revealed in processes of culturalisation and aestheticisation in late modernity. The in-depth analysis of everyday creativity in today's society motivates a researcher to reconsider the foundations of social theory and methods of its building in sociology and philosophy.

Social theory cannot develop without sociological theories of modern society. In this regard, the purpose of any sociology is to comprehend society in the modern age and provide the empirical material for further development of social theory in general. Relationships between social theories and theories of society are interdependent but they cannot be described in terms of any strict determinism. The socio-theoretical describability does not determine propositions of the theory of society, it rather makes a free play in-between possible.

The theory of social practices aims at the comprehension of late modern society with the focus on culturalisation and aestheticisation of the social [10, S. 10], going beyond the sociological analysis of its formal rationalisation and functional differentiation. A. Reckwitz seeks to develop both social theory in general and a particular theory of modern society. They are embodied in the forms of the practice theory [10; 51] and an emerging theory of society in the creative age [8]. Within them, he intends to reveal specific features of both the social

reality (die soziale Realität) and the societal reality (die gesellschaftliche Realität) in late modernity.

According to A. Reckwitz, the German sociology came to a «dead end» in the 1990s. A new path out of this crisis could be found in works of French social and cultural theories: in the range of French authors he outlines P. Bourdieu, M. Foucault, B. Latour and L. Boltanski. Another source of inspiration he finds in Anglo-American cultural anthropology, sociological and cultural studies of the media, space and subjectivity. Employing these theoretical perspectives, he tries to go beyond the formal rational analysis of the social and defines his praxis theory as «a materialistic cultural theory, or rather a cultural-theoretical materialism» [10, S. 11]. This analysis focuses on the corporeal, the bodily aspects of activity, its affective nature and sense perceptions, which shape experience and reveal hybrid cultural orders, the constitutive meaning of things and artefacts for social praxis, including media technologies and space constellations. The praxis theory introduces an approach which is able to respond to challenges of the creative age by means of praxeological sensibility to a new type of the social in a network of cultural and material elements. It demonstrates the antagonism between rationalisation and aestheticisation processes in the orientation towards the social regime of authentic, experimental, affective singularities in opposition to formalism, scientism and effectivity of the past. In this context the concept of *singularities* signifies objects and subjects with the claim to the special [9]. Social subjects and groups are replaced with singularities which ought to participate in the fight for attention in the creative age.

If for H. Joas creativity is a universal trait of any human action, for A. Reckwitz it is rather a socially, culturally and historically situated product. The latter view moves from social theory to a theory of modernity within historical and cultural sociology, where creativity is considered as situated in specific practices of particular cultural space and historical time [64, p. 128]. Simultaneously, on the way from A. Reckwitz's article «Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorising» [51] to his monography «Society of singularities» [9] becomes apparent a gradual turn from the sociology of culture to socio-philosophical theories of practice. This turn is shaped with diverse theoretical perspectives, to mention just a few of them: J. Dewey's pragmatism, H. Joas's neopragmatism, M. Foucault's poststructuralism, P. Bourdieu's theory of practice, J. Butler's theory of performativity and B. Latour's actor-network theory.

To support his theoretical position in the history of contemporary sociological thought [8; 11], A. Reckwitz refers to L. Boltanski's and È. Chiapello's «The new spirit of capitalism» [42] with its focus on the aesthetic logic of late capitalism's culture. A turn to aesthetic capitalism took place after World War II. Since then the main product of manufacture and consumption seems to be signs and symbols. Following the French neopragmatist analysis of the aesthetic field, the German sociologist reveals the essential shift in the interpretation of creativity in the 1960–70s' counterculture, when its social, cultural and political performances were subjected to art criticism.

With a portion of ironical skepticism, A. Reckwitz distances from L. Boltanski's and E. Chiapello's diagnosis of the late modern spirit in terms of «wicked capitalism», which is totally penetrating and dominating the whole aesthetic sphere. It is hardly possible to claim that aesthetics has come down to the market. On the contrary, economy seems to be totally subjected to aestheticisation processes. However, A. Reckwitz does not try to oppose them, rather he attempts to concilia-

te them by substantiating close relationships between *homo aestheticus* and *homo oeconomicus*. His interpretation of them within the practice theory focuses on the corporeality and performativity of the subjectivation process in heterogeneous formations of cultural orders.

Leaving irony aside, the German sociologist reveals the contradictory totality of the late capitalist creativity dispositif and its imperative. The advancement of the latter is expressed in the form of social expectations according to which every person wants and ought to be creative. He enquires into this imperative through three main elements of the creativity dispositif: «The culturalisation of the metropolis, the creative as an advanced form of subjectivisation, and finally the special relevance of practices in the artistic field for the cultivation of aesthetic capitalism» [10, S. 17]. The desire for authenticity, originality, novelty and surprise transforms into a compulsion and a demand held against art, science, education and business. The mass reproduction of the artistic lifestyle leads to the increasing escapism into the world of communication, marketing, design and architecture. The picture of the creative city with its luxury lofts, centers of contemporary art and cultural quarters for tourists is formatted with the model of the consumption place. The public space is reproduced in the form of the marketing place.

The aesthetic regime of consumption in the urban space delivers to the public an illusion of creative atmosphere. Meanwhile, the total culturalisation and implied aestheticisation of social space leads to new forms of social discrimination and its anxiety of increasing precarisation. However, individuals still seek to find an improved image of wicked capitalism in their own creative spirit. All these contradictory processes, which illustrate the gradual emergence of a new type of reality, need further exploration and critical analysis within social theory. The latter has to explain them and predict their possible long-run consequences, to introduce instruments of healing negative effects of the creativity imperative.

Conclusion

The creative turn of the 21st century in European social theory has revealed its specific features within the research of praxis in its different versions. Among them may be outlined H. Joas's theory of creative action and A. Reckwitz's analysis of creative society in the practice theory. In comparison with the American research of creative economy and its geography, the European social thought focuses more on the culturally embodied and historically situated normativity of everyday

creative practices, their valuable forms shaping individual and communal activities as being meaningful, universally valid and justifiable. The attempt to reach a balance between discourse analysis and empirical research in the practice theory directs its representatives to the elaboration of methodological foundations for a more relevant, robust and dynamic social theory *per se*, which has to answer creative challenges of praxis in its diverse manifestations.

References

1. Urry J. *Sociology beyond societies: mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge; 2000. 255 p.
2. Law J. *After method: mess in social science research*. London: Routledge; 2004. 188 p.
3. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.

4. Bruell C. *Ifa-edition culture and foreign policy Creative Europe 2014–2020. A new programme – a new cultural policy as well?* Stuttgart: Institute for Foreign Cultural Relations; 2013. 29 p.
5. Dossi S. *The creative Europe programme. European implementation assessment.* Brussels: EPRS; 2016. 40 p.
6. Matsevich-Dukhan I. Towards a creative society: European versus American approaches. *Studies in Euroculture.* 2020;5:115–139. DOI: 10.17875/gup2019-1225.
7. Reckwitz A. *Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne.* Berlin: Suhrkamp; 2019. 306 S.
8. Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung.* Berlin: Suhrkamp; 2012. 408 S.
9. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten. Zum Strukturwandel der Moderne.* Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
10. Reckwitz A. *Kreativität und soziale Praxis: Studien zur Sozial- und Gesellschaftstheorie.* Bielefeld: Transcript; 2016. 314 S.
11. Reckwitz A. *The invention of creativity. Modern society and the culture of the new.* Cambridge: Polity Press; 2017. 310 p.
12. Stasiulis N. The idea of the creative society and the development of creative industries. *Economics and Sociology.* 2017;10(2):217–226. DOI: 10.14254/2071-789X.2017/10-2/16.
13. Landry C. *The creative city: a toolkit for urban innovators.* London: Earthscan; 2006. 350 p.
14. Parrish D. *T-shirts and suits. A guide to the business of creativity.* Liverpool: Merseyside ACME; 2006. 112 p.
15. Ridderstrale J, Nordstrom KA. *Funky business: talent makes capital dance.* London: Prentice Hall; 2002. 288 p. Co-published by the «Financial Times».
16. Florida R. The experiential life. In: Hartley J, editor. *Creative industries.* Malden: Blackwell Publishing; 2008. p. 133–147.
17. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgement of taste.* London: Routledge; 2007. 613 p.
18. Wallas G. *The Great Society. A psychological analysis.* London: Macmillan and Co.; 1914. 406 p.
19. Florida R. *The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life.* New York: Basic Books; 2002. 404 p.
20. Florida R. *The new urban crisis: how our cities are increasing inequality, deepening segregation, and failing the middle class – and what we can do about it.* New York: Basic Books; 2017. 336 p.
21. Galambos L. *The creative society – and the price Americans paid for it.* Cambridge: Cambridge University Press; 2011. 336 p.
22. Glaeser E. *Triumph of the city: How our best invention makes us richer, smarter, greener, healthier, and happier.* New York: Penguin Press; 2011. 352 p.
23. Matsevich-Dukhan IJa. In quest of a homeland of the wandering class. *Voprosy Filosofii.* 2020;1:66–76. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-1-66-76.
24. Moretti E. *The new geography of jobs.* Boston: Houghton Mifflin Harcourt; 2012. 304 p.
25. Stern MJ, Seifert SC. From creative economy to creative society. Culture and community revitalisation: a collaboration [Internet]. 2008 [cited 2019 April 4]. Available from: http://repository.upenn.edu/siap_revitalization/6.
26. Wiesand A, Söndermann M. *The «creative sector» – an engine for diversity, growth and jobs in Europe.* Amsterdam: European Cultural Foundation; 2005. 18 p.
27. Howkins J. *The creative economy: how people make money from ideas.* London: Penguin Books; 2007. 269 p.
28. Schoenwald J. *Time for choosing: the rise of modern American conservatism.* Oxford: Oxford University Press; 2002. 352 p.
29. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: the later works, 1925–1953. Volume 14.* Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
30. Bianchini F, Santacatterina LG, editors. *Culture and neighbourhoods. Volume 2. A comparative report.* Strasbourg: Council of Europe Publishing; 1997. 110 p.
31. Landry C. London as a creative city. In: Hartley J, editor. *Creative industries.* Oxford: Blackwell; 2008. p. 233–244.
32. Landry C. *The art of city making.* London: Earthscan; 2008. 462 p.
33. Habermas J. *Theory of communication action.* Boston: Beacon Press; 1984–1991. 2 volumes.
34. Parsons T. *The structure of social action.* New York: McGraw Hill; 1937. 840 p.
35. Weber M. *Economy and society: an outline of interpretive sociology.* Berkeley: University of California Press; 1978. 1840 p.
36. Weber M. The nature of social action. In: Runciman WG, editor. *Max Weber: selections in translation.* Cambridge: Cambridge University Press; 1978. p. 7–32. DOI: 10.1017/CBO9780511810831.005.
37. Joas H. *The creativity of action.* Chicago: University of Chicago Press; 1996. 336 p.
38. Joas H. *Pragmatism and social theory.* Chicago: University of Chicago Press; 1993. 280 p.
39. Delanty G, editor. *Handbook of contemporary European social theory.* London: Routledge; 2006. 419 p.
40. Joas H. *Social theory: twenty introductory lectures.* Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 618 p.
41. Baert P, Turner BS. *Pragmatism and European social theory.* Oxford: Bardwell Press; 2007. 187 p.
42. Boltanski L, Chiapello E. *The new spirit of capitalism.* London: VERSO; 2007. 601 p.
43. Boltanski L, Thévenot L. *On justification: economies of worth.* Princeton: Princeton University Press; 2006. 400 p.
44. Alexander JC. *Action and its environments: toward a new synthesis.* New York: Columbia University Press; 1988. 342 p.
45. Bernstein RJ. *Praxis and action: contemporary philosophies of human activity.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press; 1971. 368 p.
46. Putnam H. *Pragmatism: an open question.* Oxford: Blackwell; 1995. 120 p.
47. Rorty R. *Philosophy and the mirror of nature.* Princeton: Princeton University Press; 1979. 424 p.
48. Dubuisson-Quellier S, Plessz M. Annexe 1: La théorie des pratiques, une recherche bibliographique. *Sociologie* [Internet]. 2013 [cité 4 avril 2019];4(4). Disponible à: <http://sociologie.revues.org/2039>.
49. Schatzki TR. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social.* Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 260 p.
50. Knorr-Cetina K, Schatzki T, von Savigny E, editors. *The practice turn in contemporary theory.* London: Routledge; 2001. 252 p.
51. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorising. *European Journal of Social Theory.* 2002;5(2):243–263. DOI: 10.1177/13684310222225432.

52. Warde A. Consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*. 2005;5(2):131–153. DOI: 10.1177/1469540505053090.
53. Ryan JM. Cutting-edge developments in contemporary theory. In: Ritzer G, editor. *Sociological Theory*. New York: McGraw-Hill; 2010. p. 645–664.
54. Veblen T. *The theory of the leisure class*. London: Penguin Classics; 1994. 400 p.
55. Nelson C. The invention of creativity: the emergence of a discourse. *Cultural Studies Review*. 2010;16(2):49–74. DOI: 10.5130/csr.v16i2.1694.
56. Throsby D. *Economics and culture*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 208 p.
57. Buckeridge R, Cutler T. *Commerce in content: building Australia's future in interactive multimedia markets*. Melbourne: Cutler & Company; 1994. 45 p.
58. Craik J. *Re-visioning arts and cultural policy. Current impasses and future directions*. Canberra: ANU E Press; 2007. 104 p.
59. Higgs P, Cunningham S, Pagan J. Australia's creative economy: definitions of the segments and sectors. Brisbane: ARC Centre of Excellence for Creative Industries & Innovation; 2007 [Internet; cited 2019 April 4]. Available from: <http://eprints.qut.edu.au/archive/0008242/>.
60. Joas H. *Die Entstehung der Werte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1999. 321 S.
61. Garnham N. Concepts of culture: public policy and the cultural industries. *Cultural Studies*. 1987;1(1):23–37. DOI: 10.1080/09502388700490021.
62. Garnham N. From the arts to the creative industries: anatomy of confusion. In: Selwood S, editor. *The UK cultural sector: profile and policy issues*. London: Policy Studies Institute; 2001. p. 445–459.
63. Offe C. Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe. *Social Research*. 2004;71(3):501–528.
64. Reckwitz A. The creativity dispositif and the social regimes of the new. In: Rammert W, Windeler A, Knoblauch H, Hutter M, editors. *Innovation Society Today*. Wiesbaden: Springer; 2018. p. 127–148.

Received by editorial board 13.02.2021.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 378.4

МЕТОДОЛОГИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. Г. ВОЛНИСТАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется проблема институциональных изменений университета как академической системы в условиях пандемии. Академические ценности современного университетского профессионального сообщества включают социальную ответственность учреждения высшего образования. В новых условиях это ценностное измерение его роли в жизни социума определяет основные направления исследований трансформаций университета как важнейшего социального института. Указываются факторы институциональной устойчивости высшего образования. Рассматривается роль университета в преодолении глобальных и локальных рисков.

Ключевые слова: академическая система; институциональные изменения; университетское образование; институциональная устойчивость университета; социальная ответственность университета; цели устойчивого развития.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта ректора Белорусского государственного университета.

Образец цитирования:

Волнистая МГ. Методология институциональных изменений университетского образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:50–57.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-50-57>

For citation:

Volnistaya MG. Methodology of institutional changes in university education. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:50–57. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-50-57>

Автор:

Марина Георгиевна Волнистая – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Marina G. Volnistaya, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
mgv22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8740-1568>

METHODOLOGY OF INSTITUTIONAL CHANGES IN UNIVERSITY EDUCATION

M. G. VOLNISTAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the problem of institutional changes at the university as an academic system in a pandemic. The academic values of the modern university professional community include the social responsibility of the university. In the new conditions, this value dimension of the role of the university in the life of society determines the main directions of research on transformations of the university as the most important social institution. The factors of institutional sustainability of university education are determined. The author examines the role of the university in overcoming global and local risks.

Keywords: academic system; institutional changes; university education; institutional stability of the university; social responsibility of the university; goals of sustainable development.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the grant of the rector of the Belarusian State University.

Университеты должны сосредоточиться на том, для чего они хороши, а не на том, в чем они хороши...

Дж. Скирм

Введение

Экспертное сообщество оценивает влияние COVID-19 на социально-культурное пространство мирового высшего образования следующим образом: «Сейчас, в разгар крупнейшего глобального кризиса в области здоровья за последние сто лет, невозможно делать точные прогнозы, но очевидно, что его воздействие на высшее образование будет существенным и преимущественно негативным; неравенство между студентами, вузами и странами станет более заметным. Ситуация в разных регионах мира будет разной, но больше всего наверняка пострадают вузы беднейших стран» [1, с. 6]. По данным ЮНЕСКО, на 23 марта 2020 г. более 1,7 млрд учащихся в мире были вынуждены прекратить посещать школу или учреждение высшего образования (УВО) из-за вспышки COVID-19. Это примерно 90 % школьников и студентов во всем мире. Большинство УВО перевели преподавателей на дистанционную работу, не оценив предварительно трудности, которые возникли из-за перехода учебной программы в новый формат [2, с. 14]. В развитие печальной констатации философского измерения университета в эпоху метамодерна звучит и такая мысль философа Ж. Реше: «Современный университет теперь больше напоминает сообщество. И поскольку социальность первична, то последнее, что исчезнет, – как раз университет как сообщество, специфическая сформированная форма “со-бытия” с другими, которая нацелена на обмен знаниями... <...> Открытые университеты и площадки для обучения, которые сейчас появляются, “пародируют” традиционный

университет, а он, в свою очередь, пытается бороться за свои права. Происходит ситуация, где “ненастоящие” университеты, в которых происходит “ненастоящее” обучение, предлагают навязать свои дипломы, представить себя как правильную форму получения знаний. Но будущее все же будет за опровержением университета и выходом университета за свои рамки. Причем социальность, создаваемая в университетах в разных формах, обязательно сохранится» [3]. Одновременно все активнее высказываются критические мнения по отношению к существующим системам рейтинговой оценки деятельности университетов. Сложившиеся подходы к рейтинговой оценке важны и имеют большое значение для академических сообществ самих университетов, но у всех существующих рейтингов есть недостатки, как методологические, так и с позиций самой философии образования. «Если мы собираемся измерить то, что делают университеты, давайте сконцентрируемся на том, что действительно имеет значение», – высказала недавно свою позицию директор по социальной ответственности Манчестерского университета Дж. Скирм [4]. Подход к рейтингам «снаружи внутрь» должен начинаться, по мнению этого эксперта, прежде всего с ценностей и приоритетов в более широком глобальном мире, а затем можно оценивать, насколько университеты соответствуют им. «Традиционные рейтинги университетов используют подход, который я бы назвала “изнанкой”: они измеряют то, что мы делаем внутри нашей системы, и ожидаем,

что посторонние будут заботиться о наших интересах. Оценки включают мнения коллег, соотношения преподавателей и студентов, долю присужденных степеней. Все это невероятно важно для тех, кто работает в университетах, и почти не имеет отношения к проблемам остального общества»¹ [4].

Теоретические основы

Высказывается много точек зрения об изменении роли, функций и содержании высшего образования в эпоху трансформации университета. Все они сводятся практически к одному: университет, являясь одним из важнейших социальных институтов знаниевой экономики, лидером цифровизации воспроизводственных процессов в различных сферах жизни, институцией, продуцирующей в обществе культурный капитал, в профессиональном смысле поставлен перед необходимостью воспроизводить новые функциональные начала в своей деятельности.

Вступая в устойчивые отношения и взаимодействуя, люди и социальные индивиды способны организовывать социальные системы с централизованным управлением, позволяющие сообща реализовывать совпадающие (общественные) цели, которые индивидуально либо нереальны, либо достижимы с низкой эффективностью. Общая теория систем утверждает, что любые социальные системы относятся к классу сложных и обладают присущими им чертами [5]. Университет обладает уникальными свойствами, определяющими его как социальную систему, благодаря совокупности качеств и характеристик, которые проявляются в результате социального взаимодействия участников этой системы – социальных индивидов, интегрированных в различные групповые формы социальности, например в рамках дисциплинарных академических сообществ. В силу этого университет является академической социальной системой. Целенаправленность социальной системы есть следствие целенаправленности ее элементов, способных во взаимодействии определять и реализовывать общественные цели. Сегодня университеты становятся мультитраекторными, охватывая широкий слой общества. Они создают программы профессионального образования, отвечающие потребностям определенных компаний, регионов, организуют открытые лектории и специализированные курсы. В то же время университету необходимо быть включенным в мировую интеллектуальную сеть, поскольку в противном случае неоткуда брать новые теории и практики. Для этого нужно быть интересным для других университетов и субъектов экономической жизни, а также обладать уникальной *экспертизой*. Универ-

Таким образом, современный университет в условиях нарастания глобальных кризисных процессов, особенно остро проявившихся в постпандемийный период жизни социума, переживает непростое время, требующее институциональных изменений.

ситет, как любая социальная система, осуществляет определенные функции:

1) реализует социальную миссию и социальную ответственность – функции, исполняемые данной социальной системой в надсистеме (кроме систем, обладающих свойством суверенитета);

2) сохраняет социальную систему и поддерживает ее в стабильном состоянии (в целеустремленных системах, имеющих единую главную цель, – только до ее достижения);

3) расширяет возможности социальной системы, ее оптимизирует и модернизирует;

4) создает благоприятные условия для жизнедеятельности подсистем, в том числе повышающие вероятность сохранения и совершенствования последних.

Основные функции социальных систем взаимозависимы. Университет, как социальная система, стабилен и устойчив за счет выполнения большого количества разнообразных социальных функций, не только востребованных государством, но и вызванных необходимостью решения проблем внутренней среды, которая определяет регламентацию жизни академического сообщества университета (*организация учебного, исследовательского и воспитательного процесса; управление академической системой; контроль и оценка достигнутого*). Эксперты в области высшего образования делают общий вывод о содержании деятельности университета как академической социальной системы: «Им [современным университетам. – М. В.] нужно быть источниками новых смыслов, взглядов, норм поведения, вечными критиками и вдохновителями... <...> Пока это получается, они будут иметь значение. Глобально и локально» [6, с. 161]. Сегодня во всем мире перед высшей школой в контексте ее участия в решении вопросов жизнеобеспечения общества стоит задача продемонстрировать свою социальную значимость. Какова функциональная роль каждого университета как социального института в государственном, частном или некоммерческом секторе гражданского общества? Что, с точки зрения участия университетов в жизни экономики, научных исследований и реализации проектов, актуально и востребовано правительствами, студентами, налогоплательщиками, структурами бизнеса и производства?

¹Здесь и далее перевод наш. – М. В.

Результаты и их обсуждение

Необходимость совместного решения глобальных и локальных проблем в области экономики, социального неравенства, природоохранной деятельности, создания социальных технологий для лечения и профилактики болезней, предотвращения социальных дисфункций XXI в., урегулирования конфликтов и противоречий современного социума создает в обществе острую востребованность в «социально ответственных университетах», «вовлеченных университетах», «университетах новой силы» [4].

Образовательные учреждения высшей школы, которые включили в стратегию своего роста все 17 целей устойчивого развития, представлены 193 странами. В проводимых исследованиях университеты предлагают различные модели решения проблем, касающихся изменения климата, деградации окружающей среды, социального неравенства, выдвигают рекомендации по обеспечению безопасного образа жизни на локальных территориях. Это глобальная основа для формирования потенциала *органической солидарности* (Э. Дюркгейм) в рамках совместных международных проектов университетского сообщества. Она позволяет формировать новую социальность, изыскивая методы проектирования современной системы социального взаимодействия и диалога с участием университетов в условиях разрушения процессов глобализации.

Американский экономист, социальный философ, историк, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. Д. Норт разработал институциональную экономическую теорию. В своей работе [7] он рассмотрел роль институтов в социально-экономическом развитии, а также зависимость развития экономики от исторически сложившейся институциональной системы. Университеты, традиционно выполняющие функцию формирования человеческого капитала и института развития, всегда были неразрывной частью культуры как общей институциональной системы социума. Уникальные страницы истории университетского образования в разных странах свидетельствуют об этом.

Первые университеты возникли в жизни средневекового общества еще в XII в. именно как автономные корпоративные объединения и академические сообщества. Это было первым этапом институционализации университетского образования. Европейские университеты гордятся своей многовековой историей, поскольку она была тесно связана с развитием экономики и социальной жизни известнейших городов: Болоньи, Праги, Кракова и др. Средневековые магистры, как и другие члены различных профессиональных корпораций, осуществляли свое право первых академических свобод, транслировали необычные формы организации и нормирования социальной жизни. Стал складываться особый академический мир, имеющий свою

иерархию, форму организации обучения. Это была академическая система, где можно было самостоятельно определять порядок исследовательской деятельности и устанавливать форму занятий, избирать деканов и ректоров, менять правила проведения экзаменов. В то же время средневековый университет со всеми академическими свободами в своем «интеллектуальном измерении» уже четко сформировался как социальный институт. На каждом факультете существовала строго установленная доктрина, был определен перечень работ авторитетных деятелей науки, обязательных для изучения. При этом христианская догматика была главным аксиологическим фундаментом для всего комплекса университетского знания. На смену модели средневекового университета пришла модель гумбольдтовского университета, которая окончательно закрепились в культурном пространстве общества в начале XIX в. Она, наоборот, пропагандировала свободу преподавания. Круг потенциальных исследований проектов был безграничен, приветствовалась свобода обучения. Именно в это время студенты впервые получили право самостоятельно выбирать траекторию своего обучения. Именно тогда появились первые представления об университете как об исследовательском институте. Это произошло в Германии в эпоху бурного развития новых идей, когда промышленная революция проникла в мир социальной жизни. Потребовались эмпирические исследования в лабораториях до того, как точность и правильность результатов была бы подтверждена на практике и появились бы новые технологии. Приоритетность исследования над преподаванием буквально выкристаллизовалась в модели университета В. фон Гумбольдта с присущим ей поиском знаний как непрерывной деятельности [8].

С развитием исследовательских университетов в разных странах ЕС и США как региональных научных центров в мире и их участием в разработке прав на интеллектуальную собственность связано появление новых технологий и материалов, которые способствовали росту крупного капиталоемкого производства, углублению специализации и разделению труда, выведению новых сортов сельскохозяйственных культур, разработке новых источников энергии. Инновации, созданные в университетских научных центрах и лабораториях, будут способствовать прогрессу в вопросах сокращения бедности, обеспечения продовольственной безопасности и улучшения здоровья. Исследовательские университеты фактически относятся к числу основных учреждений экономики знаний XXI в. Специалисты в области высшего образования признали важность роли исследовательских университетов в быстрорастущих регионах Азии и Латинской Америки. В 2002 г. Всемирный банк сделал вывод о том, что,

находясь в рамках системы высшего образования, исследовательские университеты играют ключевую роль в подготовке специалистов высокого уровня, ученых и исследователей, необходимых экономике, а также в производстве новых знаний для поддержания национальных инновационных систем. Глобальное исследование в области выдачи патентов, проведенное в 2007 г., показало, что университеты и исследовательские институты в большей степени, чем коммерческие фирмы, служат движущей силой научных достижений в биотехнологии. Об этом свидетельствует опыт 11 университетов из девяти стран мира, рассмотренный и обобщенный в 2012 г. сотрудниками Международного банка реконструкции и развития [8]. Данные исследования подтвердили, что деятельность университетов связана непосредственно с серьезными институциональными трансформациями в экономике самых разных стран. Развитие институтов, создающих благоприятную среду для совместного решения сложных проблем *обмена*, обеспечивает экономический рост, как считает американский ученый Д. Норт [7]. Трансформация института может быть связана со сменой модели экономического развития, стратегии и политики, осуществляемой в рамках одной и той же экономической системы. Вектор институциональных изменений лежит на линии основных социальных институтов.

Уже сегодня под влиянием информационных технологий и различных технологических платформ существенно преобразуются организация и содержание учебного и исследовательского процессов. В университетах происходит и трансформация академического труда, появляются признаки серьезных противоречий между традиционными ценностями академического мира и новыми тенденциями развития университетского образования. Университетское сообщество выдвигает стратегические приоритеты своего участия в экономической жизни общества. Оно создает открытые интернет-платформы, формирует сетевые коммуникации, которые приобретают все большее значение, способствуя объединению людей с общими социальными и экономическими целями и интересами, формированию новых институциональных условий для развития экономики будущего. Нет сомнений в том, что опыт пандемии побудил к внедрению быстрых инноваций и адаптации к новым обстоятельствам, в которых университеты сегодня осуществляют международную деятельность. «Именно поэтому университет будущего сохранится в форме социальной вкупы с критическим мышлением, от которого социум уже не может отказаться» [3].

Белорусские ученые, сторонники институциональной теории, соглашаются с мнением о значимой взаимосвязи уровня институционального развития страны и ее экономического роста. Исследователи

пишут, что особую важность для убедительного обоснования экономического значения различных групп институтов имеют свидетельства, полученные в исследованиях второй половины 1990-х гг. Заведующий сектором анализа макроэкономической динамики Института экономики Национальной академии наук Беларуси О. И. Моторина приводит убедительную точку зрения: «В любом обществе совокупность институтов образует определенную среду, в рамках которой они дополняют друг друга и взаимодействуют. Страны, достигшие лидирующих позиций в экономическом развитии, отличаются высоким качеством институциональной среды, под которой понимают степень удовлетворения потребностей экономических субъектов в институтах и институциональных механизмах, во многом обусловленную состоянием и результативностью их развития» [9, с. 34]. В своих статьях О. И. Моторина приводит аргументацию, подтверждающую существенную роль институтов развития человеческого капитала, в первую очередь институтов в сфере образования (предполагается, и университетов), здравоохранения и социального обеспечения, в создании институциональных условий для устойчивого развития экономики. Главный редактор журнала «Социология власти» В. С. Вахштайн, специалист по социальной теории, социологии повседневности и городским исследованиям, автор широко известных книг «Социология повседневности и теория фреймов», высказал интересную точку зрения о том, что университет – это парадоксальная институция: «Не являясь в чистом виде ни политическим, ни экономическим субъектом, он, тем не менее, постоянно вынужден решать политические и экономические задачи. Будучи обязан самим своим существованием пересечению политики и экономики, университет при этом каким-то образом сохраняет свою автономию и логику существования в самых неблагоприятных условиях» [10]. Этот вопрос был затронут 20 февраля 2021 г. на веб-сайте газеты «World University Global News» [11]. Проблема обсуждалась с точки зрения того, могут ли университетские консорциумы и сети адаптироваться к новым нормам, которые принес опыт пандемии, побудивший к быстрым инновациям и адаптации. Практика, например, межуниверситетской сети *Universitas 21* – яркий образец международного сотрудничества, который позволяет задуматься о назначении сетей с участием мировых университетов и о том, почему университеты присоединяются к ним. Они обеспечивают совместную силу и преимущество, достигая вместе большего, чем это возможно в одиночку, в отношении общих целей и интересов [11].

Эксперты считают, что университеты обладают поразительной институциональной устойчивостью. «С одной стороны, они способны переживать смены глобальных социально-экономических реалий,

инерционно удерживая свою структуру. С другой стороны, они же способны кардинально меняться, при этом сохраняя преемственность и свое уникальное лицо» [6].

Сегодня система социального взаимодействия университет – общество – государство в философском, социологическом, политологическом, педагогическом и междисциплинарном научном дискурсах становится одним из самых интересных предметов обсуждения и оценок в социальном познании. Государственная образовательная политика в разных странах в перспективе будет направлена на значительное финансирование исследовательских работ и осуществление комплекса системообразующих программ на уровне социального управления с участием субъектов университетского образования. Университет, таким образом, определяет основную цель своей деятельности – реализацию социальной ответственности, тем самым формируя механизмы для консолидации общества, обеспечивая сплоченность созидательных сил. В этом случае нас не может не интересовать актуальный вопрос в области методологии институциональных изменений: какие методологические основания позволяют утверждать, что в современную эпоху изменений университет, как ведущий социальный институт в культурной и экономической жизни общества, являясь одновременно по своей внутренней архитектонике академической социальной системой, гарантирует обществу и государству способность обеспечивать устойчивое развитие? Междисциплинарный подход и синтез основных подходов и методологических принципов теории социальных систем, теории институционализации и теории устойчивого развития, требующие соответствующей философской рефлексии (которая до сих пор полноценно не осуществлена в философии образования), в определенной степени позволяют нам надеяться на это. На наш взгляд, принцип минимизации потерь, а не максимизации прибыли, озвученный в теории устойчивого развития социальных систем [12], должен стать определяющим при модернизации университетского образования, внедрении в образовательную практику высшей школы новых моделей функционирования. В обществе и экономике востребованы модели университетского образования, которые позволили бы институции университета в первую очередь максимально мобилизовать свою особую социальность, создаваемую в разных формах, и раскрыть организационный и культурный потенциал для участия в решении стратегических и тактических проблем инновационного обновления и успешного экономического развития общества и государства, преодолении тяжелых экономических и социальных последствий пандемии. Особая социальная среда и диалоговое поле новой системы университетского образования,

специфика новой реальности, продуцируемая в современной коммуникации между академическим сообществом преподавателей и студентов, структурами бизнеса и производства, исполнительными и управленческими структурами государства, субъектами исследовательского и образовательного процессов с участием университетов, сейчас становится самыми продуктивными. Междисциплинарные команды и университетское академическое сообщество разрабатывают проекты стратегического взаимодействия среды большого города и среды университета, рынков труда, финансов и объектов интеллектуальной собственности, рассматривают проблемы социального транзита городской и сельской среды с участием университетов. Под влиянием развития информационных технологий происходят кардинальные изменения образовательной среды, организации и содержания учебного процесса в университете, трансформируется академический труд в условиях парадигмы образовательных услуг. К сожалению, сегодня констатируется падение социального статуса суверенной академической профессии – профессора и преподавателя высшей школы. На практике оно выражается в стремительном росте численности непостоянного преподавательского состава и распространении условий найма, делающих заработную плату зависимой от достижения различных целевых показателей. Под влиянием глобальных и локальных рисков университетского образования все активнее начали проявляться проблемы «академического капитализма». В этих условиях студенческое и преподавательское сообщество уже больше не является иерархичным, рефлексивным, сомневается в себе и изобличает традиционные корни. Философы называют новый университет фактически мертвым университетом, антиуниверситетом, который противоречит своей изначальной сути. Тем не менее в такой форме он продолжает существовать [3]. Но социальность, как наша главная потребность друг в друге, потребность в коммуникации, будет сохраняться всегда. Именно поэтому междууниверситетские открытые платформы, сети, объединяющие людей в процессе коммуникации, приобретают все большее значение. Университет будущего («цифровой университет») сохранится именно в форме социальности, став элементом критического мышления, от которого мы уже не сможем отказаться.

В научном рассмотрении проблемы трансформации современного университета мы считаем целесообразным поиск и разработку моделей и социальных механизмов, обеспечивающих адаптивное поведение университету как целеустремленной организованной социальной академической системе. Необходима социальная инженерия планирования процессов стратегического развития университетского образования, социальных

и экономических проектов участия УВО в крупномасштабных государственных программах, более тесное сотрудничество с органами исполнительной власти в регионах. Сегодня для нас представляют интерес многие успешные зарубежные кейсы университетского образования. Привлекает внимание опыт Ольборгского университета (Дания), который известен на весь мир, поскольку является экспертным центром проблемно ориентированного обучения. Интересен и кейс Амазонского регионального университета в Эквадоре, созданный для развития провинции Напо. Он уникален

за счет географического расположения: университет находится в джунглях Амазонии, в центре самой большой в мире естественной лаборатории биоразнообразия. Обращает на себя внимание Университет Твенте (Нидерланды), который организует переход страны на экономику замкнутого цикла, прицельно разрабатывая системы умного производства, информационные и коммуникационные технологии, новые бизнес-модели и умные материалы [6]. Таким образом, сегодня стандартом в высшем образовании постепенно становится институт развития.

Выводы

Таким образом, для Республики Беларусь актуализируется необходимость концептуальной разработки и применения в образовательной практике разнообразных моделей университетского образования как социального механизма развития культурного и экономического потенциала каждого региона страны. В республике в настоящее время почти отсутствует практический опыт разработки отечественной методологии формирования научно-производственной элиты национального развития. Безусловно, перед университетским образованием страны возникают такие же проблемы трансформаций, которые прошли или проходят все университеты мира. Одним из инструментов снижения рисков трансформаций университета в нашей стране является кластерный подход в организации деятельности университетского образования. В Республике Беларусь востребована модель регионального образовательного кластера как инновационного механизма развития социального потенциала страны. В центре инновационных кластеров в мировой практике обычно находится не один, а целая сеть плотно взаимодействующих УВО. Их структура меняется за счет создания центров компетенций (часто – междисциплинарных), реализуется политика «центров превосходства», отвечающая серьезным технологическим вызовам. Массово создаются специальные подразделения, целью которых является взаимодействие с регионами, центры трансфера знаний и технологий. Становясь более открытыми окружающей среде, университеты все же остаются отличными от нее. На уровне образовательного процесса в мире повсеместно вводится практика обучения на реальных проектах, которые сегодня уже не являются образовательной инновацией, но рассматриваются как стандарт подготовки и одновременно способ дать студентам возможность действия по изменению реальности здесь и сейчас.

Есть первый интересный опыт среди белорусских УВО, полученный в рамках заявленной Министерством образования Республики Беларусь модели предпринимательского университета, – «университет 3.0». В 2018 г. Беларусь второй раз приняла

участие в *Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey* – исследовании предпринимательского потенциала студентов. Оно не зафиксировало значительных изменений по сравнению с 2016 г., но отметило позитивные тенденции в развитии предпринимательской культуры среди студентов [13]. Несомненно, интерес представляет и успешно апробированная в мировой практике модель исследовательского университета как научно-производственно-образовательной базы регионального роста и экономической модернизации, тем более что уже сегодня можно видеть процессы диверсификации университетского образования в Беларуси. Чтобы национальная экономика была конкурентоспособной, система образования должна быть наднациональной. Модель исследовательского университета великолепно решает эту задачу. Университеты любой страны, как интеллектуальные центры, должны сегодня быть на шаг впереди любых других общественных институтов, участвующих в реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития. Для подобных целей и реализуются в мировой практике системные проекты, которые играют роль методологического стержня для большинства УВО. Они становятся рычагом для трансформационных процессов в социуме.

Известный американский педагог Б. Р. Кларк, автор книги «Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе», отмечает, что в современных весьма неопределенных условиях никто точно не знает, что ждет университетское образование в XXI в. Но очевидно одно: нужно научиться экспериментировать. Мы нуждаемся в широком распространении такого эксперимента, который позволил бы проложить дорогу в будущее. Предстоит научиться проводить нововведения на общеуниверситетском уровне. Но общей теории таких преобразований пока нет. В каждом случае приходится принимать свои решения, изыскивать возможности, которые бы позволили повысить устойчивость и эффективность деятельности университета в современных условиях [14].

Библиографические ссылки

1. Альтбах ФДж, де Вит Х. Постпандемический взгляд на высшее образование: самые мрачные перспективы у самых бедных. *Международное высшее образование*. 2020;102:6–8.
2. Амемадо Д. COVID-19: неожиданный и нетривиальный стимул онлайн-обучения. *Международное высшее образование*. 2020;102:14–15.
3. Реше Ж. Социальность университета [Интернет; процитировано 21 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://postnauka.ru/video/155951>.
4. Skyrme J. Universities should focus on what they're good for, not good at [Internet; cited 2021 April 21]. Available from: <https://www.timeshighereducation.com/opinion/universities-should-focus-on-what-theyre-good-for-not-good-at>.
5. ван Гиг Дж. *Прикладная общая теория систем. Том 1*. Сушков БГ, Тюхтин ВС, редакторы. Москва: Мир; 1981. 336 с.
6. Т-университеты [Интернет]. Центр трансформации образования Московской школы управления SKOLKOVO. 2019 [процитировано 21 апреля 2021 г.]. Доступно по: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_T-universities_ru.pdf.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Интернет; процитировано 18 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/library/basis/6310>.
8. Альтбах ФДж, Салми Дж. *Дорога к академическому совершенству. Становление исследовательских университетов мирового класса*. Москва: Весь мир; 2012. 416 с.
9. Моторина ОИ. Институциональные аспекты экономического роста. *Банкаўскі веснік*. 2017;32:34–42.
10. Вахштайн В. Британские университеты [Интернет; процитировано 21 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://postnauka.ru/faq/66416>.
11. Dixon J. Why university networks thrive during COVID-19 [Internet; cited 2021 May 1]. Available from: <https://universitas21.com/news-and-events/news/professor-jenny-dixon-why-university-networks-are-flourishing-during-covid-19>.
12. Кузнецов ОЛ, Большаков БЕ. Начала теории устойчивого развития социо-природных систем. *Вестник Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*. 2001;1(4):5–24.
13. Филиппов А. Университет 3.0: концепция, достижения и перспективы. *Экономическая газета* [Интернет; процитировано 21 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://neg.by/novosti/otkrytj/universitet-30>.
14. Кларк БР. *Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе*. Смирнов А, переводчик. Москва: Высшая школа экономики; 2011. 360 с.

References

1. Altbach PG, de Wit H. Post-pandemic perspectives on higher education: the poor's darkest prospects. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*. 2020;102:6–8. Russian.
2. Amemado D. COVID-19: An unexpected non-trivial stimulus for online learning. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*. 2020;102:14–15. Russian.
3. Reshet J. Sociality of the university [Internet; cited 2021 March 15]. Available from: <https://postnauka.ru/video/155951>. Russian.
4. Skyrme J. Universities should focus on what they're good for, not good at [Internet; cited 2021 April 21]. Available from: <https://www.timeshighereducation.com/opinion/universities-should-focus-on-what-theyre-good-for-not-good-at>.
5. van Gig J. *Prikladnaya obshchaya teoriya sistem. Tom 1* [Applied general systems theory. Volume 1]. Sushkov BG, Tyukhtin VS, editors. Moscow: Mir; 1981. 336 p. Russian.
6. Transforming universities. [Internet] Moscow School of Management SKOLKOVO. 2019 [cited 2021 April 21]. Available from: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_T-universities_ru.pdf. Russian.
7. Nort D. Institutions, institutional change and economic performance [Internet; cited 2021 April 18]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/6310>. Russian.
8. Altbach FJ, Salmi D. *The road to academic excellence. The making of world-class research universities*. Moscow: Ves' mir; 2012. 416 p. Russian.
9. Motorina OI. [Institutional aspects of economic growth]. *Bankawski vesnik*. 2017;32:34–42. Russian.
10. Vakhshtain V. British universities [Internet; cited 2021 April 21]. Available from: <https://postnauka.ru/faq/66416>. Russian.
11. Dixon J. Why university networks thrive during COVID-19 [Internet; cited 2021 May 1]. Available from: <https://universitas21.com/news-and-events/news/professor-jenny-dixon-why-university-networks-are-flourishing-during-covid-19>.
12. Kuznetsov OL, Bolshakov BE. Beginnings of the theory of sustainable development of socio-natural systems. *Vestnik Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna»*. 2001;1(4):5–24. Russian.
13. Filippov A. University 3.0: concept, achievements and prospects. *Ekonomicheskaya gazeta* [Internet; cited 2021 April 4]. Available from: <https://neg.by/novosti/otkrytj/universitet-30>. Russian.
14. Clark BR. *The higher education system: academic organization in cross-national perspective*. Smirnov A, translator. Moscow: Higher School of Economics; 2011. 360 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.05.2021.
Received by editorial board 05.05.2021.

УДК 316(075.8)

МЕТАФИЗИКА ВЛАДИМИРА МИРОНОВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются специфика философского знания, метафизика как ее смысловое ядро и проблемы трансформации современного университетского образования, получившие развитие в творчестве Владимира Васильевича Миронова – известного российского ученого, доктора философских наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии наук, многолетнего декана философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Анализируются вопросы, связанные с ролью философии в формировании облика будущего в современной культуре, реформированием университетского образования, последствиями внедрения в образовательный процесс наукометрических методов, готовностью высшей школы ответить на вызовы времени, глобальной нестабильностью, коммерциализацией, цифровизацией и др. Представляется научная позиция В. В. Миронова по проблемам трансформации современного общества, а также его размышления о перспективах преподавания философии и гуманитарных наук.

Ключевые слова: В. В. Миронов; философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; философия; метафизика; культура; общество; образование; наука; трансформация.

VLADIMIR MIRONOV'S METAPHYSICS AND UNIVERSITY EDUCATION TRANSFORMATION

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the specificity of philosophical knowledge, metaphysics as its semantic core and the problems of transforming modern humanitarian university education, which was developed in the work of Vladimir Mironov. V. V. Mironov is a well-known Russian scientist, doctor of philosophy, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, dean of the faculty of philosophy of the Lomonosov Moscow State University. The author analyses current problems related to the role of philosophy in shaping the image of the future in modern culture, reforming university education, the consequences of introducing scientometric methods into the educational process, the readiness of higher education responding to the challenges of the times, global instability, commercialisation, digitalisation, etc. The scientific position of V. V. Mironov on topical problems of transforming modern society, its assessment and reflections on the prospects for teaching philosophy and the humanities.

Keywords: V. V. Mironov; faculty of philosophy of the Lomonosov Moscow State University; philosophy; metaphysics; culture; society; education; science; transformation.

Образец цитирования:

Данилов АН. Метафизика Владимира Миронова и трансформация университетского образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2:58–63.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-58-63>

For citation:

Danilov AN. Vladimir Mironov's metaphysics and university education transformation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:58–63. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-58-63>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

Введение

Большой утратой для научной общественности стал уход из жизни Владимира Васильевича Миронова (1953–2020). Путь его восхождения на философский олимп был тернист. После первой неудачной попытки поступить в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова он работал токарем на заводе, отслужил срочную службу в Беларуси, окончил подготовительное отделение и только после этого был принят на философский факультет. На длинной карьерной педагогической и научной лестнице он не пропустил ни одной ступеньки. После окончания аспирантуры (1984) Владимир Васильевич успешно защитил кандидатскую диссертацию по проблемам онтологии и теории познания, в 1997 г. – докторскую («Наука и философия в системе мировоззренческих ориентаций современной культуры»). В докторской диссертации он

рассмотрел философию как рационально-теоретическую и вместе с тем ценностную форму сознания, которая является самосознанием всех категорий мировоззрения и в то же время самосознанием человеческой культуры в целом. Дальнейшая научная деятельность В. В. Миронова была направлена на изучение процессов в культуре, образовании, науке. В 1998 г. Владимир Васильевич стал деканом философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и, получая постоянную поддержку на выборах, оставался в этой должности до конца жизни. В 2008 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук. В 2020 г. вышла его последняя прижизненная книга «Метафизика не умирает», в которой собраны работы последних лет, посвященные вопросам взаимодействия философии, культуры, науки и образования.

Философия и культура

Проблема понимания метафизической сущности философии всегда была и остается важнейшей, выступая одним из вечных вопросов науки. «Философ всегда мыслит в условиях принципиальной невозможности достижения абсолютного и завершеного знания, а значит, его всегда будет сопровождать незнание. И вот эта зона незнания, зона самого процесса познания всегда будет заполняться мыслительными конструкциями, которые в зависимости от масштаба рефлексии, касающейся предельных оснований бытия, и выступают как метафизика, в основе которой лежит мудрость, основанная на интерпретации бытия человеческим разумом» [1, с. 14]. В этом, собственно, и есть выражение универсальности самой философии, ее постоянной востребованности практикой, особенно в минуты роковые, когда выстраивается «каркас» новой цивилизации.

Все это означает, что метафизика возникает как отражение работы мышления в смысловом пространстве, по сути, неразвитого доопытного знания в ситуации отсутствия развитых критериев установления истины: она формируется как особый способ философской рефлексии за пределами опытного знания – на основании чистого мышления. Таким образом, «метафизика – это особый тип предельного постижения бытия, а философия – это метафизическое знание, в отличие от частнонаучного» [1, с. 14]. Метафизика – не словесное разыгрывание пределов своего мышления по поводу тех или иных реалий, что представляется делом весьма тривиальным, а выявление глубинных пластов бытия и осознание безграничных конструктивных возможностей мышления. Она возникает как особый тип размышления, направленный на рациональное «самооправдание» возможности и претензий философии выдвигать

собственное понимание мира путем рационально-рефлексивного размышления.

Именно такое представление о метафизике находилось в центре научного поиска В. В. Миронова. Он видел, что в культуре можно наблюдать уникальные, сложно фиксируемые в человеческом сознании процессы, которые находятся за гранью эмпирического. Проникновение в ее тайную лабораторию позволит увидеть и раскрыть происходящее там волшебство и заглянуть за горизонт, представить образ будущего. В условиях глобальной нестабильности именно прошедшие проверку временем ценности, которые стали основой национальной культуры в виде исторической памяти, традиции, языка, обеспечивают устойчивость общества.

«С одной стороны, философ – это хранитель традиций той или иной культуры, вырабатывающий основания для системы ценностей. А с другой стороны, философия “конструирует миры будущего” (В. С. Стёпин), тем самым подвергая сомнению то, что есть в настоящем, и в этой ипостаси философ может выступать как разрушитель ценностей» [1, с. 458]. Указанные особенности философии и ее опора на максимально широкий исходный базис философских обобщений «позволяют философии выступать “квинтэссенцией культуры” (К. Маркс), или, как уточняет это положение сегодня В. С. Стёпин, воспроизводить “доминирующие смыслы культуры”, часто в виде тех самых “смутных” и неопределенных идей» [1, с. 388]. Позиция философии здесь также весьма противоречива, она отражает противоречивость философского подхода к миру в целом. «С одной стороны, философия задает общие культурные традиции и выступает рефлексивным средством их сохранения (“душа культуры”), что обеспечивает стабильность культуры. Можно

было бы обозначить это еще и как своеобразный консервативный вектор философии, основанный на доминировании в конкретно-исторической культуре «канонизированных стилей мышления и традиций» [1, с. 388]. В этой ипостаси философ выступает как своеобразный хранитель традиций, обеспечивающий устойчивость культуры как системы. Однако философия разрывает рамки доминирующей модели культуры, осмысливая новые явления и часто определяя новые тенденции развития. Философ в своей внутренней критико-аналитической рефлексии всегда выступает как критик, а значит, и разрушитель традиций, ведь он опирается и на новые знания о мире, которые следует учитывать в этой рефлексии. Такая позиция и осознание личной ответственности за собственные поступки придавали его жизни в некоторых случаях характер подвижничества, что сближало философию с религией. Философ-мудрец мог выступать как в качестве наставника, репродуцирующего ценности данной социальной системы, так и в качестве человека, осуществляющего тотальную критику этой социальной системы [1, с. 389].

Кроме того, смысловое пространство философии в силу надпредметности (или метафизичности) ее рефлексии над бытием и миром неизменно связано с пониманием свободного мышления, которое не только не может быть опредмечено, т. е. ограничено рамками выделенной предметной области, как в науке, но и должно быть свободно от любых других обстоятельств, в которых может оказаться конкретный мыслитель. Следовательно, философия выступает как особое образование, которое необходимым образом связано с условиями свободного существования конкретного мыслителя в реальной жизни. Отсюда – изначальное стремление философии конструировать, в том числе и политические модели, благоприятствующие реализации свободного духа личности. В то же время для философа более важной часто оказывается его внутренняя свобода мышления, которая может быть реализована независимо от тех или иных политических обстоятельств. «То есть философия реализуется как максимальное проявление

субъектного начала в индивиде – и это свойство субъективного самовыражения также остается навсегда важнейшей характеристикой философского мышления» [1, с. 389].

Очень точным представляется определение культуры, которое дает В. В. Миронов, рассматривая ее как «совокупность результатов деятельности людей, создавших систему традиционных для человечества ценностей как материального, так и духовного характера» [2, с. 4]. Развивая мысль К. Х. Момджяна о «музейной» части культуры, В. В. Миронов делает вывод о том, что культура имеет двойственную структуру и выполняет двойную функцию. Часть культуры носит застывший характер. С одной стороны, ученый имеет в виду воплощенные в материю культурно-исторические памятники, с другой – к этой же части культуры относит «музей» духовных ценностей, в котором «экспонатами выступают Добро, Истина, Красота, Справедливость, выражающие конечные цели человеческого существования» [2, с. 4]. Застывшая часть культуры является фактором ее устойчивости. «Цивилизационную» часть культуры составляют операциональные ценности, а именно «набор средств практической адаптации к социокультурным обстоятельствам» [2, с. 4].

Заявление В. В. Миронова о том, что «метафизика не умирает, означает, что философия не умирает, или, что одно и то же, мысль не умирает и не может умереть, ибо если она умрет, то некому будет сообщить об этом. Бытие удерживается мыслью, и эту мысль мы называем метафизической, философской. Сказать, что метафизика не умирает, – все равно, что сказать: жизнь не умирает. Умирает все живущее, но не сама жизнь, и все живущее для того и умирает, чтобы жизнь не умирала. Аналогична диалектика бытия и существования: все существующее относительно, преходяще, достойно гибели, но само существование, за которым стоит бытие, абсолютно» [1, с. 8]. Иными словами, «похороны метафизики», которые длются уже столетие, вновь не состоялись, и человек по-прежнему ставит предельные вопросы бытию и самому себе, что и является характеристикой классического понимания метафизики [1, с. 83].

Образование реформируемое...

Влияние образования на формирование образа будущего человечества очевидно. Но насколько наше образование современно и готово ли ответить на вызовы времени? В условиях глобальной нестабильности мир ценностей рождает новые содержательные конфигурации. Коммерциализация образования переформатировала современный профиль нового поколения. Время по-новому ранжирует базовые ценности. Какие из них станут доминирующими, как они будут закреплены в культуре? Что останется в исторической памяти и что будет принято в качестве идеала для нового по-

коления? А может, идеалов уже не будет вообще... Внимание вновь обращено к университетам, от них ждут ответа.

В. В. Миронов всегда подчеркивал, что «образование – это не просто некоторая отрасль, а часть национальной культуры, причем ее системообразующая часть» [1, с. 412]. Мы поменяли стратегию образования в угоду обстоятельствам и видим, что потеряли много ценного. «Унификация, навязываемая нам, неизбежно снижает качественный уровень образования, так как предлагает ориентироваться на усредненный уровень. Поэтому, когда мы

говорим об интеграции образовательного процесса, идея обогащения качеством, преимуществами должна быть поставлена во главе угла» [1, с. 414].

Время принятия решений сжимается как шагреновая кожа и выбор будущего может быть осуществлен случайным образом. Ю. Н. Харари, видимо, был прав: «Людам как отдельным личностям и человечеству в целом все чаще придется иметь дело с тем, с чем никто никогда раньше не сталкивался: с компьютерным суперинтеллектом и сконструированными телами, с алгоритмами, которые с необыкновенной точностью научатся управлять вашими эмоциями, с рукотворными климатическими катаклизмами, а также с необходимостью каждые 10 лет менять профессию. <...> Вам придется постоянно отказываться от того, что вы лучше всего знаете, и осваивать неизвестное» [3, с. 320]. И еще очень важное замечание: «Из-за постоянно растущих темпов перемен вы не сможете с уверенностью определить, что передают вам взрослые: мудрость, неподвластную времени, или устаревшие предрасудки» [3, с. 321].

Что же происходит с образованием, как возникают и гаснут идеалы и что можно ожидать от нового поколения студенчества? Пока все находится в движении и образ будущего не вырисовывается в нечто целое. Что ж, каждое время рождает свои идеалы и своих кумиров. Новое поколение, как показывают наши исследования, не потерянное, не инфантильное, не расколотое. Оно ценит индивидуализм, но откликается на чужую беду и готово жертвовать многим ради общего. У него есть свои идеи и идеалы, за которые оно жертвенно идет на лишения. Представители этого поколения ориентированы на перемены и хотят жить в мире, где считаются с их мнением, где приоритетна социальная справедливость. Они хотят участвовать в научно-техническом прорыве, по-инновационному подходить к решению экономических проблем, рачительно использовать природные ресурсы, создавать экологически чистые производства, идентифицировать себя со своей родиной и быть своими в глобальной мировой деревне.

Семья, образование, новые информационные технологии определенно влияют на формирование ценностного начала нового поколения студенчества. Важную роль в стабилизации ситуации и устранении возможных сложностей играет сбалансированная система образования, которая вносит коррективы в ценностные предпочтения нынешней молодежи.

В. В. Миронов писал: «В современных условиях любая реформа происходит в условиях общего процесса глобализации, первичной сущностью которой является создание общей экономической и производственной системы, основанной на усилении роли транснациональных взаимодействий, когда производство становится неким единым процессом,

не разделяемым на национальные и культурные традиции» [1, с. 407]. Транснациональный рынок, декларируя конкурентность как основной признак функционирования рыночного хозяйства, заинтересован в консервировании сложившейся конфигурации. Есть зоны экономики и технологии, куда другие страны просто не допускаются. В таких условиях образование оказывается в центре происходящих изменений, поскольку является системообразующей частью культуры, а не просто сферой оказания образовательных услуг. Страна с более мощной и качественной системой образования будет доминировать в сфере новейших технологий, а страны, в которых образование носит преимущественно массовый характер, станут поставщиками в лучшем случае рабочей силы. «В мире идет процесс экономизации образования, которую часто отождествляют с прямой коммерциализацией. В этом случае от образования прежде всего хотят получить быструю отдачу за счет безудержного расширения сектора платного образования в целях получения финансовой прибыли. Для страны это тупиковый вариант, который неизбежно будет работать по законам рынка, а значит, развивать те сферы образования, которые оказываются рентабельными. К тому же, учитывая условия становления рынка в нашей стране, это способствует резкому снижению качества образования» [1, с. 407]. Реальная экономизация образования рассматривает образование как важнейшую часть общего экономического механизма страны не с позиции получения прямой прибыли, а с позиции долгосрочных следствий развития образования, которые в дальнейшем могут дать несравнимую с прямой коммерциализацией выгоду, основанную на внедрении открытий и инноваций, связанных прежде всего с открытиями в фундаментальных науках. Если мы говорим об экономизации процессов образования как о серьезной поддержке его государством, мы должны понимать, что здесь не может быть лишь прямой коммерческой выгоды, что образование затратно по существу [1, с. 407].

Профессор В. В. Миронов являлся критиком успешных и не до конца продуманных реформ образования, а в последние годы – и абсолютизации библиометрической оценки научной и учебной деятельности. С его точки зрения, наукометрические методы необходимы в качестве помощи ученому, но в современных условиях они превратились в разновидность безумия, систему единственной оценки деятельности ученого. В ситуации, когда публикации становятся чуть ли не единственным критерием эффективности научной деятельности ученого и тем более преподавателя, наукометрия превращается в мощное средство манипулирования. «Я повторяю, наукометрические методы необходимы в качестве помощи ученому. Но они могут оказывать чрезвычайно вредными, если их превращают

в систему единственной оценки деятельности учебного. Речь идет о переходе к оценке результатов научной и образовательной деятельности через систему различных рейтингов и формализованных критериев, которые в принципе не могут быть объективными, так как имеют дело с разнородными качественными объектами» [1, с. 394]. «Ученых начинают ранжировать, и не просто с целью стимулирования, например, их публикационной активности, а, прежде всего, с целью понижения в должностях и увольнения» [1, с. 397]. И так, нужна или не нужна наукометрия? Безусловно, нужна, но не в качестве средства ранжирования ученых, а в качестве дополнительного средства, помогающего, в том числе с помощью новейших технологий, ориентироваться в современном информационном мире.

В этой ситуации В. В. Миронов поднимает вопрос о мотивации педагогического труда, отмечая, что «разрушение мотивации – это одна из самых больших бед и следствий реформы образования. Сегодня поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Это неизбежно повлияет и на качество образования, ибо гораздо больше тратится времени на пролонгирование того, что не было получено в школе. Школа перестроилась. Она стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ» [1, с. 433]. Особенно чувствительна эта проблема для представителей гуманитарных наук, «в центре которых уже по этимологии слова стоит Человек. Но человек – это всегда представитель конкретной культуры, связующим звеном которой является национальный язык» [1, с. 395].

К вопросу о воспитательной работе в университете: «Конечно, воспитательная функция должна присутствовать, но незримо. Мы как гуманитарии понимаем, что не надо говорить человеку: “Будь хорошим, не делай плохо”. Система запретов тут не работает. С этой точки зрения, первый, кого надо было бы запретить, – это Шекспир. Чего у него только нет: и кровосмешение, и убийства, и ранние любовные отношения. Мы ведь помним, сколько лет было Джульетте. В “Московском комсомольце” это могло бы оказаться в хронике происшествий. Но мы же не запрещаем Шекспира! И тут я скажу совершенно банальную вещь: культура в целом – это лучшее средство воспитания. Я вот учился в Раменках, и нас каждую неделю водили в театры. Так мы там тосковали, нам в футбол хотелось поиграть! А теперь мы понимаем смысл этих походов... Я вообще считаю, что культура требует элемента насилия. Она не дается легко. Для того чтобы слушать Баха, вы должны хотя бы привыкнуть к классической музыке. Для того чтобы слушать оперу, вы должны посетить хотя бы несколько раз театр. А современная ситуация еще и обостряет проблему в разы. По-

пробуйте сегодня оторвать геймера от компьютера и утащить в театр. И это, кстати, снова не берется в расчет. Нам снова говорят сверху: надо вернуть воспитание в обучение, надо то-то, и еще то-то. Почему считается, что чиновник лучше знает, как кого воспитывать?!» [1, с. 434–435].

О бюрократизации университетской жизни: «Пока еще у нас в университете атмосфера неприятия менеджеров от науки: если декан или заведующий кафедрой не будет заниматься наукой и преподаванием, его никто не будет ставить всерьез» [1, с. 451]. Ректор МГУ академик В. А. Садовничий в предисловии к книге В. В. Миронова «Метафизика не умирает» писал: «Владимир Васильевич всегда отличался тем, что его выбор в принятии решений был в пользу фундаментальности образования и свободного доступа к нему одаренной и талантливой молодежи на всех уровнях обучения. Многие критические инвективы этой книги могут показаться довольно резкими, например, по поводу наукометрической оценки труда ученых, но и здесь мы должны вместе задуматься над тем, не превращаем ли мы средство в цель и приближает ли нас научная статистика к вершинам подлинной мировой науки в целом и философии в частности. Следует отметить, что жизненный опыт многих из нас со временем делает философами поневоле, заставляя вдумчиво относиться к тому, что попадает на наш путь, жить больше разумом, а не чувствами. Для философа этот пристальный взгляд на вещи является частью его профессии, и я задаюсь вопросом о том, а можно ли такому философскому мастерству обучить, да еще молодых людей? Наверное, такой тип знания, такой тип мышления является результатом некоей прямой передачи тем людям и, конечно, нашим студентам, которые открыты для такого восприятия, что и определяет особенности обучения философии, о чем автор тоже много пишет. Именно острота взгляда, то, что делает человека настоящим философом, – это и есть загадка, и относится она скорее к сфере творческой одаренности и вдохновения. В этом смысле В. В. Миронов – вдохновенный человек, нашедший в философии не только научную работу на всю жизнь, но и подлинную сферу личностной самореализации» [1, с. 9].

Владимир Васильевич был прав, когда говорил: «Инновация и консерватизм в образовании вовсе не противостоят друг другу» [1, с. 471]. Консервативность фиксирует важность образования как системообразующего фундамента культуры, его связь с историей, что должно определять и конкретные модели развития образования в той или иной стране. Инновация – инструмент общего процесса развития, будь то наука или образование и ее абсолютизация. Инновации ради инноваций могут нанести скорее вред, чем пользу, так как ведут к разрывам в целостном процессе развития определенной системы.

Заключение

Профессор В. В. Миронов многое сделал для развития философии и гуманитарного образования на постсоветском пространстве. Он видел ведущую роль философии, метафизики в прогнозировании будущего. В культуре, как отмечал В. В. Миронов, происходят уникальные, сложно фиксируемые в человеческом сознании процессы, которые находятся за гранью эмпирического. Проникновение в ее тайную лабораторию позволит увидеть и раскрыть происходящее там волшебство и заглянуть за горизонт, представить образ будущего. В условиях глобальной нестабильности именно прошедшие проверку временем ценности, которые стали основой национальной культуры в виде исторической памяти, традиции, языка, обеспечивают устойчивость общества. Философ – это хранитель традиций той или иной культуры, разрабатывающий основания для системы ценностей. Но в то же время философия подвергает сомнению то, что есть в настоящем, и в этой ипостаси философ может выступать как разрушитель ценностей.

Сегодня мир ценностей рождает новое образовательное пространство, где коммерциализация формирует иной профиль современного поколения. Время по-новому ранжирует базовые ценности. Внимание вновь обращено к университетам.

В. В. Миронов справедливо подчеркивал, что образование является системообразующей частью национальной культуры. В настоящее время стратегия образования строится в угоду обстоятельствам, ситуационно, много хорошего было потеряно за последние десятилетия. Навязываемая нам унификация неизбежно снижает качественный уровень образования. Практика показывает, что во главу

угла реформ образовательного процесса необходимо ставить идеи обогащения качеством. Когда от образования хотят получить прежде всего быструю финансовую прибыль, для страны это тупиковый и разрушительный вариант, неизбежно ведущий к резкому снижению качества образования.

Профессор В. В. Миронов указывал на негативные следствия реформы образования. Так, в настоящее время происходит разрушение мотивации учебного труда: поступление регулирует не содержательная мотивация при выборе профессии, а рейтинговая позиция по результатам ЕГЭ. Школа стала не системой, дающей или продуцирующей знания, а системой, натаскивающей на ЕГЭ. Особенно острой эта проблема выступает для гуманитарных наук, в центре которых всегда стоит человек, представитель конкретной культуры.

Долгое время будучи деканом философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор В. В. Миронов отмечал, что не приемлет бюрократизации образования и подчеркивал, что в МГУ сложилась атмосфера неприятия «менеджеров от науки»: декан или заведующий кафедрой должны заниматься наукой и преподаванием, иначе их никто не будет ставить всерьез. Владимир Васильевич являлся критиком успешных и не до конца продуманных реформ образования, абсолютизации библиометрической оценки научной и учебной деятельности. Не без оснований утверждал, что, когда публикации становятся чуть ли не единственным критерием эффективности научной деятельности ученого и тем более преподавателя, наукометрия превращается в мощное средство манипулирования.

Библиографические ссылки

1. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает. Избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: Прогресс; 2020. 488 с.
2. Миронов ВВ. Процессы трансформации культуры в глобализирующемся мире: коммуникационный вектор. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2010;3:3–25.
3. Харари ЮН. *21 урок для XXI века*. Гольдберг ЮЯ, переводчик; Ефимова А, редактор. Москва: Синдбад; 2019. 416 с.

References

1. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet. Izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Metaphysics does not die. Selected articles, speeches, and interviews]. Moscow: Progress; 2020. 488 p. Russian.
2. Mironov VV. Culture transformation processes in the globalising world: communication vector. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2010;3:3–25. Russian.
3. Harari YuN. *21 lessons for the 21st century*. New York: Penguin Random House; 2018. 400 p. Russian edition: Harari YuN. *21 urok dlya XXI veka*. Gol'dberg YuYa, translator; Efimova A, editor. Moscow: Sindbad; 2019. 416 p.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2021.
Received by editorial board 26.04.2021.

Шахматы переживают новый пик популярности, причем не только в сфере большого спорта, но и в рамках повседневности: множатся шахматные клубы, шахматы вводятся в школьные программы как предмет, формирующий и оттачивающий логику мышления, все чаще занятия по шахматам входят в развивающие дошкольные проекты. Но что такое шахматы как феномен культуры? Давайте посмотрим, что выражает собою шахматная партия и как представления о ней менялись на протяжении истории.

М. А. Можейко

УДК 685.841.4

ШАХМАТЫ КАК ОЗНАЧАЮЩЕЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ОЗНАЧАЕМОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируются шахматы как знаковая система (а именно как означающее). Обосновывается моделирующая природа шахматной игры. Реконструируется процесс семиотической эволюции шахматных фигур: в этом контексте анализируются чатуранга, чатранг, шатрандж, шахматы с о. Льюис, шахматы влюбленных, курьерские шахматы, лунные шахматы и др. Рассматривается эволюция в культуре Средневековья стоящих за шахматной партией смыслов: битва – рыцарский турнир – куртуазный флирт – социум в целом – бытие как таковое.

Ключевые слова: знаковая система; модель; означающее; означаемое; шахматы; шахматные фигуры; скрытые смыслы; трансформация значений; эволюция смыслов.

CHESS AS A MEANING: EVOLUTION OF A SIGNIFICANT IN MEDIEVAL CULTURE

М. А. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkorawskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Dedicated to the analysis of chess as a sign system (namely as meaning). The modelling nature of the chess game has been substantiated. The process of semiotic evolution of chess pieces game has been reconstructed: in this context chaturanga, chatrang, shatranji, Levis chess, lovers' chess, courier chess, moon chess and others game have been analysed. The evolution of the meanings behind a chess game through the history of medieval culture has been considered: battle – knightly tournament – courtly flirting – society as a whole – being as such.

Keywords: sign system; model; signified; chess; chess pieces; hidden meanings; transformation of values; evolution of semantics.

Образец цитирования:

Можейко МА. Шахматы как означающее: эволюция означаемого в средневековой культуре. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021; 2:64–79.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-64-79>

For citation:

Mojeiko MA. Chess as a meaning: evolution of a significant in medieval culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2:64–79. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-64-79>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

Шахматы – одна из древнейших игр человечества. Мы оставляем в стороне споры о том, как именно она возникла (версии существуют разные), мы можем позволить себе это, потому что цель наша иная. Шахматы будут интересовать нас как своего рода зеркало, которое последовательно отражает то одно, то другое. Интересно посмотреть, что именно.

Итак, мы будем рассматривать шахматную игру как моделирующую знаковую систему. Это вполне вписывается в контекст Средневековья, потому что, как отмечают эксперты, «средневековая цивилизация – цивилизация символов. Слова, жесты, привычки – все имело как явный, так и скрытый

«Эта мудрая игра отгоняет от человека черные мысли, которые влекут болезнь», – с такой аргументацией придворный врач халифа Харуна ар-Рашида советовал распространять игру в шахматы во время эпидемии холеры¹.

смысл» [1, с. 47]. В полной мере это касается и символизма того, что моделирует шахматная партия, а это *что* достаточно существенно трансформировалось (речь идет о своего рода означаемом, если рассматривать шахматную партию в качестве некоего означающего, которое можно и, надо думать, даже должно прочитать как символическую систему [2, с. 537–538]).

Рискнем предложить гипотезу о том, что данное означающее эволюционировало от максимально конкретных реалий до моделей высокой степени абстракции. Рассмотрим этапы этой эволюции, в рамках Средневековья их пять.

Этап первый – битва

Свою историю шахматы начинают с древнеиндийской игры чатуранга (санскр. चतुरङ्ग – *четырёхсоставная*), возникшей около VI в. [3, р. 14–15]. М. Меррей, историк шахмат, чей монументальный труд, изданный более 100 лет назад (1913), по сей день считается классическим, называет ее прообразом шахмат [4, р. 838–841]. Игра моделировала битву с участием четырех родов войск (*слон – конь – колесница – пеший*), которыми «руководил предводитель (раджа)»² [4, р. 43–44].

Персидский историк Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни в своем описании Индии (первая треть XI в.)³ представил и чатурангу, причем именно как рассчитанную на четверых игроков: игроки рассаживались по четырем сторонам доски, а на доске размещались четыре комплекта фигур [5, с. 186–187].

Однако, как свидетельствует трактат на пехлеви «Чатранг-Намаг», в VI в. к персам игра перешла уже как рассчитанная на двоих. Известно, что в одном из вариантов чатуранги четверо игроков могли играть *пара – на пару*, что вполне могло послужить мостиком перехода к парной игре. Очевидно, что при переходе к такому варианту четыре армии были объединены в две: в каждой – по два слона, два коня, две колесницы, восемь пешек [6]. Двух раджей, разумеется, быть не может: позиция исключительная, и потому один явно лишний (два медведя в одной берлоге). Для разрешения неловкой ситуации необходимо было дифференцировать их статус: раджей остается только один, а рядом с ним – разжало-

ванный. Надо думать, именно так возникает новая фигура, которая называлась на хинди *Mantri* (मन्त्री), что этимологически восходит к санскритскому *кто думает и говорит*, поэтому переводят этот термин как *мудрец* или *советник*.

В VI в. чатуранга стала известна персидскому царю *царей* – шахиншаху из династии Сасанидов – Хосрову I Ануширвану [7]. В персидском произнесении чатуранга превратилась в *чатранг*.

Спустя столетие в Персию вторгаются арабы. Так как в арабском языке отсутствует звук *ч*, персидское звучание названия игры *чатранг* трансформировалось в *шатрандж*. Шатрандж как культурный феномен – продукт переплетения персидской и арабской традиций. Собственно, будущее европейское название игры *шахматы* произойдет от завершающего игру словосочетания *шах мат* (مات شاه – *шах умер*), где существительное персидское, а глагол арабский [8]. Так как после арабского завоевания персидская элита приняла ислам, а шариат запрещает изображения людей и животных, внешний вид фигур был изменен на схематический (знакомый нам и сегодня). Это привело к значительной демократизации игры: если изысканные резные фигуры из слоновой кости были доступны лишь для знати, то абстрактные фигурки из обожженной глины распространялись повсеместно – шатрандж шагнул из дворцов на площади и улицы, став популярным среди всех социальных слоев [9, с. 9–10].

В названиях фигур шатранджа тоже смешались персидский и арабский языки [4, р. 224–226].

¹Предшественник шахмат – шатрандж. *Azerhistory* [Электронный ресурс]. URL: <https://azerhistory.com/?p=8529> (дата обращения: 07.11.2020).

²Здесь и далее перевод наш. – М. М.

³Полное название восхитительно: «Индия, или Книга, содержащая разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых». Какая тонкая когнитивная толерантность и какой при этом непоколебимый рационализм!

Шах (перс. شاه, шатранджа соответствует *радже* в чатуранге. В персидском языке слово обозначало собственно монарха, но, перейдя в арабский, стало относиться лишь к шахматной фигуре [4, с. 396–397]. Шах – фигура центральная: его потеря означает проигрыш (тот самый *мат*, гибель *шаха*).

Рух (перс. رخ) – аналог современной *туры*. В чатуранге она называлась *колесница*, т. е. *ратх*, в персидском шатрандже – ассоциировалась (по созвучию) с фольклорной птицей Рух, способной уносить в когтях слонов и единорогов; в иранской мифологии она покровительствует воинам и может своим вмешательством повлиять на исход сражения [10, с. 66]⁴.

Ф(н)ил (перс. فيل – слон) и *фарас* (перс. اسب – конь) символизировали боевых слонов и конницу, причем изображались без всадников.

И, наконец, аналог современного ферзя – *ferz* или *farzin* – *визирь* (араб. وزير, от перс. فرزين). Как видим, название фигуры *Mantri* из чатуранги персы перевели с важным смещением смысла. В арабском языке корень *в-з-р* этимологически восходит к арабскому *вазир*, т. е. *тот, кто несет на себе*, и традиционно переводится как *помощник*. Но, как отмечается в Принстонской энциклопедии исламской политической мысли, это скорее конвенция перевода, нежели точное значение⁵. Ситуация сложнее в том плане, что груз может быть и метафорическим: не только перенос тяжестей, но и несение тягот.

Именно в этой связи данное слово упоминается в Коране: «Воистину, Мы даровали Мусе Писание и сделали... Харуна его помощником» (XXV, 35), «И (разве Мы)... не сняли с тебя (о Пророк) твою ношу?» (XCIV, 2). В этом плане *вазир* – тот, кто помогает нести бремя (бремя власти в том числе).

Энциклопедический лексикон XIX в. предлагает трактовать слово как «помогающий государю своему нести бремя правления», и нейтральное значение слова *помощник* обретает административную семантику: «...на всемъ магометанскомъ Востоку слово *Везиръ* употребляется в том же смыслѣ, какъ у насъ слово “министръ”»⁶. Такое же толкование предлагает и Британника⁷.

Однако *вазир* – не просто ассистент, но *представитель* владыки: фактически он исполняет не четко прописанные обязанности, а лично выраженную волю владыки. Это закрепляется в официальной системе титулования – *великий визирь* [11, р. 210–233].

В наборах для шатранджа *фарзин* фигурирует именно как сановник: если абстрактно – в виде тро-

на как символа власти (почти такого же, как у шаха), если не абстрактно (несмотря на запреты шариата) – в шатре, с писцами. Поскольку *визирь* – представитель шаха, постольку и ходы его в игре не предполагали удаления от главной фигуры: он ходил на одно поле по диагонали, что М. Меррей напрямую связывает со статусом визиря при персидских царях, а позднее при Аббасидских халифах: он должен находиться именно *при шахе*, не вдалеке [4, р. 159].

Говоря о проникновении шахмат в западную культуру, можно выделить две линии процесса: северную, связанную с викингами, и южную – через арабизированную культуру Пиренейского полуострова.

Северный вектор лучше всего может быть проиллюстрирован шахматами с о. Льюис (Шотландия). Это название ретроспективно утвердилось применительно к шахматным фигуркам в составе клада, который был обнаружен на западном побережье острова в 1831 г. Клад археологи связывают с викингами, которые и распространили игру по северу Европы. Фигурки датируются второй половиной XII в. [12], т. е. тем временем, когда игра входила в широкое употребление в Западной Европе.

Здесь, в северных снегах, усматривается именно арабский след: орнамент фигур вполне соответствует восточной художественной традиции [13, р. 13–42], хотя выполнены они из местного материала – морской кости [13, р. 57–60]⁸.

Тем не менее – при всем сходстве с фигурами шатранджа – эти шахматы изображают людей.

Короли сидят на троне, выхватывая меч из ножен, а мантии закреплены над правым плечом, что практиковалось в бою, поскольку дает правой руке свободу маневра мечом, тем самым фигуры «хотя и сидят, передают угрозу действия» [14]. Дж. Робинсон отмечает патерналистский характер фигур, подчеркнутый роскошными бородами королей, кроме того, «меч символизирует как... физическую силу, так и неподкупное правосудие» [14], так что патернализм короля обретает оттенок социальной легитимности.

Что касается королей, то сам факт их наличия отражает значимый статус женщины в скандинавской культуре, заданный самим укладом жизни викингов [15–17]. Во время походов жена оставалась полновластной хозяйкой и, как повествуют саги, управляла усадьбой. Кроме хозяйственности, викинги ценили в женщине мужество: во время отсут-

⁴Много позже именно стилизованные изображения птицы были приняты в русском контексте за силуэты корабля, откуда и возникло название «ладья» (в старинных русских комплектах шахмат так и изображается).

⁵Vizier // The Princeton encyclopedia of Islamic political thought / ed. G. Bowering. Princeton : Princeton Univ. Press, 2013. P. 590.

⁶Энциклопедический лексиконъ: в XVII т. СПб. : тип. А. Плюшара, 1837. Т. X. С. 112.

⁷Vizier. Ancient Egyptian and Islamic official. Britannica [Electronic resource]. URL: <https://www.britannica.com/topic/vizier> (date of access: 07.11.2020).

⁸Любопытно, что в фильме «Гарри Поттер и философский камень» в сцене, где Гарри и Рон учатся играть в волшебные шахматы, фигурируют именно фигуры шахмат с о. Льюис [14].

ствия отца воспитывать будущих воинов приходилось женщинам. История сохранила слова конунга Рагнара Лодброга: «Я выбрал для своих сыновей такую мать, которая передала им свое бесстрашие» [18, с. 23]. Но и вне зависимости от походов (отсутствия мужа в доме) многие сферы жизни традиционно находились в сугубо женской компетенции, мужья советовались с женами по важным вопросам [19, с. 41]. Во многом скандинавские женщины были независимыми – как экономически, так и в правовом отношении: они могли быть субъектами наследования и самостоятельно распоряжаться имуществом [18, с. 21–38; 20, с. 40–48]. И в целом жены были, по формулировке А. Нарни, «обожаемые и почитаемые» [18, с. 23]. И романтизм был вовсе не чужд суровым воинам: даже тексты государственного значения и дипломатические речи подчас облекались в поэтическую форму, а полюбив русскую княжну Елизавету Ярославну, норвежский конунг Харальд Хардрода сочинил в ее честь песнь [21]. Изображенные шахматными фигурками королевы, по аттестации Дж. Робинсона, кажутся «скучающи-

ми или озабоченными», поскольку все они сидят на троне, подперев щеку рукой; большинство из них держит свободной рукой рог, но это не говорит об алкогольных пристрастиях – наполненный рог нельзя поставить и королева просто держит его, пока король чем-то занят [14].

Что касается фигуры, соответствующей слону, то шахматы с о. Льюис – первый прецедент ее трактовки в качестве епископа: «появление в шахматах епископа... свидетельствует о важной роли и силе духовенства, в реальной жизни приобретающего все больший политический вес», и «со времен первого Крестового похода количество епископов на полях сражений только возрастало», причем они не только благословляли и исповедовали, но и «шли впереди войска с частицами Животворящего Креста» [14].

Это – ситуация общеевропейская. Вспомним такого персонажа «Песни о Роланде», как архиепископ Турпен⁹. О реальном Турпене, главе Реймской митрополии, известно немного, но текст отражает практику участия священника в битвах. Вот пока еще он действует как духовный лидер:

Турпен-архиепископ взял в галоп...
Увещевать французов начал он:
«...Умрем за государя своего,
Живот положим за Христов закон. <...>
Покайтесь, чтобы вас простил господь;
Я ж дам вам отпущение грехов.
Вас в вышний рай по смерти примет бог [стих LXXXIX]».

Дальнейшее уже выходит далеко за рамки *profession de foi*:

...Мавр Турпену ненавистен,
Схватиться жаждет с ним архиепископ...
«... Убить его я должен иль погибнуть». <...>
Турпен ударил мавра беспощадно. <...>
Прошло копьё сквозь тело басурмана [стихи CXIII–CXIV]...

Обратим внимание также на строки, где, воздавая хвалу храбрости Турпена, соратники упоминают его пастырский посох: «Врагу свой посох не отдаст наш пастырь» [стих CXIV]. Это любопытно, так как норвежский вектор атрибуции шахмат с о. Льюис позволяет вспомнить о том, что XII–XIII вв. – эпоха гражданских войн в Норвегии. Одна из воюющих сторон – так называемые *баглеры*, или *посошники* (др.-норв. *baglar*, от *bagall* – епископский жезл) – представители аристократии, католического духовенства и торговцев. Им противостояли *биркебейны* (норв. *birkebeinere* – березовоногие, т. е. лапотники) – крестьяне, получившие это прозвище за скудность амуниции, но принявшие его и прославившие¹⁰.

Так что для норвежской традиции участие епископов в войне не просто как армейских капелла-

нов, а как прямых политических игроков и даже полководцев – явление привычное. Понятно, что посошники как социальная сила не состояли из одних епископов, но название закрепилось и могло вызвать неправомерную генерализацию. Так что и в модели битвы епископы играют значимую роль, тем более что в шахматах с о. Льюис все они изображены с посохом – как *посошники*, *баглары*.

Фигуре коня в льюисских шахматах соответствует всадник, причем все фигурки изображены сидящими на пони, в чем сказывается местная специфика: пони широко использовались в Шотландии, поскольку их выносливость и неприхотливость были чрезвычайно кстати в суровом климате [22].

Еще более ярко местная специфика проявляется в том, что вместо ладьи в шахматах с о. Льюис фигу-

⁹Песнь о Роланде // Электронная библиотека RoyalLib.com [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/srednevekovaya_literatura/pesn_o_rolande.html#0 (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁰Биркебейны // Энцикл. слов. : в 86 т. / ред.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб. : Акционер. издат. о-во Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон, 1892. Т. 3а(6). С. 898.

рирует пеший стражник с мечом и щитом, изображаемый в виде берсерка. Исходно слово *berserker* (др.-сканд. *berserkr*) имело значение *медвежья рубашка* или *голая рубашка*, т. е. воин либо *в звериной шкуре*, либо с *голым торсом*. И то и другое означало дикость, а главное – отсутствие кольчуги, т. е. полное бесстрашие и нечувствительность к боли [23]. Стражники

в льюисских шахматах одеты, но каждый третий грызет свой щит [14], что передает яростное неистовство.

С учетом вынутых из ножен мечей у королей, наличия берсерков следует признать, что льюисские шахматы моделируют битву (а женщины дома, ждут с кубками в руках¹¹) и в этом смысле не выходят за рамки начатой на Востоке традиции.

Этап второй – турнир

Первое упоминание шахмат в европейских документах относится к началу XI в.: они получили широкое распространение при феодальных дворах, сделавшись «любимым времяпрепровождением аристократического общества» [1, с. 68]. Более того, искусственность в шахматной игре входила в позднюю версию рыцарского кодекса чести, и игра в шахматы

трактуются в средневековой культуре как «привилегия и непреходящий атрибут аристократической жизни, ставшие частью рыцарского воспитания» [24]. Надо заметить, это требование (в отличие от умения плавать) действительно реализовывалось: уже в самом раннем рыцарском романе – «Эрек и Энида» Кретьена де Труа – упоминается такой персонаж, как

...Бедуайер, что без промашки
Играет в шахматы и шашки [стихи 1735–1736]¹².

Как отмечает Я. В. Мортимер, «шахматы предпочитают аристократы. В некоторых наборах есть очень искусно сделанные фигуры» [25]. В белорусском тексте «Чорны востраў Самсіжовы» упоминаются хрустальные шахматы, «крышталовыя вельмі пекны» [26, с. 102]. Шахматные наборы высоко ценились; так, в белорусском тексте король предлагает *Трышчану* (Тристану): «я бых табе даў за кождага пешка язджалага віцязя, а за караля таго – караля Артыюша» [26, с. 102].

В слове *рух* европейское ухо услышало созвучие с *rook* (*умес, башня*), соответственно, в европейской трактовке фигура изображается в виде крепостной или осадной башни и носит название *тура*, поскольку в большинстве европейских языков слова для обозначения башни близки по звучанию: фр. *la tour*; англ. *tower*; исп. и итал. *la torre*; нем. *der turm*; датск. и норв. *tårnet*; нидерл. *de toren* и др.

В средневековой литературе «описание шахматных партий занимает значительное место», причем шахматная игра была наполнена истинным драматизмом: «...в них могла разыгрываться судьба женщины, пленника, армии и даже целого королевства» [1, с. 68–69]. Так, в упомянутом тексте «Чорны востраў Самсіжовы» со стороны *Трышчана* ставкой является его сестра, со стороны короля – треть его королевства, и по ходу игры он поднимает ставки: «паў маяго каралеўства», «усё маё каралеўства» [26, с. 103]. Сюжеты нередко описывают ситуации, когда «игра протекала в большом нервном напряжении. Мелкие недоразумения превращались в настоящие драки» [8], подчас «проигравший в ярости от своего поражения ранил или убивал противника» [1, с. 69].

Что касается слона, то, в принципе, боевые слоны были известны: упоминаются в Библии (1-я Книга Маккавеев, 6:46). Но для европейского восприятия слон все же слишком экзотичен, потому возникли более понятные (привязанные к контексту) версии фигуры. Чаще всего он обозначался в качестве епископа, как в шахматах с о. Льюис, потому верхняя часть фигуры каплевидная: воспроизводит заостренный капюшон епископа. В тексте «Чорны востраў Самсіжовы» *Трышчан* называет эту фигуру *попом*: «Я пастаўлю папа ў старшым месцу» [26, с. 103]. Была и такая трактовка слона, как *шут* [9, с. 479], и этот персонаж с очевидностью выводит нас за пределы битвы, перенося действие в дворцово-замковый контекст.

В рамках южной линии продвижения арабских шахмат игра первоначально (но недолго) тоже моделировалась как баталия, однако с существенными трансформациями трактовки фигур и вследствие этого – их игровых возможностей.

Что касается коня, то эта фигура в контексте европейской кавалерии была понятна: всадник-шевалье, благородный рыцарь, овеванный славой, был для Европы XI в. олицетворением доблести и чести [27, с. 100–123]. Так что изображаться в виде коня без всадника он не мог в принципе. Соответственно, в средневековых наборах фигура представлена в виде конного рыцаря; по-английски шахматная фигура коня до сих пор зовется *knight – рыцарь* [4, р. 225–226].

Так, шаху вполне ожидаемо соответствует король с тем же центральным статусом.

¹¹Трагические, в сущности, фигуры: они ждут, надеясь на благополучное возвращение мужей, иначе какой уж пир – некому будет вложить кубок в руки, им же и помянуть придется, испить чашу до дна... И очень трогательные: моделируется-то битва, но они, дома, тоже ее часть, потому что – в сердцах мужчин, *обожаемые*.

¹²де Труа К. Эрек и Энида. Король Артур и Бретонский цикл [Электронный ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/2114> (дата обращения: 24.11.2020).

И, наконец (вот уж, действительно, *the last, but not the least*), ферзь – именно так прозвучало для европейского уха *фарзин*. Вот с ним-то произошли самые удивительные трансформации. Итак, ход королевы! Именно в нее превратился визирь – трудно представить себе метаморфозу более разительную. В шатрандже, как мы помним, женских персонажаций не было вообще.

Согласно распространенной версии этимологии нового наименования, звучание персидского *фарзин* воспринималось во французском контексте как *vierge* (дева) – отсюда очевидные женские коннотации. Но почему именно королева? Объяснение просто феодальным контекстом (как это делают Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо [28]) не очень убедительно. Существует также версия, которая связывает название *королева* со значительным усилением королевской власти в Испании при Изабелле Кастильской. Однако – при всем уважении – дело, как нам кажется, не в ней одной: причины масштабнее, и касаются они изменения статуса женщины в средневековой культуре в целом (именно в *культуре*, в повседневном быту – не слишком [29, с. 121–122, 130–134]).

На наш взгляд, решающее значение имеет в данном случае то обстоятельство, что XI в. закладывает в культуре Европы идеал возвышенной любви *fin'amor*, где все вращается вокруг Донны и влюбленного рыцаря [29, с. 128–130]. Рыцарь есть, это шахматный *knight*. Но любить он может только замужнюю даму, причем именно жену сеньора, с которым связан вассальной клятвой [29, с. 130–134]. Таковой на доске один, и это – король, значит, женский персонаж – королева.

Что касается битвы... Дело даже не в иной тактике боя, которая была характерна для европейской войны («правила игры в шахматы были выражением духа феодального сражения, в котором отдавалось предпочтение рукопашной схватке с небольшой амплитудой перемещения и оборонной тактике» [24]), – существенно важнее то, что военные действия вообще воспринимаются теперь совершенно по-новому. Уже в первом Крестовом походе (1096) «...многих князей и рыцарей сопровождали жены, дочери, сестры. В чужой земле, в сложных условиях, эти женщины, которым пришлось испытать все невзгоды, выпадавшие на долю мужчин, оказывали воинам серьезную помощь. <...> Это сильно подняло позиции слабого пола» [30, с. 10]. Но, что важно, акцент был сделан далеко не только на «сражениях и... осадном сидении»: «...рассматривая поход как некую увлекательную поездку, дамы стремились обставить ее как можно лучше и показать себя Востоку во всей красе своей утонченности и своих нарядов. Даже на поле брани появились отряды amazонок, а их предводительница в золоченых рыцарских сапогах, прозванная «дамой с золотыми ножками»,

вызывала шок у зачарованных мусульман» – все это «придало романтическую окрашенность всему движению» [30, с. 10].

В новом контексте шахматы как означающее начинают *означать* другое: они перестают моделировать битву, в соответствии с куртуазными веяниями сражение понимается не как массовое побоище, а как рыцарский турнир.

Исходно турниры служили тренингом, «главным практическим занятием, на котором приобретался хороший бойцовский опыт и навыки для настоящего боя» [31]. Также турниры служили для демонстрации доблести и воинского мастерства [24].

На ранних стадиях развития турнира «показательное сражение... разыгрывалось по обычному военному сценарию, отображая тем самым реальный стиль боя того времени» [31]. И опасность оставалась более чем реальной: «...использование “куртуазного” оружия с тупыми остриями и лезвиями... очень медленно получало распространение» [1, с. 66].

Однако важнейшим вектором эволюции турнира стала его трансформация от боя как такового к действию игрового характера. Одним из факторов этого процесса стала позиция церкви и властей. С одной стороны, церковь считала смерть участников турнира недостойной, приравнивая добровольное участие рыцарей в «зловредном ристалище» [24] к самоубийству, и потому часто «отказывала им в христианском погребении» [1, с. 66]. С другой стороны, турниры были настолько опасными, что нередко завершались кровавыми побоищами, а «какому правителю понравится, что его лучшие рыцари (основной костяк армии) не могут участвовать в войне из-за травм, полученных на турнире... или убиты» [31].

Однако все «запреты рано или поздно отменялись, так как короли и духовенство были не в силах искоренить стремление рыцарей участвовать в турнирах, поэтому единственный выход был – сделать турнир более безопасным» [31]. В итоге «турнир превратился исключительно в военную игру и сделался театрализованным представлением» [32, с. 45].

Обретение турниром игрового характера влекло за собой много нового.

Прежде всего, игра, как известно, предполагает четко прописанные правила, нарушение которых означает выпадение из игрового пространства. И действительно, в IX в. «воинские игры стали проводиться по определенным правилам, так появились рыцарские турниры» [31]. К началу XIII в. правила унифицировались и устоялись: «...появляются более безопасные правила для турниров, в которых... приводился список запретов... а также оговаривались части тела бойцов, по которым нельзя было наносить удары» [31].

Кроме того, игра не предполагает материальной заинтересованности, и в турнире главное – добытая

слава. Награда победителя подчас бывала вообще символична: он обретал право посвятить свою победу Даме. Хотя известно, что некоторые рыцари, собственно, и жили за счет побед в турнирах [31], но это уже не игра, а работа, и главным для большинства была слава победы, символом которой становился куртуазный приз из рук Дамы.

В связи с этим изменился и сам статус турнира в культуре: наряду с *походными* турнирами возникли *назначаемые* [31]. Последние вносили яркие краски в повседневность Средневековья, представляя собой «удивительное по своему блеску и... порядку мероприятия» [31], в котором находили себе место также «целые толпы артистов, фокусников, поваров, торговцев, нищих и преступников» [1, с. 66–67]. Фактически «это не только схватки рыцарей, но и театрализованные представления... Сопровождающиеся танцами и играми... В XV в. популярным становится турнир “па де арм”. Этот турнир организовывался по мотивам какой-либо истории, где сама схватка рыцарей была лишь частью театрализованного шоу» [31].

Вторая важная тенденция эволюции турнира в средневековой культуре – его индивидуализация.

Поначалу имитировавшие реальную битву турниры были групповыми. Так, например, «в 844 году свита Людовика I Германского и его брата Карла II Лысого разделилась на одинаковые по численности отряды и разыграла показательное сражение, причем оба принца сами участвовали в схватке во главе молодых воинов» [31]. Вот они: два принца – два короля (два шаха).

Однако историческая эволюция турнира ведет к его полной и финальной индивидуализации: акцент сдвигается с коллективного сражения к дуэльному поединку – *жюте*, что изменило и его сословную отнесенность: теперь это занятие не рыцарей как воинов, а забава галантных кавалеров: «...жюте становятся рафинированным аристократическим развлечением, систематизированные ритуалы его проведения строго соблюдаются, а подвиги, совершаемые рыцарями на глазах у прекрасных дам,

полностью соответствуют этике куртуазной цивилизации» [24].

Куртуазное содержание поединков все более выдвигается на передний план: «...начиная с XIII в. на турнирах дамам отводится особая роль, и им даже посвящают заключительный поединок» [31]. Фактически смысл поединка был уже не столько в демонстрации воинской доблести, сколько в том, кто сможет более прославить свою Даму, посвятив ей победу. Тем более что «Дама рыцаря, победившего на турнире, становилась королевой турнира и вручала победителю награду» [31].

А. Фергюсон отмечает еще одну интересную особенность куртуазных турниров: они часто «проводились в соответствии с моделью, описанной в рыцарских романах» [32, с. 40]. Эксперты отмечают, что «широкое распространение в XII в. романов... в которых прославлялись идеалы романтической любви, повлияло также и на турниры» [31]. Более того, в XIV в. «дамы могли даже выбирать победителя турнира» [31], что, в сущности, разрушало его исходный состязательный смысл и превращало в сугубо куртуазную акцию. Позднее, в XV в., «жюте становится почти театральным действием» [24].

Формирование индивидуального характера турнира и развитие его игрового статуса (при акцентуации галантной подоплеки поединка) приводят к тому, что в итоге он оказывается вписан в куртуазную традицию: от *куртуазного оружия* – до переосмысления битвы как игрового куртуазного действия, посвященного Прекрасной Даме, королеве турнира (вот и королева!).

Для моделирования такового шахматы оказались чрезвычайно удобны, так как в отличие от модели масштабной битвы, где фигурке коня соответствовала целая конница, модель турнира предполагала практически изоморфное соответствие фигур на шахматном поле фигурам турнира: рыцарь-всадник (благородный шевалье) – его противник (такой же рыцарь) – его сеньор – король – его супруга, королева (для рыцаря – Донна) – башни замка и т. д.

Этап третий – куртуазный флирт

В свете описанных тенденций моделирующая семантика шахматной игры переосмысливается, базовые аллегории меняются и куртуазные гештальты выдвигаются на передний план. Например, согласно описанию С. В. Жарко, на крышке шкатулки XIV в. изображен куртуазный турнир под названием «штурм замка любви»: «...там показаны рыцари... штурмующие замок, который защищают девицы (они бросают в рыцарей цветы)» [31].

Это отразилось и в практике шахматной игры, ее включенности в контекст замковой жизни: «...во времена господства куртуазной любви шахматы были игрой повседневной» [28]. В аристократиче-

ских кругах они были очень широко распространены, причем «дамы и молодые женщины без малейших колебаний садились за шахматную доску и часто показывали себя более искусными игроками, чем мужчины»; по легенде, Алиенора Аквитанская «заставила потерпеть поражение в шахматах самых влиятельных князей Англии и Франции» [1, с. 69].

Более того, при анализе пикантностей и бурлеска в куртуазной поэзии П. Бек отмечает, что у трубадуров нередко встречаются «эротические намеки, связанные с игрой в шахматы» [33, р. 46].

Так что если изначально игровая партия моделировала битву, то теперь это *битва* куртуазная –

флирт, где рыцарь как бы наступает, а Дама как бы отступает. Например, во второй половине XIII в. Бернарт д'Аурьяк пишет, что хотел бы сыграть со своей дамой «...у нее в доме партию в шахматы, и чтобы никто не мешал бы игре. А еще хотелось бы... побыстрее и напрямик объявить ей шах: ведь именно в этом и состоит вся прелесть игры! Но также хотел бы я дождаться конца нашей партии, ибо желательно мне увидеть, как она одержит победу, и настанет мой черед получить шах и мат» [цит. по 33, р. 46–48].

Наряду с непосредственным эротическим флиртом шахматы выражали и аксиосферу куртуазного понимания любви: символическая система шахмат использовалась для создания концептуальных морализаторских схем, моделирующих ценностные основания куртуазной культуры. В средневековых источниках упоминаются даже особые шахматные наборы, где игра разворачивалась на доске 7 × 8 с комплектами из фигур, каждая из которых ассоциировалась с одним из человеческих чувств [4, р. 339–343].

В конце XIV в. даже появляется поэма Эврара де Конти «Шахматы любви», в которой рыцарь и Дама разыгрывают партию в шахматы, являющую собой аллегорическую модель человеческой жизни, где каждому возрасту соответствуют свои виды любви [34, р. 397–398]. Шахматы служат здесь символической моделью куртуазного поведения в целом: доска – жизнь влюбленного, правила выбора – законы куртуазной любви, и соблюдение или несоблюдение последних (правильный или неправильный выбор в рамках каждого хода) ведут либо к победе, либо к поражению в играемой партии – любви как всей жизни.

Очень скоро (около 1405 г.) Эврар де Конти пишет еще и прозаический трактат на ту же тему «Нравоучительная книга о шахматах любви» – предположительно комментарий к «Шахматам любви» [35, р. 188]. Этот текст полностью сохранился [36] и даже есть в свободном доступе со всеми иллюстрациями [37].

Среди дошедших до наших дней вариантов трактата – манускрипт, иллюстрированный Робине Тестаром, придворным Мастером графа Карла Ангулемского (после его смерти в 1496 г. служил его вдове – Луизе Савойской, для которой, собственно, и предназначалась «Нравоучительная книга о шахматах любви»). Самая известная из миниатюр этой книги – «Карл Ангулемский и Луиза Савойская играют в шахматы», где супруги изображены за игрой на необычной доске 5 × 5 [38, р. 144–188]. Поскольку «Нравоучительная книга о шахматах любви» – не единственный шахматный трактат, который иллюстрировал Робине Тестар, постольку эксперты полагают, что особенность доски не может быть ошибкой дилетанта [38, р. 144–188]. Это позволяет судить о том, что играют они не в обычные шахматы, но, скорее всего, именно в *шахматы любви*. Центром

картины выступает Луиза: мужские фигуры явно второстепенны (муж, Карл Ангулемский, не играет, а лишь смотрит на доску из-за плеча супруги, шахматный соперник вообще изображен спиной и анонимен, а сам Робине Тестар, хоть и изображен на переднем плане, только наблюдает за происходящим). Но не это главное: положение фигур на доске говорит о явно доминирующей позиции фигур Луизы Савойской, что сулит ей скорую победу. Поскольку Луиза являлась незаурядным политиком своего времени, постольку такая шахматная искушенность оценивается экспертами как ничуть не удивительная [39, р. 44–45].

В целом это новый статус женщины, понятой в куртуазной системе отсчета как Донна, вокруг которой разворачиваются все интриги, которая становится центром и целью рыцарских подвигов, которая выступает (со)участницей флирта как куртуазной игры и в этом качестве – шахматным партнером.

Что же происходит с фигурой ферзя в такой системе отсчета? Как мы знаем, значимость Прекрасной Дамы в куртуазном контексте становится чрезвычайно высокой: как бы ни была ее роль номинативна, без нее куртуазная система выстроена быть не может. В соответствии с этим меняется понимание роли ферзя и самих правил игры: самая слабая фигура превратилась в самую сильную!

Как пишет М. Меррей, «в ранней версии шахмат, эволюционировавшей из шатранджа и в таком виде заимствованной из арабского мира в Европе, ферзь был слабейшей фигурой» [4, р. 452]. В начальной позиции, как и подобает по социальной иерархии, он располагался рядом с королем и далеко не отлучался: перемещался лишь на одно поле по диагонали. Кроме того, в начальной позиции визири противников стояли на полях противоположного цвета, так они не могли напасть друг на друга [4, р. 224–226].

Европейский ферзь для начала «получил дополнительную возможность: своим первым ходом ферзь мог “прыгнуть” на два поля по диагонали, горизонтали и вертикали (это правило видоизменялось в зависимости от региона)» [4, р. 458–465]. С течением времени роль этой фигуры усиливается все больше, поскольку ферзь-королева ходит на любое число полей по всем направлениям, соединяя в себе возможности и ладьи, и слона. В европейской версии шахмат ферзь-королева, безусловно, самая сильная фигура.

В России была распространена практика надевать ферзя в дополнение к обычным ходам еще и ходом коня [4, р. 384–385]. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля возможны ситуации, когда «по уговору, *ферзь* ходит всеми ходами, т. е. и конем»; в этом случае (тотальное доминирование на доске!) фигура «зывается: *ферзь всяческая*»; в нашем контексте

небезынтересно, что у В. И. Даля отражается также имеющая место в русском языке тенденция склонять существительное мужского рода *ферзь* по правилам, характерным для женского рода: «ФЕРЗЬ ж., но правильное м. старшая по царю “после царя” шахматная шашка»¹³.

В итальянском языке новая фигура, обладающая неслыханной доселе возможностью ходить во всех направлениях, получила имя *rabiosa* (бешеная) [4, р. 776–778].

Бывали и конкретно-личные персонификации. Например, в русских шахматах для царских детей существовали *шахматы с личиком*, моделирующие русско-турецкую войну: белые фигуры в пудренных париках изображали Петра I с войском, а черные – турецкого султана с янычарами. Ферзь изображался

очень конкретно – в виде Екатерины I: «Петр Первый. <...> Рядом – его жена Екатерина»¹⁴.

В итоге описанных тенденций и саму игру стали называть в Европе *шахматы королевы* [40] (как раз в период, хронологически совпадающий с куртуазной традицией). А в источниках конца XV в. встречается формулировка *шахматы Дамы* (например, исп. *axedres de la dama*) [4, р. 776–778].

Разумеется, нельзя не упомянуть сугубо куртуазную возможность трансформации пешки: она может превращаться в ферзя. Пешки безличны (как и женщины в своей массе для средневековой культуры), но потенциально все они – королевы: упал на нее взгляд рыцаря любовный, и озарилась она светом неизъяснимым – вот и стала она его королевой, и вся ее сила воссияла...

Этап четвертый – социум

Если изначально шахматы были в Европе игрой аристократической, то с течением времени речь можно вести и о распространении шахмат за пределами замков.

Понятно, что в сознании горожан куртуазные турниры имели малое значение, да и время идет, приходят новые ценности и смыслы. В бюргерской среде на передний план выходят иные, а именно цеховые интересы. Соответственно, в шахматной игре усматривают иную подоплеку, в новом, городском, контексте моделирующий потенциал шахмат актуализируется по-новому.

В этом плане интересна такая разновидность шахматной игры, как *курьерские шахматы*, которые были распространены в Северной Германии в XII–XIV вв. [41, р. 13–17].

Эта разновидность шахмат интересна тем, что в наборе присутствуют дополнительные фигуры: во-первых, сохранен мудрец (наличие ферзя как королевы этому не помешало), во-вторых, наличие епископа как переосмысленного слона не помешало наличию шута (как мы помним, таковой иногда заменял собой слона, но в этом случае он его дополняет: городская культура успешно совмещает религиозные и светские интенции), в-третьих (и это главное), возникает такая новая фигура, как курьер, который изображался в виде всадника, трубившего в рог (в поздних, абстрактных, вариантах – в виде шпиля). И фигура курьера была выше всех остальных, кроме короля, к которому практически приближалась [42, с. 104–107].

Размер отражал игровые возможности: курьер оказывался самой сильной фигурой на доске [4, р. 483–485]. Ходил он на любое количество кле-

ток по диагонали, в то время как королева – только на одну (тоже по диагонали, так что сравнение по единому критерию). Даже шут имел большую, чем королева, амплитуду хода, больший размах: он тоже ходил на одну клетку, но зато и по вертикали, и по горизонтали.

Такая вот корпоративно-профессиональная версия шахматной игры. При сохранении королевской власти в неприкосновенности (и король, и королева с доски никуда не делись, даже шут при них остался) в городском контексте растет экономическая мощь бюргеров, чья цеховая организация с течением времени оттачивает профессиональное самосознание и ценит свои привилегии. Можно предположить, что курьерские шахматы это и отражают, наделяя курьера такими игровыми возможностями, которые делают его самой сильной фигурой после короля (на него бюргеры пока не замахиваются, буржуазные революции еще далеко, хотя, надо заметить, на рокировку король в курьерских шахматах права не имел).

Несмотря на свою распространенность в XII–XIV вв., конкуренции с классическими шахматами курьерские не выдержали, и практика этой игры сошла на нет. Но в изобразительном искусстве следы курьерских шахмат сохранились. Так, началом XVI в. датируется картина Лукаса ван Лейдена «Игра в шахматы», изображающая горожан-бюргеров; в XVII в. голландский художник Ян де Брай создает набросок юноши, размышляющего над этюдом курьерских шахмат («Шахматист», 1661 г.). Сообщения о том, что в области Штрёбек продолжают играть в курьерские шахматы, встречаются даже в начале XIX в., но уже к концу его первой четверти курьерские шахматы фактически забыты, попытки возродить их в совре-

¹³Ферзь // Толковый слов. живого великорус. яз. : в 4 т. / авт.-сост. В. И. Даль. СПб. : Тип. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. С. 549.

¹⁴Несколько фактов из истории шахмат. Россия К. [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/article/show/article_id/42185/ (дата обращения: 17.11.2020).

менной шахматной культуре предпринимались, но успешными не были [43].

До сих пор мы говорили об объективном отношении шахмат как моделирующей системы к тому, что они отражали. Это, разумеется, осознавалось игроками: играющие в чатурангу вели битву, куртуазные аристократы – турнирный поединок (в том числе и любовный), но целенаправленному рефлексивному осмыслению шахматы (именно как означающее) не подвергались.

Первопроходцем выступил здесь доминиканский монах Якопо ди Чессоли, который во второй половине XIII в. пишет трактат «Книга об обязанностях и нравах знати, или О шахматной игре» [44, с. 270], моделируя систему шахмат как идеальное общество. По оценке С. Лучицкой, «шахматы в трактате сравниваются с обществом и его системой отношений, взаимных обязанностей и других необходимых условий существования социального здания» [44, с. 271].

Более того, Якопо ди Чессоли усматривает в шахматах идеальный вариант социального устройства и создает своего рода шахматную утопию. Ошибочно полагая, что шахматы были изобретены в Вавилоне, он и моделирует Вавилон как правильно организованный город: последний в его представлении «...был построен по плану, разбитому на квадраты. Каждая сторона длиной 16 римских миль, а общая площадь – $16 \times 4 = 64$. Чтобы представить размеры города, изобретатель этой игры создал доску с 64 клетками. Края доски представляют стены города, а они были высокими, и потому края доски высокие. Шахматы – это идеальный город... в этом городе царят *concordia* и гармония» [цит. по 44, с. 271].

В контексте средневекового символизма шахматная доска для Якопо ди Чессоли – метафорическая модель общества, он задумывается о месте в обществе и о социальном предназначении «благородных шахматных фигур», и прежде всего это относится к персонификации шахматных фигур: «...шахматы символизируют город, общество, а шахматные фигуры – различные социальные страты» [44, с. 270–271].

Следует сказать, что модель Якопо ди Чессоли – монархическая: «...как в шахматах все подчинено защите короля, так и в обществе... все социальные группы должны поддерживать короля и укреплять королевскую власть. Именно эта цель и сплачивает фигуры, и благодаря подчинению всех фигур королю создается гармония и порядок» [44, с. 272].

Однако с развитием средневекового общества (рост городов, интенсификация торговли, дифференциация стратификации и др.) в набор шахматных фигур как модель социума вносятся интересные коррективы. Соответственно изменению статуса фигур меняются и их возможности (диапазон перемещений по доске) и – вследствие этого – роль и значимость в процессе игры. Как отмечает М.-А. Поло де Болье, «названия шахматных фигур были изменены и стали отражением западного образа жизни» [24].

Особенно интересно то, что Якопо ди Чессоли делает акцент на пешках, и в трактовке таковых происходят изменения самые радикальные. До сих пор они были безличной пехотой, и то (осознанное значительно позже Средневековья) обстоятельство, что *под грубой солдатской шинелью бьется живое солдатское сердце*, еще не приходило в голову шахматным игрокам. Это касается и *падати* в чатуранге, и *переднего строя пехоты* в чатранге и *байдакх* в арабском шатрандже, и набора с о. Льюис, где пешки – единственные фигуры, не имеющие антропоморфного облика (фигура пешего воина там присутствует, занимая позицию современной ладьи, но это, как мы помним, ценный берсерк), в то время как пешки – безликое *пушечное мясо*. Как пишет Дж. Робинсон, «здесь пешки представлены как неодушевленные вертикально поставленные куски моржовой кости, не имеющие в социальном мире шахматной доски никакой индивидуальности» [14]. И во многих версиях шахматных правил пешки в принципе не могли превращаться в фигуры.

В отличие от этой традиции Якопо ди Чессоли посвящает пешкам специальный раздел трактата, где «речь идет о 8 пешках, которые олицетворяют разные профессии простолюдинов» [44, с. 270]. Тем самым он рассматривает моделируемое шахматами социальное устройство, во-первых, во всей полноте (с учетом не только аристократической верхушки, но и городских слоев, рассмотрев каждый тип отдельно), во-вторых, дифференцированно и детально: не общий и безликий *трудоулов*, а различные профессиональные группы с учетом специфики каждой. Он первым «персонифицировал пешки как ремесленников, чернорабочих, трактирщиков и торговцев» [14].

Итак, шахматы как означающее начинают сопредельваться с означаемым гораздо более широким, нежели битва, турнир или система куртуазного флирта, – теперь это общество в целом.

Этап пятый – бытие

Общество как таковое – казалось бы, куда уж дальше? Однако есть куда! Шахматы начинают восприниматься как модель бытия как такового – в аспекте осмысления жизни и смерти. Очень хотелось бы сказать *экзистенциального* бытия, но слово это еще не обрело

тех смыслов, которые мы вкладываем в него сегодня на базе сложившейся философской традиции XX в., хотя именно эти нюансы и имеются в виду.

Этот вектор трактовки шахмат закладывается в уже упоминавшейся в связи с курьерскими

шахматами книге Августа Младшего «Шахматы, или Королевская игра». Герцогом Брауншвейг-Вольфенбюттельским ее автор на тот момент еще не был, но поклонником шахматной игры уже был и внес существенный вклад в эволюцию означаемого, усматриваемого за коллизиями на шахматной доске. И немудрено: он являлся ректором двух университетов, человеком высокообразованным и чрезвычайно эрудированным, собрав в своем замке огромную библиотеку в 180 тыс. томов [45].

Как отмечает Н. Иванова, «...автор книги скрылся за псевдонимом Густавус Селенус, но... явно не хотел кануть в безвестность. Ведь Густавус — это Август на латыни, а Селенус — от греческой богини Селены, которую римляне называли Луной. Родовое же имя герцогов Брауншвейг-Люнебургских происходит как раз от слова “Luna”, так что налицо апокрифический характер псевдонима» [45]. Соответственно, и шахматные фигуры, изображенные на иллюстрирующих книгу гравюрах, получили название *лунных шахмат*.

Шахматы эти совершенно особые: верхнюю часть их утонченных и изысканных фигур «венчает символический скелет, в образе которого всемогущая смерть смеется над шахматной игрой» [45].

Шахматы стали использоваться для моделирования темы смерти в философско-богословских и художественных произведениях.

В XVI в. Петр Скарга, первый ректор Виленской Академии, призывая к познанию мира, использует метафору шахмат: «...на шахматной доске гордо стоят короли, девы, солдаты, а тотчас по окончании игры они все свалены в шкатулку, точно в мертвецкую» [цит. по 8].

Концептуальное осмысление шахмат в этом разрезе дано в трактате «Доктрина смерти» французского теолога Иоганнеса Гвалленсиса (1518 г.), предававшего размышлениям о жизни и смерти посредством шахматной метафоры [46, р. 75–102; 47, р. 219–273] и рассматривавшего мир как доску «с белыми и черными полями, которая принимает на себя людей, словно шахматные фигуры» [цит. по 48].

Посредством шахматной аллегории моделирует равенство как наступающее лишь после смерти немецкий автор Готтлиб Пфефель (XVIII в.): жизнь подобна шахматной партии, где каждый должен играть свою роль, а «...потом появляется мастер... который руководит движением всех фигур и распределяет среди них роли. Он берет большие и малые фигуры, бросает их все вместе в черную коробку и перемешивает между собой. Так выглядит картина мира» [цит. по 8].

Похожий сюжет встречается и у Мигеля де Сервантеса в романе «Дон Кихот», написанном

в самом начале XVII в.: Санчо Панса предлагает сравнение жизни с игрою в шахматы: «...пока игра продолжается, каждая фигура имеет свое особенное значение, но когда игра окончилась, все фигуры смешиваются, опрокидываются и бросаются как попало в ящик... как люди после смерти — в землю»¹⁵.

В изобразительном искусстве среди произведений с подобным сюжетом — гравюра неизвестного эльзасского художника XV в. «Смерть ставит мат королю» и фреска шведской церкви Тёбу «Смерть, играющая в шахматы» (конец XV в.), где изображен мужчина, играющий против Смерти: ход делает Смерть, а мужчина хватается за сердце, пытаясь удержаться за доску [49].

Та же подоплека — и в более поздней картине Реми-Фюрси Дескарсена «Портрет доктора де С., играющего в шахматы со Смертью» (1793), и шахматы на нем — не лунные: ассоциация шахматной партии как игры со смертью уже закрепилась в традиции универсальным образом. Сюжет позитивен: врач спас пациента, победив в шахматной партии Смерть (скелет с косою в черном плаще); мотив победы над Смертью подкреплен и картиной на стене, которая изображает воскрешение Эскулапом Ипполита. Доктор радостно смотрит на зрителя, демонстрируя позицию на шахматной доске, где читается убедительный мат слоном и конем.

Этот больной не умер. Но можно ли победить Смерть как таковую? Так что оптимизм картины — это попытка преодоления страха: кто бы ни проиграл, смерть выигрывает в любом случае.

Однако это далеко не финал: для христианина есть еще и битва за душу. Что за гранью: рай или ад? В таком контексте это игра уже не со Смертью, когда на кону жизнь, а игра с дьяволом — за душу.

Такое толкование шахматной партии может быть усмотрено уже в фольклоре. Классикой жанра является голландская легенда: дьявол под личиной рыцаря вынуждает монаха сесть за шахматы, причем по ходу партии нечестивая грешница подсказывает ему неверный ход, но монах отчетливо понимает, что происходит («он знал, что на кону стоит его душа»), потому обращается за небесной защитой и только «после усердной молитвы двинул пешку против пешки своего соперника», что и обеспечило ему победу [8].

Легенда о шахматной победе над дьяволом связана и с именем знаменитого итальянского шахматиста XVI в. Паоло Бои. Согласно легенде, он встретил женщину необычайной красоты. Оказалось, что красавица охотно играет в шахматы, и во время партии Паоло понял, что его партнерша играет блестяще, но все же сумел объявить ей мат. Вдруг его белая королева стала черной, а незнакомка, смеясь, ска-

¹⁵ de Сервантес М. Дон Кихот. Онлайн-библиотека русской классической литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://онлайн-читать.рф/сервантес-дон-кихот/> (дата обращения: 21.11.2020).

зала: «Нет, Паоло, ты не выиграешь». Потрясенный Паоло Бои стал молиться Пресвятой Деве и, несмотря на изменение цвета королевы, все же выиграл. Незнакомка исчезла, а Паоло Бои понял, что играл с дьяволом [8].

В изобразительном искусстве такой сюжет также лежит в основе многих произведений. Так, картина Фридриха Августа Морица Ретча «Игроки в шахматы» (1830-е гг.) изображает партию с Дьяволом. Известно, что Ф. А. М. Ретч увлекался Гёте и иллюстрировал «Фауста»; Н. Сфикас даже полагает, что в качестве соперника героя, собственно, и изображен Мефистофель [50, с. 150]. Практически эту же композицию воспроизводят бронзовый барельеф Энтони Джонса «Игра на жизнь» (середина XIX в.), рисунок Теодора фон Холста «Сатана играет с человеком на его душу» и др. Барельеф предельно нагружен мрачной символикой (шахматная доска размещена на крышке саркофага), и исход сражения, казалось бы, предрешен. Но есть еще ангел, осеняющий доску крылами, что оставляет надежду на победу в битве за душу. Интересно, что шахматные эксперты усматривают в расположении фигур на доске возможность для героя все же выиграть партию¹⁶.

Шахматные фигуры в подобных сюжетах изображаются нестандартно и непосредственно выражают борьбу Добра и Зла. Так, на картине Ф. А. М. Ретча «Игроки в шахматы» черный король повторяет игрока-дьявола (и одет точно так же). Рядом с ним – Неверие, попирающее крест, Сладострастие (женщина с обнаженной грудью), Гордость (с павлиньим хвостом), Ложь (одна рука – клятвенно на груди, другая держит кинжал за спиной) и т. п.¹⁷

Это отражено и в специальных шахматных трактатах. Так, в тексте неизвестного автора XV в. «Нравоучительная шахматная игра Дамы» партия трактуется как борьба темного и светлого начал [51]. Сатана играет в шахматы с Дамой, пытаясь оболь-

стить ее и привести к поражению, в то время как ставка в игре – ее душа. Дьявол играет черными фигурами, которые олицетворяют мирские соблазны и пороки, белые фигуры Дамы – добродетели. Фигуры противостоят друг другу попарно: если дьявол делает первый ход, передвигая черную пешку Самолюбие, то в ответ Дама передвигает свою – Любовь к Богу и т. д. Каждому ходу посвящена отдельная глава трактата, и через 16 ходов Дама объявляет шах черному королю с помощью своей королевы, символизирующей Смирение.

Детальное развитие получает шахматная метафора в ученых трактатах, например, у Джироламо Савонаролы (конец XV в.). Его перу принадлежит работа «Об искусстве хорошо умирать», и в ней он пользуется именно метафорой шахмат: «Смерть – это торжественный момент нашей жизни: дьявол дает нам тогда последний бой. Он как бы постоянно играет с человеком в шахматы и ожидает решительного конца, чтобы объявить ему мат. Кто побеждает в этот момент, выигрывает битву всей жизни» [цит. по 52, с. 357–358].

Существуют и более масштабные модификации игры за душу, где человек оказывается не игроком, а фигурой на шахматной доске, и борьба идет уже *на высшем уровне*. Так, например, в моралите Готье де Куанси «Чудеса богоматери» (конец XIII в.) включена аллегория, описывающая игру в шахматы между дьяволом и Богом. За свою вину – первородный грех – человек на шахматной доске загнан в угол, и мат неизбежен, однако Бог сотворяет новую фигуру – королеву, Святую Деву, и благодаря ей дьявол оказывается повержен [8].

На этой основе означаемое шахмат еще более расширяется и обретает новое измерение, касающееся уже не индивидуальной судьбы, но судеб мироздания: борьба жизни и смерти переосмысливается как борьба Добра и Зла – в универсально космическом масштабе.

Библиографические ссылки

1. Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Москва: Молодая гвардия; 2001. 223 с.
2. Можейко МА. Означивание. В: Грицанов АА, Можейко МА, редакторы-составители. *Постмодернизм. Энциклопедия*. Минск: Интерпрессервис; 2001. с. 537–538. Совместно с издательством «Книжный дом».
3. Gollan J. *Chess variations: ancient, regional, and modern*. North Clarendon, Vermont: Tuttle Publishing (Charles E. Tuttle Company); 1973. 233 p.
4. Murray HJR. *A history of chess*. Oxford: The Clarendon Press (Horace Hart M. A. Printed to University); 1913. 900 p.
5. Бируни Абу Рейхан. Индия. В: Бируни Абу Рейхан. *Избранные произведения. Том 2*. Ташкент: Фан; 1963. 727 с.
6. Амбарцумян АА, переводчик. *Книга о шахматах [Чатранг-Намаг]* [Интернет]. 2000 [процитировано 5 ноября 2020 г.]. Доступно по: <http://avesta.tripod.com/pehlev/Chatrang-namag.htm>.
7. Мэррей ГДжР. *Насколько стара шахматная игра. Древность шахматных игр* [Интернет, процитировано 9 ноября 2020 г.]. Доступно по: http://thaichess.narod.ru/index/naskolko_stara_shakhmatnaja_igra/0-49.

¹⁶Bronze Bas Relief Masterpiece and Background Story – The King Has One More Move! ONE-MORE-MOVE-CHESS-ART.COM [Electronic resource]. URL: <https://www.one-more-move-chess-art.com> (date of access: 15.11.2020).

¹⁷Retzsch M. Die Schachspieler – The Chess Player // The Saturday Mag. 1837. No. 311. P. 170.

8. Гижицки Е. *С шахматами через века и страны. Настольные игры* [Интернет]. Варшава: Спорт и туризм; 1970 [протитировано 27 ноября 2020 г.]. 360 с. Доступно по: <http://table-games.ru/books/item/f00/s00/z0000009/index.shtml>.
9. Карпов АЕ, редактор. *Шахматы: энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990. 624 с.
10. Конвей ДДж. *Полная энциклопедия мифологических существ. История, происхождение, магические свойства*. Санкт-Петербург: Весь; 2011. 457 с.
11. Bosworth CE. The titulature of the early Ghaznavids. *Oriens*. 1962;15:210–233. DOI: 10.2307/1579847.
12. Caldwell DH, Hall MA, Wilkinson CM. *The Lewis chessmen: unmasked*. Edinburgh: National Museums of Scotland; 2014. 80 p.
13. Robinson J. *The Lewis chessmen (objects in focus)*. London: British Museum Press; 2004. 64 p.
14. Робинсон Дж. Шахматы острова Льюис. *ChessPro. Профессионально о шахматах* [Интернет, процитировано 17 ноября 2020 г.]. Доступно по: https://chesspro.ru/_events/2008/luis.html.
15. Арбман Х. *Викинги*. Санкт-Петербург: Евразия; 2006. 320 с.
16. Догерти МДж. *Мир викингов. Повседневная жизнь Детей Одина*. Москва: Эксмо; 2015. 224 с.
17. Сванидзе АА. *Викинги – люди саги: жизнь и нравы*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 800 с.
18. Нарни А. *Королевство викингов*. Москва: РИПОЛ-классик; 2014. 256 с.
19. Черная ЛВ. Скандинавская женщина эпохи викингов. *Вестник Томского государственного университета* [Интернет]. 2005 [протитировано 23 ноября 2020 г.];288:41–48. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-zhenschina-epochi-vikingov/viewer>.
20. Губанов ИБ. Структура древнескандинавского общества по материалам родовых саг. В: Мильников АС, редактор. *Скандинавские чтения 1998 года: этнографические и культурно-исторические аспекты*. Санкт-Петербург: Наука, 1999. с. 40–48.
21. Гуревич АЯ. *Походы викингов* [Интернет]. Москва: Наука; 1966 [протитировано 25 ноября 2020 г.]. 183 с. Доступно по: <http://ulfdalir.ru/literature/124>.
22. Bennett D. *Conquerors: the roots of New World horsemanship*. Solvang, California: Amigo Publications Inc.; 1998. 422 p.
23. Акунов ВВ. *Берсерки. Воины-медведи древнего Севера*. Москва: Вече; 2014. 320 с.
24. Поло де Болье М.-А. *Средневековая Франция* [Интернет]. Москва: Вече, 2014 [протитировано 31 марта 2020 г.]. 384 с. Доступно по: <https://history.wikireading.ru/11151>.
25. Мортимер ЯВ. *Средневековая Англия. Путеводитель путешественника во времени* [Интернет]. Москва: Эксмо; 2014 [протитировано 16 ноября 2020 г.]. 336 с. Доступно по: http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#ТОС_id20237493http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#ТОС_id20237493.
26. Старавойтава Н, перакладчык. Чорны востраў Самсіжовы (трагікамічны расповед пра тое, як слаўны і дворны рыцар Трышчан ратаваў з палону вялікага караля Артыюша, свайго лепшага сябра і містэрнага рыцара Анцалота, а таксама шмат іншых добрых рыцараў Акруглага стала). *Спадчына*. 2003;4–5:102–104.
27. Можейко МА. Меж тем к югу от Луары: южнофранцузский рыцарский идеал и формирование cortezia. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:100–123.
28. Брюнель-Лобришон Ж, Дюамель-Амадо К. *Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII веков* [Интернет]. Москва: Молодая гвардия; 2003 [протитировано 27 ноября 2020 г.]. 416 с. Совместно с издательством «Палимпсест». Доступно по: <https://coollib.com/b/228569/read>.
29. Можейко МА. Феномен Донны: блеск и нищета Прекрасной Дамы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;3:120–138. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-120-138.
30. Левандовский АП. Об Артуриане, рыцарях Круглого стола и просто рыцарях. В: Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Москва: Молодая гвардия; 2001. с. 3–12.
31. Жарков СВ. *Рыцари: первая полная энциклопедия* [Интернет]. Москва: Яуза; 2019 [протитировано 14 ноября 2020 г.]. 624 с. Доступно по: <http://loveread.me/contents.php?id=64950>.
32. Фергюсон АБ. *Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма*. Санкт-Петербург: Евразия; 2004. 352 с.
33. Вес Р. *Burlesque et obscénité chez les troubadours: pour une approche du contre-texte médiéval*. Paris: Stock; 1984. 247 p.
34. Grente G, Bossuat R, Pichard L, Raynaud de Lage G, Hasenor G, Zink M. *Dictionnaire des lettres françaises: le Moyen Âge*. Paris: Fayard; 1992. 1506 p.
35. Mussoi A. Playing with memory: The chessboard as mnemonic tool in medieval didactic literature. In: O’Sullivan DE, editor. *Chess in the Middle Ages and Early Modern age. A fundamental thought paradigm of the premodern world FMC (Fundamentals of medieval and Early Modern culture)*. Boston: De Gruyter; 2012. p. 187–198.
36. Évrart de Conty. *Le livre des eschez amoureux moralizes*. Guichard-Tesson F, Roy B, compilateurs. Montréal: CERES; 1993. 828 p.
37. Évrart de Conty. *Le livre des échecs amoureux moralisés* [Internet]. *Accéder au site de la Bibliothèque nationale de France: Gallica* [cité 2020 novembre 23]. Disponible á: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8426258c>.
38. Giogoli K, Friedman JB, Robinet Testard, court illuminator: His manuscripts and his debt to the graphic arts. *Journal of the Early Book Society*. 2005;8:144–188.
39. O’Shea RL. *Queening: chess and women in Medieval and Renaissance France* [Internet]. 2010 [cited 2020 November 25]. 74 p. Available from: <https://scholarsarchive.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://ru.wikipedia.org/&httpsredir=1&article=3415&context=etd>.
40. Duniho F. Shatranji. *Chessvariant* [Internet]. 2001 [cited 2020 November 27]. Available from: <https://www.chessvariants.com/difftaking.dir/shatranji.html>.
41. Knowlton R. Courier chess. *Chess collector* [Internet]. 2009 [cited 2020 November 19];XVIII;1:13–17. Available from: <http://courierchess.com/newsletter/CCI-Courier-Chess-Article.pdf>.

42. Белл Р. *Энциклопедия настольных игр народов мира*. Москва: Центрполиграф; 2001. 318 с.
43. Вувай PV. Modern courier chess. *Variant chess* [Internet]. 1992 [cited 2020 November 15];1(8):102–103. Available from: <http://www.mayhematics.com/s/modco.htm>. Available from: <http://www.mayhematics.com/s/modco.htm>.
44. Луцицкая С. Метафоры средневекового общества: тело, здание, шахматы. В: Зайонц ЛО, составитель. «На меже меж Голосом и Эхом»: сборник статей в честь Т. В. Цивьян. Москва: Новое издательство; 2007. с. 269–275.
45. Иванова Н. Дизайн шахмат Селенус – лунные шахматы. *KADUN* [Интернет]. 2015 [процитировано 15 апреля 2021 г.]. Доступно по: <https://kadun.ru/prensa/dizajn-shahmat-selenus>.
46. Diem A. A Classicising friar at work: John of Wales' Breviloquium de virtutibus. In: Alasdair A. MacDonald AA, Zweder von Martels RVM, Veenstra JR, editors. *Christian humanism: essays in honour of Arjo Vanderjagt*. Leiden: Brill; 2009. p. 75–102.
47. Diem A. Virtus est via ad gloriam. John of Wales and Michele da Massa in disagreement. *Franciscan Studies*. 2005; 63:219–273.
48. Seifert J. Schach, Tod und Liebe Religiöse Deutungen und Analogien. *Schachgemeinschaft 1871 Löberitz: GENS UNA SUMUS* [Internet; zitiert 2020 November 11]. Erhältlich von: http://www.sg1871loeberitz.de/gesch_kolumne/seifert.htm.
49. Geijer E. Schacket, döden och Täby. *Schacksnack* [Internet; cited 2020 November 17]. Available from: <http://www.schacksnack.se/artiklar/82126>.
50. Σφήκας Ν. Ζωγραφικά έργα με θέμα το Σκάκι από τον δέκατο πέμπτο έως τον εικοστό αιώνα. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; 2007. 298 σ.
51. Успенский П. Шахматный этюд № 3: секрет фигуры. *LIVEJOURNAL* [Интернет]. 2018 [процитировано 21 ноября 2020 г.]. Доступно по: https://assalam786.livejournal.com/76459.html?utm_source=3userpost.
52. Виллари П. *Джироламо Савонарола и его время. Том 1*. Санкт-Петербург: Грядущий день; 1913. 389 с. Совместно с издательством «Якорь».

References

1. Pastoureau M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [Everyday life of France and England during the knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 223 p. Russian.
2. Mojeiko MA. Oznachivanie [Giving meaning]. In: Gritsanov AA, Mojeiko MA, editors. *Postmodernizm. Entsiklopediya*. Minsk: Interpressservice; 2001. p. 537–538. Co-published by «Knizhnyi dom». Russian.
3. Gollan J. *Chess variations: ancient, regional, and modern*. North Clarendon, Vermont: Tuttle Publishing (Charles E. Tuttle Company); 1973. 233 p.
4. Murray HJR. *A history of chess*. Oxford: The Clarendon Press (Horace Hart M. A. Printed to University); 1913. 900 p.
5. Biruni Abu Reikhan. [India]. In: Biruni Abu Reikhan. *Izbrannye proizvedeniya. Tom. 2* [Selected works. Volume 2]. Tashkent: Fan; 1963. 727 p. Russian.
6. Ambartsumyan AA, translator. *Kniga o shakhmatak [Chatrang-Namag]* [A book about chess [Chatrang-Namag]]. [Internet]. 2000 [cited 2020 November 5]. Available from: <http://avesta.tripod.com/pehlev/Chatrang-namag.htm>. Russian.
7. Murray HJR. [How old chess game is? The antiquity of chess games] [Internet; cited 2020 November 9]. Available from: http://thaichess.narod.ru/index/naskolko_stara_shahmatnaja_igra/0-49. Russian.
8. Gizycki E. *S shahmatami cherez veka i strany. Nastol'nye igry* [With chess through centuries and countries. Table games] [Internet]. Warszawa: Sport & Tourism; 1970 [cited 2020 November 27]. 360 p. Available from: <http://table-games.ru/books/item/f00/s00/z0000009/index.shtml>. Russian.
9. Karpov AE, editor. *Shakhmaty: entsiklopedicheskii slovar'* [Chess: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990. 624 p. Russian.
10. Conway DJ. *Polnaya entsiklopediya mifologicheskikh sushchestv. Istoriya, proiskhozhdenie, magicheskie svoistva* [Complete encyclopedia of mythological creatures. History, origin, magical properties]. Saint Petersburg: Ves'; 2011. 457 p. Russian.
11. Bosworth CE. The titulature of the early Ghaznavids. *Oriens*. 1962;15:210–233. DOI: 10.2307/1579847.
12. Caldwell DH, Hall MA, Wilkinson CM. *The Lewis chessmen: Unmasked*. Edinburgh: National Museums of Scotland; 2014. 80 p.
13. Robinson J. *The Lewis chessmen (objects in focus)*. London: British Museum Press; 2004. 64 p.
14. Robinson J. [The Lewis island chess]. *ChessPro. Professional'no o shakhmatak* [Internet, cited 2020 November 17]. Available from: https://chesspro.ru/_events/2008/luis.html. Russian.
15. Arbman Kh. *Vikingi* [Vikings]. Saint Petersburg: Evraziya; 2006. 320 p. Russian.
16. Dogerti MDzh. *Mir vikingov. Povsednevnyaya zhizn' Detei Odina* [The world of the Vikings. Everyday life of the Children of Odin]. Moscow: Eksmo; 2015. 224 p. Russian.
17. Svanidze AA. *Vikingi – lyudi sagi: zhizn' i nrvy* [Vikings are people of saga: life and customs]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 800 p. Russian.
18. Narni A. *Korolevstvo vikingov* [Kingdom of the Vikings]. Moscow: RIPOL-classic; 2014. 256 p. Russian.
19. Chernaya LV. Skandinavskaya zhenshchina epokhi vikingov [Viking age Scandinavian woman]. *Tomsk State University Journal* [Internet]. 2005 [cited 2020 November 23];288:41–48. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/skandinavskaya-zhenshchina-epokhi-vikingov/viewer>. Russian.
20. Gubanov IB. Struktura drevneskandinavskogo obshchestva po materialam rodovykh sag [The structure of the Old Scandinavian society based on the family sagas]. In: Myl'nikov AS, editor. *Skandinavskie chteniya 1998 goda: etnograficheskie*

i kul'turno-istoricheskie aspekty [Scandinavian readings of 1998th: ethnographic and cultural-historical aspects]. Saint Petersburg: Nauka; 1999. p. 40–48. Russian.

21. Gurevich AY. *Pokhody vikingov* [Viking treks] [Internet]. Moscow: Nauka; 1966 [cited 2020 November 25]. 183 p. Available from: <http://ulfdalir.ru/literature/124>. Russian.

22. Bennett D. *Conquerors: the roots of new world horsemanship*. Solvang, California: Amigo Publications Inc.; 1998. 422 p.

23. Akunov VV. *Berserki. Voiny-medvedi drevnego Severa* [Berserkers. Warrior-bears of the ancient North]. Moscow: Veche; 2014. 320 p. Russian.

24. Polo de Beaulieu M-A. *Srednevekovaya Frantsiya* [Medieval France] [Internet]. Moscow: Veche; 2014 [cited 2020 March 31]. 384 p. Available from: <https://history.wikireading.ru/1115>. Russian.

25. Mortimer YaV. *Srednevekovaya Angliya. Putevoditel' puteshestvennika vo vremeni* [Medieval England. Time traveller's guide] [Internet]. Moscow: Eksmo; 2014 [cited 2020 November 16]. 336 p. Available from: http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#TOC_id20237493http://samlib.ru/m/maori/srednewekowxe.shtml#TOC_id20237493. Russian.

26. Staravojtava N, translator. [The Black island of Samsizhov (the tragicomic story about how the glorious and courtly knight Trischan rescued from captivity the great king Artyush, his best friend and mysterious knight Anzalot, as well as many other good knights of the Round Table)]. *Spadchyna*. 2003;4–5:102–104. Belarusian.

27. Mojeiko MA. Meanwhile, to South of the Loire: Southern French chivalrous ideal and the formation of courtesy. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:100–123. Russian.

28. Brunel-Lobrichon G, Duhamel-Amado C. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII vekov* [Everyday life during the troubadours' time of the 12th–13th centuries] [Internet]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003 [cited 2020 March 11]. 416 p. Co-published by the «Palimpsest». Available from: <https://coolib.com/b/228569/read> [https](https://coolib.com/b/228569/read). Russian.

29. Mojeiko MA. Phenomenon of Donna: the glamour and poverty of Fair Lady. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;3:120–138. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2020-3-120-138.

30. Levandovskii AP. [About Arthurian, the knights of the Round Table and simply the knights]. In: Pastoureau M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [Everyday life of France and England during the knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. p. 3–12. Russian.

31. Zharkov SV. *Rytsari: pervaya polnaya entsiklopediya* [Knights: the first complete encyclopedia] [Internet]. Moscow: Yauza; 2019 [cited 2020 November 14]. 624 p. Available from: <http://loveread.me/contents.php?id=64950>. Russian.

32. Ferguson AB. *Zolotaya osen' angliiskoi rytsarstvennosti. Issledovanie upadka i transformatsii rytsarskogo idealizma* [The golden autumn of English chivalry. A study of the decline and transformation of chivalrous idealism]. Saint Petersburg: Evraziya; 2004. 352 p. Russian.

33. Bec P. *Burlesque et obscénité chez les troubadours: pour une approche du contre-texte médiéval*. Paris: Stock; 1984. 247 p.

34. Grente G, Bossuat R, Pichard L, Raynaud de Lage G, Hasenor G, Zink M. *Dictionnaire des lettres françaises: le Moyen Âge*. Paris: Fayard; 1992. 1506 p.

35. Mussoi A. Playing with memory: The chessboard as mnemonic tool in medieval didactic literature. In: O'Sullivan DE, editor. *Chess in the Middle Ages and Early Modern age. A fundamental thought paradigm of the premodern world FMC (Fundamentals of Medieval and Early Modern culture)*. Boston: De Gruyter; 2012. p. 187–198.

36. Évrart de Conty. *Le livre des eschez amoureux moralizes*. Guichard-Tesson F, Roy B, compilateurs. Montréal: CERES; 1993. 828 p.

37. Évrart de Conty. Le livre des échecs amoureux moralisés [Internet]. *Accéder au site de la Bibliothèque nationale de France: Gallica* [cité 2020 novembre 23]. Disponible par: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8426258c>.

38. Giogoli K, Friedman JB, Robinet Testard, court illuminator: His manuscripts and his debt to the graphic arts. *Journal of the Early Book Society*. 2005;8:144–188.

39. O'Shea RL. *Queening: chess and women in Medieval and Renaissance France* [Internet]. 2010 [cited 2020 November 25]. 74 p. Available from: <https://scholarsarchive.byu.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://ru.wikipedia.org/&httpsredir=1&article=3415&context=etd>.

40. Duniho F. Shatranji. *Chessvariant* [Internet]. 2001 [cited 2020 November 27]. Available from: <https://www.chessvariants.com/difftaking.dir/shatranji.html>.

41. Knowlton R. Courier chess. *Chess collector* [Internet]. 2009 [cited 2020 November 19];XVIII;1:13–17. Available from: <http://courierchess.com/newsletter/CCI-Courier-Chess-Article.pdf>.

42. Bell R. *Entsiklopediya nastol'nykh igr narodov mira* [Encyclopedia of board games of the peoples of the world]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2001. 318 p. Russian.

43. Byway PV. Modern courier chess. *Variant chess* [Internet]. 1992 [cited 2020 November 15];1(8):102–103. Available from: <http://www.mayhematics.com/s/modco.htm>.

44. Luchitskaya S. Metafory srednevekovogo obshchestva: telo, zdanie, shakhmaty [Metaphors of medieval society: body, building, chess]. In: Zaionts LO, compiler. «*Na mezhe mezh Golosom i Ekhom*»: *sbornik statei v chest' T. V. Tsiv'yan* [«At the boundary between the Voice and the Echo»: a collection of articles in honor of T. V. Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. p. 269–275. Russian.

45. Ivanova N. [Chess design Selenus – moon chess]. *KADUN* [Internet]. 2015 [cited 2021 April 15]. Available from: <https://kadun.ru/prensa/dizajn-shahmat-selenus>. Russian.

46. Diem A. A Classicising friar at work: John of Wales' Breviloquium de virtutibus. In: Alasdair A, MacDonald AA, Zweder von Martels RVM, Veenstra JR, editors. *Christian humanism: essays in honour of Arjo Vanderjagt*. Leiden: Brill; 2009. p. 75–102.

47. Diem A. Virtus est via ad gloriam. John of Wales and Michele da Massa in disagreement. *Franciscan Studies*. 2005; 63:219–273.

48. Seifert J. Schach, Tod und Liebe Religiöse Deutungen und Analogien. *Schachgemeinschaft 1871 Löberitz: GENS UNA SUMUS* [Internet; zitiert 2020 November 11]. Erhältlich von: http://www.sg1871loeberitz.de/gesch_kolumne/seifert.htm.

49. Geijer E. Schacket, döden och Täby. *Schacksnack* [Internet; cited 2020 November 17]. Available from: <http://www.schacksnack.se/artiklar/82126>.

50. Σφήκας Ν. Ζωγραφικά έργα με θέμα το Σκάκι από τον δέκατο πέμπτο έως τον εικοστό αιώνα. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης; 2007. 298 σ.

51. Uspenskii P. [Chess study No. 3: The secret of a piece]. *LIVEJOURNAL* [Internet]. 2018 [cited 2020 November 21]. Available from: https://assalam786.livejournal.com/76459.html?utm_source=3userpost. Russian.

52. Villari P. *Dzhirolamo Savonarola i ego vremya. Tom 1* [Girolamo Savonarola and his time. Volume 1]. Saint Petersburg: Gryadushchii den'; 1913. 389 p. Co-published by the «Yakor'». Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.05.2021.
Received by editorial board 16.05.2021.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК [316.62:2-57](476)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК: АНАЛИЗ ПРАКТИК РЕЛИГИОЗНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. ШКУРОВА¹⁾, Т. В. БУРАК²⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь
²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается значение практик путешествия в структуре социальных связей религиозных субъектов в сфере вовлеченности в межконфессиональные отношения. Представлены результаты социологического исследования путешествий к святым местам в сочетании количественной и качественной методологий, анкетного опроса и семиотического анализа текстов. Качественный подход к изучению этого явления обеспечивает глубинную интерпретацию особенностей религиозных практик, однако их количественная репрезентация актуальна для определения общих тенденций в формировании стратегий религиозного поведения. Модель сочетания качественно-количественных методик исследования туристических практик обеспечивает возможности их комплексного анализа. Опыт проведенного социологического мониторинга показывает, как качественные данные исследования могут дополнять структурные характеристики религиозных путешествий (количественные показатели) особенностями субъективности таких путешествий. В ходе исследования установлено: 1) религиозное путешествие предполагает осуществление повседневных практик воспроизводства смыслов и участия в межкультурном взаимодействии, а также реализацию сакральных ритуалов; 2) заметное количество верующих Беларуси имеют опыт религиозного путешествия, но для

Образец цитирования:

Шкурова ЕВ, Бурак ТВ. Исследование повседневных практик: анализ практик религиозного путешествия в белорусском обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;2:80–88 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-80-88>

For citation:

Shkurova EV, Burak TV. Everyday practices research: the analysis of religious travel practices in Belarusian society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;2:80–88.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-80-88>

Авторы:

Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий отделом оперативных исследований.

Татьяна Викторовна Бурак – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Elena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; head of the department of operational research.

vogel_82@mail.ru

Tatsiana V. Burak, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

taburak@mail.ru

значительной части из них паломничество не является регулярной практикой; 3) в виртуальных вербальных текстах белорусов, вовлеченных в повседневную практику путешествия к святым местам, конструируется знаковая структура паломничества, образованная несколькими значениями слова «путь»: жизнь, духовный путь, поиск, познание, общение, единство, коллективные эмоции.

Ключевые слова: религиозное путешествие; повседневная практика; кросс-конфессиональная модель религиозности; репрезентация опыта паломничества; паломничество.

EVERYDAY PRACTICES RESEARCH: THE ANALYSIS OF RELIGIOUS TRAVEL PRACTICES IN BELARUSIAN SOCIETY

E. V. SHKUROVA^a, T. V. BURAK^b

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street,
2 building, Minsk 220072, Belarus*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: E. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

The article discusses the importance of travel practices in the structure of social relations between religious subjects in the field of involvement in interfaith relations. The results of a sociological study of travels to holy places are presented in a combination of quantitative and qualitative methodology, questionnaire survey and semiotic analysis of texts. A qualitative approach to the study of religiosity provides an in-depth interpretation of the religious practices peculiarities. However, the quantitative representation is relevant to identify general trends in the formation of strategies of religious behaviour. The model combinatig qualitative and quantitative methods of studying tourist practices provides the possibility of their complex analysis. The experience of carried out sociological research shows how qualitative research data can clearly complement the structural characteristics of religious travel (quantitative indicators) with the features of the subjectivity of such travel. The study found: 1) a religious journey involves the implementation of everyday practices of reproduction of meanings and participation in intercultural interaction, as well as the implementation of sacred rituals; 2) a notable number of the religious population in Belarus has experience of religious travel, but pilgrimage is not a regular practice for a significant part of them; 3) the iconic pilgrimage structure is constructed in the virtual verbal texts of Belarusians involved in the daily practice of travelling to holy places. It is formed by several components of the meaning of the «path»: life, the spiritual path, search, cognition, communication, unity, collective emotions.

Keywords: religious travel; everyday practice; cross-confessional model of religiosity; representations of pilgrimage experiences; pilgrimage.

Introduction

Belarusian religious environment has formed in the process of social changes related to the peculiarities of the statehood becoming. Its specificity is determined by the secular orientation of state-confessional relations and the multi-confessional nature of society. The religious sphere was restored after a period of forced secularisation, its confessional composition was differentiated, and the number of religious population increased significantly. At present, the indicators of the quantitative growth of the religious environment have stabilised; it is entering the phase of qualitative transformations.

The mechanisms for the development of religiosity today form a complex mosaic. This is largely due to the dominance of integrative processes: the spread of the symbols of mass Western culture to national cultures, the increasing importance of interactivity and visibility of public communications, the formation of a responsible and respectful, non-consumer attitude to

otherness, the erasing of the spatio-temporal boundaries of interpersonal interactions, and the preservation of intercultural differences. As a result, we are dealing with the fragmentation of modern everyday life, which is manifested, for example, in the increasing importance of «flexible» religious practices. This trend indicates the development of individually-oriented, non-standardised actions and interactions aimed at deep immersion, living through new experiences, the search for identity and a strong involvement in the process of direct interaction.

Religious practices can be defined as routine, ritual, repetitive actions aimed at the reproduction of sociocultural meanings in the process of direct interactions and due to them. On the one hand, religious practices characterise collective behaviour due to the normative structures of the institution of religion. On the other hand, they form an area of interpretations that endow the actual actors themselves with

social reality. The second dimension is the subjectivity of social space, reproducing the understanding of the relationship of everyday and transcendental worlds. It is the everyday life of religious experience that forms the ability of religious consciousness to respond to social changes.

The semantic structures of everyday life reveal themselves in the sphere of social relations of religious subjects, in the sphere of involvement in interfaith relations. One of the sides of the intersection of religion

and everyday life today is travel. An analysis of the everyday forms of religious travel will reveal the significance of religious practices, forming complex combinations of public and private, festive and everyday, secular and religious, spiritual and commercialised in modern everyday life.

The described features of the religious field naturally actualise the question of finding explanatory mechanisms that allow them to be taken into account when building research strategies.

Research methodology

The methodological basis of the research is formed by the unity of qualitative and quantitative approaches, which provides the possibility of interpreting religiosity as a multi-dimensional phenomenon that functions at the level of the institutional structure and also manifests itself in everyday practice. The conceptualisation of the phenomenon of religiosity began within the framework of religious studies, as well as sociology, psychology and anthropology of religion, from about the 1920s. The scale, multi-dimensionality and multi-functionality of this category led to the formation of a number of approaches to the interpretation and operationalisation of the categories of religion and religiosity. The far from exhaustive list of variations includes the following concepts: civil religion¹, pseudo-religion², invisible religion³, public religion⁴, religious supermarket⁵, religious bricolage⁶, cognitive religion (in conscious)⁷, hyper-real religion⁸, political religion⁹.

Methodological guidelines for a qualitative study of the internal structure of religious travel are sociological theories of everyday life, based on the starting points of phenomenology, ethnomethodology, structuralism, theories of speech act and symbolic interactionism.

Theories of practices by P. Bourdieu¹⁰, H. Sacks and H. Garfinkel¹¹, the theory of frames by E. Goffmann¹², the theory of speech behaviour by R. Barthes¹³ and the semiotic analysis of U. Eco¹⁴, the theory of visual methods by P. Sztompka¹⁵ justify the understanding of religious travel as a practice of everyday interaction, realised at the level of individual behaviour and participation and carried out through the traveller's interpretation of his experience of living and residences. This approach is presented in several areas of modern sociological research, justifying the need to study the traveller's understanding of religious practice:

- the study of travel as a way of interacting with one's or someone else's is based on the methodological premises of S. Simmel¹⁶ and A. Schütz¹⁷, who argued that differences in the code system mark the boundaries of interaction between my and someone else's everyday life. The work of the French semiotics T. Todorov¹⁸, who interpreted the journey as a way to discover the Alien, different depending on the type of traveller, is devoted to the significance of the search for something new for oneself in the differences «friend or foe»¹⁹;

¹Bellah R., Hammond P. Varieties of civil religion. N. Y. : Harper and Row, 1980. 208 p.

²Wach J. Sociology of religion. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1944. 412 p.

³Luckmann T. The invisible religion: the problem of religion in modern society. N. Y. : Macmillan, 1967. 128 p.

⁴Casanova J. Public religions in the modern world. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1994. 330 p.

⁵Mathews G. Global culture / individual identity: searching for home in the cultural supermarket. London ; N. Y. : Routledge, 2000. 240 p.

⁶Hervieu-Leger D. Individualism, the validation of faith, and the social nature of religion in modernity // The Blackwell companion to sociology of religion / ed. R. K. Fenn. Hoboken : Blackwell Publ., 2003. P. 161–175.

⁷Sørensen J. Religion in mind: a review article of the cognitive science of religion // Numen. 2005. Vol. 52, No. 4. P. 465–494.

⁸Possamai A. Religion and popular culture: a hyper-real testament. Brussels : P. I. E.-Peter Lang., 2005. 176 p.

⁹Stowers S. The concepts of 'religion', 'political religion' and the study of Nazism // J. Contemp. Hist. 2007. Vol. 42, No. 1. P. 9–24.

¹⁰Бурдьё П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М. : Праксис, 2014. 456 с.

¹¹Sacks H., Garfinkel H. On formal structures of practical action // Ethnomethodological studies of work / ed. by H. Garfinkel. London : Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 158–189 ; Garfinkel H. Seeing sociologically: the routine grounds of social action. [S. l.] : Routledge, 2005. 256 p.

¹²Goffman E. Frame analysis: an essay on the organisation of experience. N. Y. : Harper and Row, 1974. 568 p.

¹³Barthes R. Camera Lucida: reflections on photography. N. Y. : Hill and Wang, 1981. 119 p.

¹⁴Эко У. Отсутствующая структура. М. : АСТ, 2019. 704 с.

¹⁵Sztompka P. Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2017. 150 s.

¹⁶Simmel G. Exkurs über den Fremden // G. Simmel. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Berlin : Duncker and Humblot, 1908. S. 509–512 [Elektronische Ressource]. URL: <https://userpages.uni-koblenz.de/~luetjen/sose14/sifre.pdf> (Datum der Bewerbung: 03.02.2019).

¹⁷Schütz A. Der Fremde, ein sozialpsychologischer Versuch // Gesammelte Aufsätze. Bd. 2: Studien zur soziologischen Theorie / Hg. A. Schütz. Haag : Springer, 1972. S. 53–69.

¹⁸Todorov T. Podbój Ameryki: problem innego. Warszawa : Fundacja Aletheia, 1996. 197 s.

¹⁹Podemski K. Socjologia podróży. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2004. 366 s.

- the study of travel as a way to search for identity is based on the theoretical approaches of Cohen²⁰ and Turner²¹. The substantiation of a new type of modern traveller was dealt with by Z. Bauman²² and Z. Urry²³, who believed that several figures intersect in the world due to the nature of the relationship of a modern traveller with it. There are a tramp and a flannere symbolise freedom of movement, a tourist means comfortable consumption, a player means willingness to take risks;

- the study of travel as an intercultural communication in which the usual everyday interactions take place in an unusual social context. Travel is considered in the relationships between everyday worlds, between perceptions of the same situations at the same time as «familiar» (visible and unnoticed) and unusual (surprising and considered) in studies of photographs by P. Bourdieu and L. Boltanski²⁴.

Various aspects of everyday practices (V. Vakhstein; V. Volkov and O. Harkhordin; V. Ilyin; D. Ivanov and others), new forms of interaction in tourism (O. Lysikova), tourist practice of consumption (T. Chernyaeva) and maintenance of social differences (A. Fenko), spatial patterns of travel (D. Zamyatin) are studied in Russian sociology. The research interest of Belarusian sociologists is focused on the issue of the meanings of individual everyday practices (M. Berezetskaya; E. Lebedeva). Religious travels are mainly analysed from the perspective of management and marketing of tourist services carried out in the context of globalisation processes, and from the point of view of the history of the development of tourism and travel. Everyday travel is studied in the works of M. Więckowski²⁵, K. Podemski²⁶ and others in Polish sociology. The development of a methodology for researching tourism trends was facilitated by the work of German sociologists Z. Krippendorf²⁷ and H. Müller²⁸.

The quantitative research model is based on sociological strategies for understanding religiosity as a multi-dimensional phenomenon that developed by the 1960s. In religious studies under the influence of anthropology, psychology and sociology of religion. Their conceptual basis is the consideration of religiosity in the diversity of its forms, which manifests itself not only from one denomination to another, but also within each religion, and even within each of its directions from follower to follower. The following approaches turned out to be the most common in Western religious studies in the second half of the 20th century: the idea of searching for the mechanisms of religious systems influencing on the social environment, taking into account the uniqueness of each individual religious choice, in the anthropology of religion by C. Geertz²⁹, T. Asad³⁰; the dichotomous model *religion as a means – religion as a goal* in psychology and sociology of religion by G. Allport³¹; the multi-dimensional model of religiosity in the sociology of religion by C. Glock and R. Stark³², Z. Faulkner and G. Dejong³³.

Models of interpreting religiosity as a system of measurements, ranging from two to ten are popularised by the 1980s. Aspects of these measurements are manifested in different religious traditions and are comparable among themselves. The most complete version of the experience in developing research tools (questionnaires) based on multi-dimensional models is presented in the collection «Measures of religiosity»³⁴. The standardisation of religious study models was carried out in the framework of large-scale European and international values research programs – European Values Study³⁵, World Values Survey³⁶, European Social Survey³⁷, International Social Survey Program³⁸. A feature of the models was the ability to compare the characteristics of religiosity in a number of European states, including in the post-Soviet space.

²⁰Cohen E. Towards a sociology of international tourism // Soc. Res. 1972. Vol. 39. P. 164–182.

²¹Turner V. The center out there: Pilgrim's goal // Hist. Relig. 1973. Vol. 12, No. 3. P. 191–230.

²²Бауман З. От паломника к туристу // Социол. журн. 1995. № 4. С. 134.

²³Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: современные западные исследования / отв. ред. В. В. Зверева. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. С. 136–150.

²⁴Бурдьё П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М. : Праксис, 2014. 456 с.

²⁵Więckowski M. Przestrzeń turystyczna – próba nowego spojrzenia // Turyzm. 2014. T. 24, No. 1. S. 17–24.

²⁶Podemski K. Socjologia podróży. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2004. 366 s.

²⁷Krippendorf J., Kramer B., Müller H. Freizeit und Tourismus. Eine Einführung in Theorie und Politik (Berner Studien zu Freizeit und Tourismus, überarbeitete Neuauflage als Heft 28). Bern : Forschungsinst. für Fremdenverk. der Univ. Bern, 1986. 212 S.

²⁸Müller H. Freizeit und Tourismus: eine Einführung in Theorie und Politik (Berner Studien zu Freizeit und Tourismus). Bern : Univ. Bern Center for Reg. Econ. Dev. (CRED), 2005. 302 p.

²⁹Geertz C. Religion as a cultural system // The interpretation of cultures: selected essays. N. Y. : Basic Books, 1973. P. 87–125.

³⁰Asad T. Genealogies of religion: discipline and reasons of power in Christianity and Islam. Baltimore; London : Johns Hopkins Univ. Press, 1993. 344 p.

³¹Allport G. W. The individual and his religion: a psychological interpretation. N. Y. : Macmillan Co., 1960. 142 p. ; Allport G. W. The nature of prejudice. 25th ed. London ; Amsterdam : Addison-Wesley Publ. Co., 1979. 537 p.

³²Glock C., Stark R. Religion and society in tension. Chicago : Rand Mc. Nally & Co., 1965. 316 p.

³³Faulkner J., DeJong G. Religiosity in 5-D: an empirical analysis // Soc. Forces. 1966. Vol. 45. P. 246–254.

³⁴Hill P., Hood Jr. R. Measures of religiosity. 1st ed. Birmingham : Religious Education Press, 1999. 531 p.

³⁵European VALUES Study (EVS) [Electronic resource]. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (date of access: 24.02.2020).

³⁶World Values Survey: all rounds-country-pooled datafile version [Electronic resource] / eds. R. Inglehart [et al.]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp/> (date of access: 24.02.2020).

³⁷European Social Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (date of access: 24.02.2020).

³⁸International Social Survey Program [Electronic resource]. URL: <http://www.issp.org/> (date of access: 24.02.2020).

Russian and Belarusian studies in the post-Soviet space became widespread in the same tradition. The following projects can be noted among the most ambitious Russian studies of religiosity: D. Furman, S. Filatov, R. Lunkin, L. Vorontsova, M. Tarusin, V. Chesnokova, Y. Sinelina, etc. In Belarus, the development and implementation of such projects were carried out by the employees of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus and the Centre for Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, and primarily, L. Novikova, S. Morozova and others.

The qualitative research, presented in this publication, assumed the analysis of verbal narratives about the religious experience posted on Internet forums: two of them are the sites of religious pilgrims of Belarus PILIGRYMKA.BY (<https://piligrymka.by>) and Ioannov Rodnik (<https://www.palomnik.by>), forum of independent travellers (forum of the site Globus of Belarus, <https://fgb.by>). Generally, 51 representations of pilgrimage experiences and 3 texts about self-organised travel were analysed.

The quantitative research strategy is based on a multi-dimensional cross-confessional model of religiosity [1]. Religion in the framework of this model is understood as a two-aspect phenomenon, including religious experience (internal, latent aspect) and a system of articulation and transfer of experience (external, measurable aspect). This system is formed by a set of inalienable and not reducible to each other dimensions that form a unity of religious beliefs (express the transcendent idea of religion), activity (performs the principles and methods of embodying the idea), institutions (organise the followers of an idea into societies). Religiosity presumes the involvement into each dimension of religion. And it can have a differ-

ent degree, forming religious traditions, offshoots (directions, or confessions), movements and amorphous environments, in different religious systems. Such an extremely broad approach to the interpretation of religiosity allows one to take into account various aspects of the content of the religious system. And understanding it as a multi-dimensional phenomenon makes the characteristics of religious involvement comparable for different religious denominations and their followers.

The model is represented by a set of measurements, corresponding indices and variables that characterise aspects of involvement in religion. Despite the fact that the values of all indices serve to identify the integral characteristics of religiosity, their universality makes it possible to separately represent several positions within the model. The study of religiosity is often associated with the study of forms of religious activity. The nature of the performance of religious actions is mainly considered as such: individual (prayer, meditation, etc.) and collective (participation in various types of religious services). The measurement of involvement in the system of religious activity, as one of the key for the study of religiosity, includes in the presented model a wider set [2] than only indicators of individual and religious activity [3]. In particular, we are talking about a composite index of compliance with the norms of religious piety, which is revealed in a whole set of forms of religious activity, one of which is the experience of travelling to holy places. Its peculiarity lies in the fact that, being the norm of religious precepts, it is not strictly regulated and manifests itself first of all in everyday practices, forming the basis of the individual experience of inclusion in the religious system.

Travel as a form of religious practice

Pilgrimage travels of representatives of various religions at the beginning of the 21st century are becoming a mass phenomenon that affects all spheres of social life. This justifies the need to study pilgrimage as a socio-cultural practice to understand the significance of the trend in the spread of mass forms of religious travel.

We will distinguish between two forms of religious travel:

a) a journey involving visiting holy places and sacred objects, in addition to other cultural objects, in the general sequence of acquaintance with various cultural objects – secular religious tourism;

b) a journey to sacred objects organised by a religious community (organisation, group) and based on the traveller's stable ties with the institution of religion – a religious pilgrimage.

Religious tourism is carried out in the form of an organised mass and individual tourist trip or an independently organised trip and is characterised:

- by the perception of sacred objects in the structure of the settlement and understanding of their significance as part of the culture;
- cognitive purposes of travel (acquaintance with the history of confession, religion); general motivation for the search for a new cultural experience, which is characteristic of any type of travel to one degree or another;
- an organisation according to the laws of the tourism industry (travel is a tourist service intended for consumption, travel as an offered product, as entertainment);
- weak connection with the institution of religion (this is a secular journey, of which religious practice can be part, but it is not required);
- the desire to keep cultural distance without trying to live a different life [4].

Religious pilgrimage is a type of travel that is carried out with the spiritual purpose of visiting holy places and objects, characterised by an increase in

sacred character as one approaches the object of worship. The special features of pilgrimage trips are as follows:

- the main goals of the trip are visiting a sacred site, including certain practices of missionary work, preaching, and prayer worship;
- integration into the institution of religion, conscious participation in practices;
- travel is prepared by a religious community (organisation, group) or independently;
- the journey begins and ends with religious practice;
- search for a new experience by approaching the spiritual centre, «the centre of one's religion» [4].

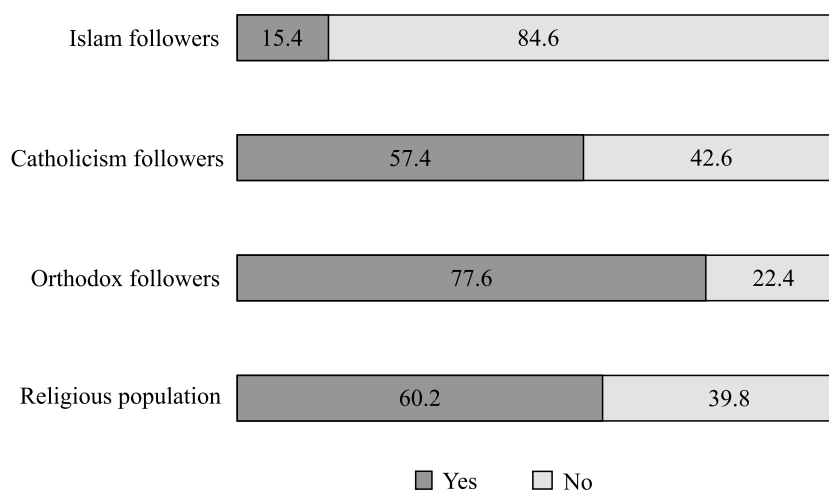
At the same time, it should be borne in mind that any type of travel involving religious motivation is implemented in the form of practices of action and interaction. These everyday practices have common features. First, they are always carried out in the pro-

cess of moving to another country or to another locality, without commercial purposes, in order to visit historical and cultural places and objects related to religious cults, divine events and stories, the life and death of saints. Secondly, religious travel is based on the direct participation and strong involvement of the traveller in the ritual practice of reproducing intercultural interaction in the sequential transition of the typical stages of travel. Thirdly, the main sacred rituals are prayers, «worship» and veneration of religious relics, reverence, humility and humility before God. Travel itself as a daily practice is realised in the rituals of transition, movement, the formation of the status of a traveller. Fourthly, the form of interaction with a sacred object is perceived as a way of a person's relationship with the world. And finally, the content of the daily practice of religious travel is a system of cultural codes containing sacred meanings.

Analysis of the results of a quantitative study of everyday travel practices to holy places

The empirical basis of the study is a questionnaire survey conducted in all regions of Belarus. As a result, 2723 respondents were interviewed, of which 2013 were representatives of the traditional dominant confessions (Orthodoxy, Catholicism), 710 were of other confessions (the selection was carried out according to the number of registered religious organisations in each of the regions). The practice of religious behaviour within the framework of a multi-dimensional model of religiosity

is one of the forms of behaviour that characterise religious piety. The universality of the indicator allows us to compare the features of the behavioural strategies of followers of different confessions, in this case, the main confessions for Belarus (Orthodoxy, Catholicism and Islam). The respondents are not very active. Two-thirds of the religious population, 77.6 % of followers of Orthodoxy, 57.4 % of Catholicism, and only 15.4 % of Muslims have travel experience (see figure).

Distribution of respondents' answers to the question: «Have you ever travelled to holy places?», %

A little more than 40 % of the religious population and Catholicism followers, about a third of the Orthodoxy followers and only 13.3 % of Muslims were able to determine the regularity of travel. In addition, for the majority of those who answered the question, this practice is not permanent. About two-thirds of the religious population travel to holy places on occasion, and a third – regularly. Travels of Orthodoxy followers are less frequent: more

than 70 % according to circumstances, about a quarter – regularly; slightly more Catholics: more than half – regularly, 45.2 % due to circumstances. The lowest frequency is characterised by the travel of Islam followers: 18.8 % of the respondents, from the small part who answered the question, travel regularly, more than a half – according to circumstances, and about a quarter stressed that they have no such experience (table 1).

The respondents were asked about their exact location to clarify the actual purpose of visiting the holy places. The answers were assessed according to the degree of specificity and meaningfulness of the information provided, as well as the geographical and financial accessibility of the reported places for Belarusian respondents on average. The more accurate the information about the place of travel, the more accessible it is geographically and financially, the more likely it was a pilgrimage rather than a tourist destination. In addition, within the framework of the research model, first of all, the indicator of a specific place reflects the highest degree of religious involvement in this measure (table 2).

Even fewer respondents could define specific places to visit: 45.2 % of the religious population, 57.4 % of Orthodox Christians, 47.0 % of Catholics and 11.7 % of Muslims. The distribution of respondents answers to the question significantly depends on the religious tradition. In general, a significant number of answers contain an indication of a specific (24.9 % of the number of choices of the answer option) and accessible (33.1 % – Belarus, 17.2 % – Russia, Ukraine) place. Regarding the

respondents who indicated both specific and accessible places, it can be assumed that they are travelling with a religious purpose. A similar trend is characteristic of the followers of Orthodoxy: the majority indicated specific (35.6 %) and accessible (29.6 % – Belarus, 23.3 % – Russia, Ukraine) places (table 2).

None of them indicated a visit to the Islamic world. Among the followers of Catholicism, the number of those respondents who identified specific shrines is minimal, about half of the respondents travelled to accessible places (Belarus), about a third visited holy places in Eastern and Western Europe. Among the small number of Islam followers who answered the question, half travelled to the Middle East (to the Islamic world), 18.8 % visited holy places in Belarus, 12.5 % – specific shrines. Thus, the practice of travelling to holy places has a confessional specificity and is not a normative form of religious behaviour, it is carried out mainly situationally and at the same time is embedded in the structure of everyday activities. This raises the question of finding qualitative parameters for studying the practices of religious tourism.

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question: «How often do you travel to holy places?», %

Respondents' answers	Religious population		Orthodox followers		Catholicism followers		Islam followers	
Regularly	15.2*	32.5**	15.1*	25.1**	24.1*	52.6**	2.5*	18.8**
Due to circumstances	30.2*	64.8**	44.1*	73.4**	20.9*	45.6**	7.5*	56.3**
My religion doesn't require it	0.2*	0.4**	0.0*	0.0**	0.1*	0.3**	0.0*	0.0**
Never	1.1*	2.4**	0.9*	1.4**	0.7*	1.5**	3.3*	25.0**
<i>Total</i>	<i>46.7*</i>	<i>100.0**</i>	<i>60.1*</i>	<i>100.0**</i>	<i>45.8*</i>	<i>100.0**</i>	<i>13.3*</i>	<i>100.0**</i>

Note. * – of the total number of respondents; ** – of those who answered the question.

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question: «What holy places did you visit?», % of the number of answers

Respondents' answers	Religious population	Orthodox followers	Catholicism followers	Islam followers
Pointing to certain (specific) shrines	24.9	35.6	2.6	12.5
Belarus	33.1	29.6	47.5	18.8
Russia, Ukraine	17.2	23.3	6.7	0.0
Eastern Europe	7.6	1.6	22.8	0.0
Western Europe	5.1	2.0	11.8	0.0
Middle East-Islamic world	0.8	0.0	1.1	50.0
Middle East-Judaism	5.7	4.0	2.4	0.0
Asia (Turkey, India, Nepal, others)	1.0	0.3	0.2	0.0
Other	4.6	3.5	4.9	18.8
<i>Total</i>	<i>100.0</i>	<i>100.0</i>	<i>100.0</i>	<i>100.0</i>

Interpretation of a journey to sacred objects in the public space of communications

Verbal representations of a religious pilgrimage are a complete construct in which the author (traveller) encodes his own understanding of what is happening (experience and travel) using various sign systems. The main content of the interpretational structure in the texts under consideration is formed by a verbal image expressed in meanings. And the method of structural analysis of representations of religious travel makes it possible to identify the components of understanding pilgrimage from the point of view of the traveller himself. This means that it opens up the prospect of answering the question of how the structure of signs of the daily practice of pilgrimage organises the subjectivity of travel.

Travel is defined by the authors of verbal texts as a *path* (*flight, road, life*), which means moving towards a goal, overcoming difficulties and constant search. And the structure of understanding the daily practice of modern pilgrimage to holy places in the interpretation of travellers who have experience of such a journey includes the following codes and formulas for understanding the path:

a) pilgrimage is a journey of life. This sign system of the verbal image contains the meanings of spiritual search, enrichment and testing («this is a road that does not tire», «the path to the Heavenly City») for a lifetime («we are all pilgrims of our life»). A journey to holy places is understood, obviously, not only as a path of physical and geographical travel, but also as a familiar path (like a road to a church near a house, like life itself);

b) pilgrimage is the spiritual path to God. The verbal representation of a religious journey contains linguistic forms of expression of meaning: paths to peace of mind («pilgrimage is a desert in which you learn to be different, to be better», «this journey is simply necessary for the soul, this is its rest and work at the same time»); ways to a relationship with God (to get closer to God, to communicate with him, to touch, «the opportunity to open my heart for Him», «God gives us the opportunity not only to contemplate and enjoy all that is beautiful, but also asks to get closer to Him in order to acquire that transformational energy that will allow us to chant and praise God in His creations»);

c) pilgrimage journey as a search. The concept of «search» has a spiritual character and consists, in the

understanding of travellers, of several significant elements: the search for God («the caress of God», «all together are looking for the One whom they lose in everyday life», the search for relations between man and God, the love of the Creator); the search for feelings and meanings (like the search for new meanings, answers to questions, the search for faith, happiness, the search for oneself, love for the world, «travel is an unusual feeling of a guaranteed life»);

d) religious travel as knowledge. The semantic structure of travel interpretation contains the meanings of the cognitive process. The goals of the journey to holy places are determined in the categories of understanding oneself and the world: «to put things in order in the head and heart», «this is a time of reflection and new discoveries», «cognition of the reason and meaning of one's existence». To substantiate the motivation of travel, the authors of representations use the concepts: «self-knowledge», «self-determination», «understand», «cognise», «with open eyes».

e) pilgrimage as communication is perceived as a journey not alone, but in community, together. This is an opportunity to meet new people, find new relationships, exchange experiences;

f) religious pilgrimage as a practice of unity and transmission of cultural experience. The presentation of the trip is organised by a symbolic structure, which consists of the meaning of «we» and its elements: spiritual unity with all people, regardless of confession («I feel like a particle of something big, light, powerful, because when we are together, there is no can defeat us») and integration («unite your heart with others», «I always wanted to show it to someone else», «the pilgrims bring culture to the earthly world»);

g) travel as an experience. It consists of emotionally coloured meanings that express feelings, impressions and state of mind, felt and lived by travellers, and also expresses the depth and fullness of collectively shared emotions associated with co-presence in events and situations: «You need to feel this, feel at least once and experience all that what the pilgrims are experiencing», «A feeling of lightness, even weightlessness», «The heart is overwhelmed with a sense of calmness, joy and trust in God».

Conclusion

The study shows that stable religious norms that support traditional models of interpretation of beliefs and religious texts coexist and enter into complex relationships with religious experience, corresponding to the needs of modern identity and the fluid structures of everyday life. This is reflected, among other things, in the proximity of two forms of religious travel practices – secular (religious tourism) and sacred (religious pilgrimage). An approach that allows analysing the varia-

bility of religiosity opens up opportunities for modelling the processes of transforming religious practices in the context of the formation of new matrices of everyday life.

A high level of involvement in the practice of religious travel, measured through the signs of regularity of implementation and the dominance of the pilgrimage goal, is characteristic of a third of the religious population in Belarus. Practitioners of everyday experience on a religious journey produce and reproduce sacred

signs that convey an understanding of pilgrimage as a path. In the interpretations of Belarusian travellers, the everyday life of pilgrimage means for them the path of the human life world, the integrity of the content

of which is determined by the movement towards life, towards God, towards search and knowledge, towards communication and unity, towards living and experiencing spiritual experience.

Библиографические ссылки

1. Карасева СГ, Шкурова ЕВ. Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация. *Социология*. 2012;3:123–133.
2. Карасева СГ, Шкурова ЕВ, Шатравский СИ. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:103–110.
3. Карасева СГ, Шкурова ЕВ. Особенности индивидуальных и коллективных религиозных действий как характеристики степени религиозной активности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:67–75.
4. Вайткун А. Личное дело: паломничество или религиозный туризм? TUT.BY [интернет]. 30 апреля 2019 г. [протитировано 1 мая 2019 г.]. Доступно по: <https://news.tut.by/summer/167743.html?crnd=32298>.

References

1. Karaseva SG, Shkurova EV. Multidimensional cross-confessional approach to the study of religiosity in Belarus: relevance and conceptualisation. *Sotsiologiya*. 2012;3:123–133. Russian.
2. Karassyova SG, Shkurova EV, Shatrauski SI. Involvement in religion as a vital value: study of the religious population in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;2:103–110. Russian.
3. Karassyova SG, Shkurova EV. Features of individual and collective religious actions as characteristics of the degree of religious activity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:67–75. Russian.
4. Vaitkun A. [Personal file: Pilgrimage or religious tourism?]. TUT.BY [Internet]. 2010 April 30 [cited 2019 May 1]. Available from: <https://news.tut.by/summer/167743.html?crnd=32298>. Russian.

Received by editorial board 02.04.2021.

УДК 316.752

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ В ОТРАЖЕНИИ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА І СЯЛЯНКА»)

Е. К. АРТЁМЕНКО-МЕЛЪЯНЦОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается изменение семейных ценностей в Беларуси на примере материалов журнала «Работница і сялянка» с 1960-х по 2010-е гг. Проанализированы тематическое распределение публикаций, характеристики героинь, декларируемые журналом женские обязанности и представление темы брака и семьи на уровне риторики. Показано, что в отражении материалов журнала после 1990-х гг. повышается роль семьи и брака, трудовые роли и обязанности женщины дополняются необходимостью проявлять искусность в быту, поддерживать красоту и привлекательность, что соответствует тенденциям традиционализации ценностей, выявленных по данным опросов; при этом нормализуются такие изменения в структуре семьи, как повышение разводимости и снижение количества детей.

Ключевые слова: семья; брак; ценности; гендерные роли; Беларусь; СМИ; трансформация.

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES OF BELARUSIANS IN THE REFLECTION OF THE MEDIA (THE EXAMPLE OF THE MAGAZINE «RABOTNICA I SJALJANKA»)

A. K. ARTSIOMENKA-MELYANTSOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the change in family values in Belarus as reflected in the materials of the magazine «Rabotnica i sjaljanka» from the 1960s to the 2010s. Based on the analysis of the thematic distribution of publications, the characteristics of the heroines, the female duties declared by the magazine and the presentation of the topic of marriage and family at the level of rhetoric, the following conclusions are drawn. In reflecting the materials of the magazine after the 1990s, the role of family and marriage is increasing, the professional roles and responsibilities of a woman are supplemented by the need to show skill in everyday life, to maintain beauty and attractiveness, which corresponds to the tendencies of traditionalisation of values according to survey data. At the same time, the increase in divorce rates and a decrease in the number of children in the family are normalised.

Keywords: family; marriage; values; gender roles; Belarus; media; transformation.

Образец цитирования:

Артёмченко-Мельянцова ЕК. Трансформация семейных ценностей белорусов в отражении СМИ (на примере журнала «Работница і сялянка»). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;2: 89–97.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-89-97>

For citation:

Artsiomenka-Melyantsova AK. Transformation of family values of Belarusians in the reflection of the media (the example of the magazine «Rabotnica i sjaljanka»). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2021;2: 89–97. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-89-97>

Автор:

Елена Константиновна Артёмченко-Мельянцова – старший преподаватель кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Alena K. Artsiomenka-Melyantsova, senior lecturer at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
lana.artsiomenka@gmail.com

Введение

В современном мире социальные институты претерпевают значительные изменения. Эти трансформации не могут не затрагивать белорусское общество, в том числе институт семьи. Основные показатели, важные с точки зрения институциональных изменений (рождаемость, устойчивость семьи), существенно менялись на протяжении второй половины XX в. Суммарный коэффициент рождаемости в белорусской семье снизился с 2,8 в 1960 г. до 1,4–1,7 в 2010-х гг., а коэффициент раз-

водимости, составлявший в 1960 г. 0,7 развода на 1 тыс. человек населения, в 2000-х и 2010-х гг. стал превышать показатель, равный 4 разводам на 1 тыс. человек населения¹. Изменение института семьи нельзя рассматривать в отрыве от трансформации семейных ценностей. Средства массовой информации могут быть одним из источников сведений о доминирующих семейных ценностях в обществе, а также о позиции государственных органов в отношении семейной проблематики.

Материалы и методы исследования

Первые масштабные социологические исследования ценностей в обществе продемонстрировали их способность изменяться во времени. К таким проектам можно отнести исследование М. Рокича, две волны которого (1968 и 1971 гг.) показали, что ценности могут трансформироваться даже на протяжении относительно короткого периода времени. Если говорить об американском обществе в целом, за три года исследователям удалось зафиксировать определенные статистически значимые трансформации в позициях 25 ценностей из 36. Например, с 1968 по 1971 г. для американского общества снизилась значимость ценности «безопасность семьи» (в первую очередь для женщин) и повысилась значимость ценности «зрелая любовь» [1, р. 135].

После исследований М. Рокича вопросы трансформации ценностей во времени продолжают изучаться в рамках лонгитюдных социологических проектов. Изменениям систем ценностей на глобальном уровне посвящены работы Р. Инглхарта на основании данных проектов «Всемирное исследование ценностей» (*World Values Survey*) и «Исследование европейских ценностей» (*European Values Study*), проводящихся с 1981 г. в более чем 100 странах мира. Сравнительный анализ изменения ценностей в разных странах позволил Р. Инглхарту и его коллегам сделать вывод о том, что изменение ценностей во всем мире подчинено общим закономерностям и происходит по двум ключевым направлениям: 1) движение от традиционных ценностей (безусловное уважение семьи, национальных традиций, родителей, официальной власти, религиозность) к секулярно-рациональным (личная автономия, независимость от авторитетов); 2) движение от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Первое направление тесно связано с ослаблением традиционных ценностей (прежде всего значимости семьи как социального института), второе сопряжено с повышением гендерного равенства [2, р. 11].

Анализ данных проекта «Всемирное исследование ценностей» позволил экспертам также сделать

выводы о механизмах ценностных трансформаций. Так, Р. Инглхарт описывает, как представления о норме, отражаемые в том числе в СМИ, оказывают влияние на динамику ценностей в общественном сознании. В трансформации ценностей можно различить процесс медленного и быстрого изменения. Базовые ценности изменяются медленно в процессе замещения одного поколения другим. Однако преобладание того или иного ценностного образца со временем может вызвать эффект масштаба, когда, постепенно становясь ценностями преобладающего количества людей, новые ценностные образцы начинают быстро охватывать все социальные группы через такие каналы, как образование и СМИ. «Конкретные когорты могут стать куда более терпимыми к новым социальным нормам благодаря распространению соответствующих ценностей через образование и средства массовой информации, которые стали освещать эти нормы в куда более выгодном свете, чем несколько десятилетий назад» [3, с. 48]. Именно поэтому мы обращаемся к оценке содержания СМИ, где могут отражаться представления о семье, преобладающие в обществе в конкретный период.

Объектом нашего анализа стал журнал «Работница і сялянка» (с 1994 г. называется «Алеся»), большая часть материалов которого имеют биографический характер и представляют героинь в том числе с точки зрения их семейного положения. Также в материалах журнала представлено видение редакции относительно того, как женщина должна себя вести в семейных взаимоотношениях, какие функции выполнять и как соотносятся ее семейные и профессиональные роли. Тематическое распределение материалов в целом может продемонстрировать, насколько в представлении редакции важна семейная проблематика и как она менялась со временем. Выбор журнала продиктован тем, что он позволяет проследить эволюцию представлений о семье во второй половине XX – начале XXI в. на сопоставимых данных, а также тем, что, будучи

¹Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 429 с.

изданием сначала ЦК КП Белоруссии, а потом Министерства информации Республики Беларусь и ОО «Белорусский союз женщин», позволяет оценить видение семьи с позиции государственных органов.

Единицей анализа были выбраны публикации в журнале за 1961–2020 гг. Материалы отбирались по принципу двуступенчатой выборочной совокупности: на первом этапе случайным образом для каждого десятилетия отбирались пять номеров журнала, на втором анализировались все публикации выбранных номеров. Сплошной анализ материалов одного номера журнала позволил включить в рассмотрение все рубрики, таким образом мы максимально охватили тематическое распределение.

Количество отбираемых номеров определялось исходя из целевого размера подвыборки публикаций – от 90 публикаций для одного десятилетия, с тем, чтобы предельная ошибка выборки с вероятностью 95 % не превысила 10 %. С учетом того что среднее количество редакционных публикаций – 23, пять номеров для каждого десятилетия позволили обеспечить целевой размер подвыборки. В связи с колебанием количества публикаций в номерах размер подвыборки для одного десятилетия составил от 94 до 137 номеров, общий объем выборки достиг 665 публикаций. Данное количество публикаций дает возможность сравнивать показатели десятилетий, однако не позволяет делать выводы о динамике по годам, что не входило в задачи настоящего исследования. Помимо количественного анализа структурированных характеристик публикаций и представляемых в них героинь, дано описание редакционных риторик о разных сторонах семейных отношений. При рассмотрении представленных риторик мы использовали подход британских исследователей коммуникации Дж. Поттера и М. Уэзерелл к анализу дискурса в интерпретации Р. Джилл. В качестве одной из техник анализа исследователи рассматривают перечисление функций дискурса, т. е. риторик, которые реализуются посредством текста. Текстовые сообщения с точки зрения этого подхода используются для достижения определенных целей, и с помощью анализа текста медиасообщения можно выделить основные стратегии, которым следует автор. В данном контексте высказывание является совершением действия, выявление функций дискурса направлено на перечисление таких действий в конкретном тексте. Р. Джилл утверждает, что в дискурсном анализе для исследователей не представляет интереса реальность, которая выходит за пределы текстов. Они анализируют текст, не держа в уме соотношение производимого дискурса и реальных обстоятельств, не стремятся соотнести дискурс и действительность вне его [4, р. 143]. Таким образом, в анализе риторик мы будем исходить из того, что авторы и редакторы по-

средством своих утверждений и оценок реализуют функции дискурса: создают картину приемлемого или должного поведения и задают рамку восприятия семейных взаимоотношений. Качественный анализ выявленных риторик не позволяет оценить их частоту или широту представленности, но дает возможность зафиксировать наличие тех или иных идей и взглядов в материалах журнала в конкретный период.

В исследовании материалов журнала «Работніца і сялянка» перед нами были поставлены следующие задачи:

- определить тематическое распределение материалов журнала и его изменение во времени;
- выявить постулируемые женские обязанности на разных этапах развития общества;
- оценить характеристики женщин и их изменение во времени;
- описать характер семейных отношений женщин, представленных на страницах журнала;
- проанализировать редакционные риторики в отношении браков, разводов и детей.

В качестве инструментария использовалась полуструктурированная таблица контент-анализа. Количественный анализ распространялся на тематику материалов, демонстрируемые женские обязанности и позитивно оцениваемые женские черты, а также социально-демографические характеристики героинь публикаций. Качественный анализ был направлен на выявление редакционных риторик и характеристику представляемых семейных взаимоотношений.

Прежде чем перейти к обсуждению результатов, важно привести некоторые факты из истории журнала, которые помогут в интерпретации данных и позволят лучше понять его потенциальную роль для белорусской аудитории. В конце 1960-х гг. тираж журнала составлял более 359 тыс. экз., к концу 1980-х гг. достиг более 1,5 млн, но далее стал снижаться, упав в конце 2020-х гг. до 1,2 тыс. экз. Это говорит о снижении роли прессы и диверсификации рынка СМИ. С начала 1990-х гг. с переходом на хозрасчет редакция была вынуждена переформулировать свою политику и ориентировать ее в большей степени на потребности читателей. Так, в 1991 г. редакция начала проводить опросы читателей о предпочтениях относительно содержания журнала и во многом стала ориентироваться на вкусы аудитории. Среди задач анкетного опроса в 1991 г. стояли анализ аудитории и ее тематических предпочтений, выбор нового названия для издания. В материале, посвященном результатам опроса (редакции удалось собрать более тысячи анкет), приводятся примеры пожеланий читателей: освещать больше культурных, исторических тем, публиковать истории профессионального успеха, посвящать

материалы духовным ценностям [5, с. 5]. Поэтому даже при снижении роли печатных СМИ мы можем говорить о том, что статьи в журнале могут служить

одним из источников информации как об официальной позиции относительно семьи, так и о доминирующих в обществе семейных ценностях.

Результаты и их обсуждение

Первой задачей исследования стало описание тематического распределения публикаций и его изменения во времени. Место, которое семейная проблематика занимает в материалах общественно-политических изданий, с одной стороны, раскрывает

редакционную политику, а с другой – отражает важность семьи в картине мира читателей. Исследование тематики публикаций журнала «Работніца і сялянка» (табл. 1) говорит о том, что место семьи на протяжении рассматриваемого периода изменялось.

Таблица 1

Тематическое распределение публикаций (доля от всех публикаций за период), %

Table 1

Thematic distribution of publications (share of all publications for the period), %

Тематика	Годы						Среднее значение
	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е	2010-е	
Семья и дети	16	26	32	23	40	30	28
Труд и производство	29	24	33	9	13	16	20
Культура	24	18	18	13	15	17	17
Быт	10	6	1	18	11	15	11
История	10	10	8	4	10	7	8
Внешность	2	0	0	11	4	10	5
Другое	9	16	8	22	7	5	11

Как видим, в начале рассматриваемого периода, в 1960–80-х гг., на первом месте по значимости была тема труда и производства. В 1990-х гг. и позже она стала менее значимой, уступив первое место теме семьи и детей, которая постепенно повышала свое значение. При этом с 1990-х гг. больше внимания начинает уделяться теме быта и ведения домашнего хозяйства, а также теме внешней привлекательности женщины (в 1960–80-х гг. она почти не поднималась).

Такая динамика тематической структуры может объяснить повышение значимости семейных отношений, которое фиксируется исследованиями ценностей. Также эти результаты важны для понимания того, как изменяются социальные ожидания в отношении женщины. Именно в повышенных ожиданиях, когда современной женщине приходится выполнять роль профессионала, матери, хозяйки, следить за своей внешностью, следовать моде, культурно развиваться, многие исследователи видят одну из причин снижения рождаемости в конце XX в. «Вот блог одной из социальных сетей: фотографии молодой мамы, ее рассказы о том, как прекрасно она

справляется с двумя, а то и тремя детьми, а заодно ловко решает все бытовые проблемы. Она публикует снимки красиво сервированных завтраков, обедов и ужинов и делится рецептами здорового питания, на фотографиях ее дети чисто и модно одеты, а сама она выглядит невероятно ухоженной и довольно отдохнувшей» [6, с. 150]. Тенденции повышения ожиданий в отношении женщины, усиливающиеся с развитием новых медиа, как мы видим, закладывались еще с 1990-х гг., когда в материалах СМИ фокус с профессиональной роли женщины начал перемещаться на темы, связанные с ее бытовыми компетенциями, внешней привлекательностью.

Похожую динамику можно проследить и в изменении списка обязанностей, приписываемых женщинам на страницах журнала (табл. 2). В целом ожидания от того, что должна делать женщина, повышаются. Если в 1960-х гг. только 19 % всех материалов содержали упоминания о том, что необходимо выполнять женщине, в 1970-х – 25 %, в 1980-х – 29 %, то начиная с 1990-х гг. уже более половины материалов содержали упоминание обязанностей женщины.

Таблица 2

Распределение женских обязанностей
(доля от всех публикаций за период, содержащих упоминание женских обязанностей), %

Table 2

Distribution of women's responsibilities
(share of all publications for the period containing a mention of women's responsibilities), %

Тематика	Годы						Среднее значение
	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е	2010-е	
Забота о детях	39	43	48	24	48	26	37
Приготовление пищи	56	48	33	37	38	16	36
Уход за собой и своей внешностью	11	9	33	35	32	32	28
Стирка, уборка, ведение домашнего хозяйства	22	43	43	35	26	13	29
Рукоделие	17	9	10	13	18	24	16
Поддержание уюта	6	17	0	2	20	13	11
Сад и огород	0	0	19	15	10	13	11

На протяжении рассматриваемого периода чаще всего упоминалось то, что женщина должна заботиться о детях и готовить пищу. С течением времени основным хозяйственным обязанностям, таким как приготовление пищи, стирка, уборка, ведение домашнего хозяйства, уделяется меньше внимания. При этом упоминания дополнительных усилий по привнесению уюта, мастерскому ведению домашнего хозяйства становятся более частыми. В 1980-х гг. значительно вырастает доля материалов, в которых отмечается необходимость для женщины следить за своей внешностью. Повышение роли заботы о внешности подтверждает вывод, сделанный на основании тематического распределения материалов. Но динамика представляемых женских обязанностей показывает, что эти тенденции закладывались уже в 1980-х гг.

Тему ожиданий в отношении женщины с точки зрения ее обязанностей можно продолжить теми позитивными характеристиками женских персонажей, которые упоминаются в публикациях журнала. В 1960–80-х гг. это трудолюбие. Так, профессиональная роль женщины демонстрировалась на страницах журнала как основная. Остальные самые распространенные характеристики в 1960-х гг. ограничивались профессиональной сферой: 18 % материалов показывают самоотверженных героинь, 12 % – профессиональных. В 1970-х гг. самоотверженность занимает второе место по распространенности, но на третьем месте появляется красота. В 1980-х гг. после трудолюбия на первой позиции по частоте в материалах описаны мужественность, профессионализм, красота и хозяйственность женщин. Иначе говоря,

профессиональная роль среди доминирующих женских ролей в 1980-х гг. уже дополняется ролью бытовой, повышаются ожидания относительно внешней привлекательности. В 1990-х гг. женский портрет на страницах журнала меняется кардинально. Приоритет отдается таким чертам женщины, как красота, хозяйственность, доброта и стройность. В 2000-х гг. самые упоминаемые черты – красота, трудолюбие и стройность, в 2010-х гг. – красота, трудолюбие и доброта.

Смещение акцентов с профессиональных качеств на качества, необходимые для выполнения семейно-бытовых ролей и поиска партнера, соответствует и тематическому преобразованию материалов, и изменению декларируемых женских обязанностей. Начиная с 1980-х гг. государство и общество видят в женщине не только участницу рынка труда, но и умелую хозяйку, которая поддерживает уют в доме, и добрую и душевную жену и мать.

Для описания отражения семейных ценностей в СМИ важно понимать, какой образ семьи демонстрируется на страницах журнала, поэтому для нас представляет интерес анализ социально-демографических характеристик героинь публикаций.

Стоит отметить, что большинство материалов посвящены городским жительницам: в 1960-х гг. таковых было 60 %, в 1970-х – 59, в 1980-х – 61, в 1990-х – 80, в 2000-х – 86, а в 2010-х гг. доля публикаций о городских жительницах составила 79 %. Если говорить о реальной структуре населения, к концу 1960-х гг. в городах Беларуси проживало 43 % населения, к концу 1970-х – 56 %, к концу 1980-х – 66, к концу 1990-х – 70, к концу 2000-х – 74,

к концу 2010-х гг. – 78 % населения². Мы видим, что доля городских жительниц среди героинь журнала на протяжении почти всего анализируемого периода превышала долю городского населения в действительности. Даже тогда, когда доля сельского населения была преобладающей, о горожанках писали чаще, тем самым задавая стандарт образа жизни и поддерживая процесс урбанизации.

Также интересно рассмотреть, каков уровень образования у представленных женских персонажей. В 1960-х гг. доля героинь с высшим образованием достигала 42 % (у 8 % было начальное или базовое, у 50 % – среднее или среднее специальное), в 1970-х гг. доля героинь с высшим образованием снизилась до 35 %, в 1980-х гг. повысилась до 60 %, а в 1990-х гг. достигла 88 %. В 2000-х и 2010-е гг. доля героинь с высшим образованием сохранялась на уровне 78 и 80 % соответственно. В действительности доля населения с высшим образованием среди обладателей базового, среднего или высшего образования к концу 1980-х гг. в Беларуси составляла 14 %, к концу 1990-х гг. – 16 %. У героинь публикаций журнала уровень образования заведомо выше, чем в среднем у населения, что также задает определенные ориентиры для образа жизни и поведения читательниц. Мы отдельно остановились на вопросах

образования и урбанизации, так как, по результатам исследования ценностей, эти факторы оказывают влияние на ценностные трансформации: среди людей с высшим образованием и жителей крупных городов выше запрос на совмещение женщиной материнских и профессиональных ролей, ценности этой части населения менее традиционные [7, р. 99].

Если говорить о формируемом портрете женщины с точки зрения ее семейного положения, большинство героинь публикаций журнала замужем (табл. 3). В 1960-х гг. была выше доля вдов, что можно объяснить последствиями Великой Отечественной войны. Заметные отличия публикаций в 1990-х гг. состоят в том, что значительно возрастает доля разведенных – до 24 %. Некоторая доля разведенных женщин показывалась и в предыдущие годы, однако эта ситуация скорее была редкой и не могла восприниматься как социальная норма. Также после 2000 г. растет доля женщин, состоящих в новом браке после развода. С одной стороны, преобладание замужних женщин среди героинь соответствует ориентации на брак и семью, отраженной в тематике статей, женских обязанностях и позитивных характеристиках, но можно говорить и о том, что с 1990-х гг. развод и повторный брак нормализуются на страницах СМИ.

Таблица 3

**Структура семейного положения героинь материалов
(доля от всех героинь, чей семейный статус упоминается), %**

Table 3

**The structure of the marital status of the heroines of the materials
(share of all heroines whose marital status is mentioned), %**

Семейное положение	Годы						Среднее значение
	1960-е	1970-е	1980-е	1990-е	2000-е	2010-е	
Замужем	63	78	77	66	42	72	66
Замужем повторно	0	4	7	5	17	7	6
Разведена	12	0	3	24	33	7	13
Вдова	17	7	3	5	0	0	6
Не замужем	8	11	10	0	8	14	9

Далеко не во всех публикациях есть информация о возрасте вступления героинь в брак, но в среднем и для городской, и для сельской местности он составляет 21 год. Возраст вступления в брак несколько повышается с течением времени: если в 1960-х гг. он составлял 19 лет, на протяжении 1970–2000-х гг. колебался в пределах 20–21 года, то в 2010-х гг. достиг 23 лет. Средний возраст рождения первого

ребенка вне зависимости от рассматриваемого десятилетия и места проживания – 23 года. Средний возраст рождения первого ребенка также незначительно вырос – с 23 лет в материалах 1960-х гг. до 26 лет в материалах 2010-х гг. Что касается количества детей, у жительниц городской местности оно ниже – в среднем 1,8, у жительниц сельской местности – 3,5. Среднее количество детей у героинь

²Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. 429 с.

снижается: в 1960-х гг. оно составляло 2,9 ребенка в среднем, в 1970-х – 2,8, в 1980-х – 2,3, в 1990-х – 1,9, в 2000-х – 1,5 и в 2010-х – 1,8 ребенка в среднем.

Если обобщить, портрет героинь публикаций с точки зрения семейного положения выглядит следующим образом. В советский период на протяжении 1960–80-х гг. «нормальная» женщина в изображении материалов журнала вышла замуж в 20 лет, родила первого ребенка в 23 года. Если она живет в сельской местности, количество детей достигает четырех, если в городской – их двое. В постсоветский период женщина также достаточно рано выходит замуж, рано рождает первого ребенка, однако каждая четвертая разводится, часто второго ребенка в семье не появляется. Демографические тенденции по повышению разводимости и снижению количества детей, отражаясь на страницах журнала, закрепляются как социальная норма, из этого формируются ожидания относительно брачного и репродуктивного поведения женщины. Однако вместе с этим популяризируются переезд из сельской местности в городскую и получение высшего образования, что может иметь негативное влияние на уровень рождаемости.

Помимо количественного анализа тематики публикаций, ожиданий от женских обязанностей, черт характера и социально-демографических характеристик женщин, исследование включало и качественный анализ риторик – функций дискурса относительно семейных отношений: брака, разводов и отношения к детям. Риторика, проявляющиеся на страницах журнала, не поддаются структурированию при кодировании, не представлены массово, поэтому их анализ имеет качественный характер с перечислением основных посылов, характерных для того или иного десятилетия.

В том, как представлены брак и отношения супругов на страницах журнала, с течением времени акценты немного изменяются. В 1960-х гг. для супругов был важен совместный труд или дело, в 1970-х гг. в описании отношений в браке появляются духовная близость, внимание и забота. Начиная с 1980-х гг. чаще освещаются проблемы в семье. В 1960–70-х гг. брак и семья важны для женщины и для женского счастья наравне с реализацией в труде и часто способствуют этой реализации. «Без личного счастья нет радости для людей, особенно для нас, для женщин. Да, это чудесно, когда рядом с тобой шагает любимый, надежный и хороший человек... Много, очень много для каждого человека значит личная жизнь. Но глубокое размышление, внимательный взгляд вокруг дают смелость утверждать: нет, не только и не столько в личной жизни счастье человека» [8, с. 1]. С 1980-х гг. любовь фигурирует как главное основание брака, осуждаются измены, которые не просто являются поводом разорвать отношения, а ведут к деградации личности.

Начинает обсуждаться рациональный подход к выбору партнера, однако приоритет отдается чувству. «Человек – очень сложное социально-биологическое создание. Вот мы [служба знакомств «Сустрэча»] и стараемся как можно глубже просканировать его своими анкетами, чтобы ЭВМ потом помогла подобрать для знакомства людей, близких по характеру, интересам, привычкам, увлечениям» [9, с. 20]. Необходимость рационального подхода в выборе, стратегия поведения для построения отношений также широко обсуждаются в контексте отношений в браке в постсоветский период. Не осуждается поиск мужа по критериям благосостояния, рационализируются браки с иностранцами. При этом звучит идея того, что для крепкого брака важно много сил уделять хозяйству и уюту в доме. «Не зря говорят, выбирай жену не в хороводе, а на работе. Какой будет хозяйкой в доме молодая женщина, такой надежной будет ее семья» [10, с. 14]. Рациональный подход в выборе партнера, который находит отражение на страницах журнала начиная с 1980-х гг., созвучен идее эмоционального капитализма, предложенной израильским социологом Е. Иллоуз. По ее мнению, капиталистические отношения и современная эмоциональная культура оказывают влияние друг на друга. В интимные отношения, как и в отношении людей к самим себе, проникают понятия рациональности и эффективности [11, р. 43].

Еще один подход в трактовке трансформации интимных отношений, созвучный с идеями Е. Иллоуз и позволяющий интерпретировать изменение в риторике публикаций журнала, предлагает П. Аронсон. Отношение к организации личной жизни она рассматривает с точки зрения двух режимов: режима судьбы (*regime of fate*), характерного для советской и постсоветской культуры, и режима выбора (*regime of choice*), характерного для западного общества [12]. Режим судьбы предполагает, что человек не властен над любовью, если она пришла, от влюбленного человека ожидается определенный уровень самопожертвования, даже если отношения его чем-то не устраивают. Режим выбора, напротив, предполагает тщательный отбор потенциальных партнеров в соответствии с определенным перечнем качеств и требований. Таким образом, уже в 1980-х гг. мы видим распространение и закрепление в СМИ подходов к интимным отношениям, характерных для начала XXI в.

Тема разводов поднимается на протяжении всего рассматриваемого периода. В 1960–80-х гг. основной проблемой, в ракурсе которой обсуждается развод, является положение детей. Сохраняется риторика о том, что отсутствие отца, неполная семья, отчим вместо родного отца хуже для детей, поэтому стоит сохранять брак ради них (за исключением тех случаев, когда совместное проживание ухудшает положение детей из-за пьянства и девиантного

поведения родителя). «Правильно ли сделала Дарья Ивановна, избавив своих детей от плохого отца? Я думаю, что иначе она сделать не могла» [13, с. 21].

С 1990-х гг. развод начинает обсуждаться с точки зрения того, что, прилагая усилия в быту, можно его избежать: развод оправдан, если женщина нехозяйственная, а чтобы его избежать, нужно стараться угодить мужу. «Если муж не успел, уходя на работу, приготовить обед, они с дочкой весь день сидят на бутербродах. А вечером набрасываются на него – ты почему задержался, мы из-за тебя голодные сидим! А он и на самом деле все чаще стал задерживаться. Потому что не влечет его в этот запущенный, неприветливый дом. И неудивительно, если скоро эта семья пополнит статистику разводов» [10, с. 14]. Наличие детей перестает обсуждаться как значимое препятствие для развода в 1990-х гг. В остальном риторика в отношении детей не изменяется на протяжении всего рассматриваемого периода.

В целом отношение к детям на страницах журнала можно свести к трем основным тезисам. Во-первых, дети – это счастье. Проиллюстрировать данный тезис можно следующими словами: «У тебя растут дети. Сколько забот и хлопот они требуют! И временами приносят в дом не одни только радости и “пятерки” в дневниках... И все-таки ты понимаешь сегодня и много раз в жизни еще поймешь: без этих хлопот, без тревожных и радостных материнских слез неполной была бы твоя жизнь» [8, с. 1]. То, что подобная риторика сохраняется, можно увидеть на примере публикации за 2001 г.:

«Невозможно, наверное, представить себе большое счастье, чем то, что наполняет нас при рождении ребенка» [14, с. 4].

Во-вторых, в заботе и воспитании детей нужно использовать научный, рациональный подход. В качестве примера можно привести отсылку к возрастной психологии из публикации за 1963 г.: «Ребенок постоянно растет и изменяется, он накапливает новые знания и навыки, начинает больше понимать, глубже чувствовать и переживать. Это, естественно, требует перемен в самом подходе к детям» [15, с. 22]. Такая риторика сохраняется в журнале, в качестве примера можно привести цитату из публикации за 1991 г.: «Своеобразные психические процессы определяют развитие ребенка, своеобразные способы его обучения» [16, с. 1].

И в-третьих, нужно воспитывать в детях трудолюбие и стараться обращаться с ними как со взрослыми ответственными людьми. Проиллюстрировать этот тезис можно цитатой из публикации за 1963 г.: «Главное, чего требует растущий ребенок, – постоянное расширение поля для самостоятельной деятельности» [15, с. 22]. Но такой подход к взаимоотношениям с детьми сохраняется и далее, например в материале за 2012 г.: «Присмотритесь, у ребенка обязательно есть способности, которыми можно гордиться... Сумейте разглядеть эти способности. Поверьте в ребенка и поддержите его. Тогда он обязательно добьется успеха и станет более уверенным не только в конкретной узкой области, но и в жизни вообще» [17, с. 41].

Заключение

Таким образом, в динамике содержания публикаций журнала нашла отражение современная тенденция традиционализации семейных ценностей – повышение значимости семьи и нетрудовых ролей женщины уже начиная с 1980-х гг. Можно предположить, что изменение содержания материалов происходит в ответ на запрос читателей, в том числе по результатам проводимых редакцией опросов. Но при этом, отвечая на запрос читателей, материалы журнала работают на усиление этого интереса и закрепление социальных норм в сфере семейных отношений.

На страницах журнала отношение к браку меняется в сторону повышения важности семейных отношений для женщины. Это проявляется на уровне тематического распределения публикаций, приписываемых женщинам обязанностей и декларируемых позитивных характеристик. Но с течением времени в публикациях журнала появляется обоснование рационального выбора партнера. Акценты при обсуждении темы разводов меняются: с обсуждения оправданности разводов в контексте воспитания детей они смещаются на стратегии того, как развода избежать. При этом высокий уровень раз-

водов, представленный в публикациях, нормализует эту практику.

На протяжении рассматриваемого периода отношение к детям в публикациях журнала меняется незначительно, среди основных обязанностей женщины остается уход за детьми. Несмотря на некоторое повышение среднего возраста рождения первого ребенка в публикациях за 2010-е гг., сохраняются установки на то, чтобы заводить детей рано (при этом повышаются требования к уровню образования женщины), но количество детей у героинь публикаций сокращается не только в городской, но и в сельской местности.

Современным тенденциям трансформации интимных отношений и восприятия женских ролей и обязанностей соответствует то, что с 1980-х гг. в материалах журнала отражен рост требований к женщине. Помимо того, что женщина должна работать и заниматься детьми, в 1990-х гг. для нее формулируются дополнительные обязанности по ведению хозяйства на высоком уровне и созданию уюта (от чего зависит и судьба ее брака), а также высокие требования по уходу за собой и поддержанию внешней привлекательности.

Как видим, материалы в журнале, с одной стороны, поднимают планку для женщины, которая должна быть высокообразованной, хорошей матерью, умелой хозяйкой, привлекательной внешне, рабо-

тать над отношениями, ставя этим самым женщин в сложное положение, но с другой – нормализуют такие изменения в структуре семьи, как повышение разводимости и снижение рождаемости.

Библиографические ссылки

1. Rokeach M. Change and stability in American value systems, 1968–1971. In: Rokeach M. *Understanding human values*. New York: The Free Press; 1979. p. 129–148.
2. Inglehart R, Norris P. *Rising tide: gender equality and cultural change around the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 244 p.
3. Инглхарт Р. *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. Москва: Мысль; 2018. 346 с.
4. Gill R. Discourse analysis: practical implementation. In: Richardson JTE, editor. *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. London: The British Psychological Society; 1996. p. 141–156.
5. Признанне ў любові! *Работніца і сялянка*. 1991;9:5–6.
6. Авдеева А, Исупова О, Кулешова А. *Родительство 2.0. Почему современные родители должны разбираться во всем?* Москва: Альпина Паблишер; 2021. 164 с.
7. Artsiomenka A. The transformation of family values in Belarus: social and demographic factors. *Eastern Review*. 2019;8:87–99.
8. Будзь шчаслівая! *Работніца і сялянка*. 1967;1:1–2.
9. Сустрэча чакае вас! *Работніца і сялянка*. 1982;4:21–22.
10. Золотые руки. *Алеся*. 1995;9:14.
11. Illouz E. *Cold intimacies: the making of emotional capitalism*. Cambridge: Polity Press; 2007. 134 p.
12. Aronson P. Romantic regimes [Internet; cited 2020 October 28]. Available from: <https://aeon.co/essays/russia-against-the-western-way-of-love>.
13. Варно У. Ці правільна яна зрабіла? *Работніца і сялянка*. 1963;7:20–21.
14. Кудраўцава В. Жыццё, пачатае ў прабірцы. *Алеся*. 2001;1:4–5.
15. Славіна ЛС. Чаму дзеці не слухаюць? *Работніца і сялянка*. 1963;7:22–23.
16. Пашкадуйце маленькага чалавека. *Работніца і сялянка*. 1991;9:1.
17. Кастрицкая Е. «Не пойдзі на кружок!». *Алеся*. 2012;9:40–41.

References

1. Rokeach M. Change and stability in American value systems, 1968–1971. In: Rokeach M. *Understanding human values*. New York: The Free Press; 1979. p. 129–148.
2. Inglehart R, Norris P. *Rising tide: gender equality and cultural change around the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 244 p.
3. Inglehart RF. Cultural evolution: people’s motivations are changing, and reshaping the world. Cambridge: Cambridge University Press; 2018. 288 p.
4. Russian edition: Inglehart R. *Kul’turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution: people’s motivations are changing, and reshaping the world]. Moscow: Mysl’; 2018. 346 p.
5. Gill R. Discourse analysis: practical implementation. In: Richardson JTE, editor. *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. London: The British Psychological Society; 1996. p. 141–156.
6. [A declaration of love!]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1991;9:5–6. Belarusian.
7. Avdeeva A, Isupova O, Kuleshova A. *Roditel’stvo 2.0. Pochemu sovremennye roditeli dolzhny razbirat’sya vo vsem?* [Parenting 2.0. Why modern parents should understand everything?]. Moscow: Al’pina Publisher; 2021. 164 p. Russian.
8. Artsiomenka A. The transformation of family values in Belarus: social and demographic factors. *Eastern Review*. 2019;8:87–99.
9. [Be happy]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1967;1:1–2. Belarusian.
10. [The meeting is waiting for you!]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1982;4:21–22. Belarusian.
11. [Golden hands]. *Alesya*. 1995;9:14. Russian.
12. Illouz E. *Cold intimacies: the making of emotional capitalism*. Cambridge: Polity Press; 2007. 134 p.
13. Aronson P. Romantic regimes [Internet; cited 2020 October 28]. Available from: <https://aeon.co/essays/russia-against-the-western-way-of-love>.
14. Varno U. [Did she do the right thing?]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1963;7:20–21. Belarusian.
15. Kudrautsava V. [Life started in vitro]. *Alesya*. 2001;1:4–5. Belarusian.
16. Slavina LS. [Why don’t children listen?]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1963;7:22–23. Belarusian.
17. [Take pity on the little man]. *Rabotnica i sjaljanka*. 1991;9:1. Belarusian.
18. Kastritskaya E. [I’m not going to the circle!]. *Alesya*. 2012;9:40–41. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.05.2021.
Received by editorial board 16.05.2021.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Жанна Михайловна
ГРИЩЕНКО

Zhanna Mikhailovna
GRISHCHENKO

Известный белорусский социолог Жанна Михайловна Грищенко 6 июля отмечает юбилей. И хотя ее жизненный путь во многом схож с судьбами миллионов наших граждан, тем не менее он особый, раскрашенный яркими красками и неожиданными поступками, театральностью и непривычной для советских граждан внутренней свободой и неординарностью. Жанна Михайловна – представитель послевоенного поколения, родилась в прекрасной советской семье: ее отец – боевой офицер, а мама – заслуженный учитель, отличник образования.

В 1974 г. Ж. М. Грищенко окончила философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета по специальности «Прикладная социология». В дальнейшем вся ее трудовая деятельность была связана с университетом, где она прошла путь от старшего лаборанта до ведущего научного сотрудника, заведующего ла-

бораторией Научно-исследовательской части БГУ. Жанна Михайловна – кандидат философских наук (1980), доцент (2009), ведущий специалист в области социологии политики, социологии молодежи, методологии и методики социологических исследований.

Творческий потенциал доцента Ж. М. Грищенко реализуется в преподавательской и научной деятельности, где удачно сочетается ее опыт практикующего социолога и педагога, способного выстроить логику лекционного курса, опираясь на критическое осмысление собственной практики и стереотипов классической социологии. Учебная нагрузка доцента Жанны Михайловны не замыкается рамками факультета философии и социальных наук, распространяясь на широкий круг студентов химического, исторического, филологического факультетов, а также факультета международных отношений.

Она успешно работает в науке. Недавно завершила проект «Постсоветское поколение студенческой молодежи Беларуси: социокультурный портрет» в рамках государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества на 2016–2020 гг.».

Ж. М. Грищенко имеет большой опыт международного сотрудничества, принимает активное участие во всемирных социологических и политологических конгрессах, более двух десятилетий являлась членом исполкома международного исследовательского проекта «Демократия и местная власть», представляла Беларусь в международном проекте INTAS, награждена почетной медалью за творческий вклад в реализацию международного проекта Евросоюза «Культурное наследие Европы: Наполеон». Долгое время Жанна Михайловна была заместителем главного редактора нашего издания, внесла большой вклад в его популяризацию. Наш юбиляр – признанный исследователь, авторитетный

преподаватель, который много времени отдает работе со студентами, молодыми представителями науки, осуществляет руководство дипломными и курсовыми, научно-исследовательскими работами, педагогической и производственной практикой студентов. Ее подопечные занимали лидирующие позиции в различных конкурсах студенческих работ, в том числе на всесоюзном конкурсе в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Доцент Ж. М. Грищенко является автором более 150 научных работ, в том числе монографий, учебных пособий, статей в международных высокорейтинговых научных изданиях. В 2011 г. удостоена звания «Отличник образования».

Дорогая Жанна Михайловна, примите поздравления по случаю Вашего юбилея и пожелания здоровья и новых творческих успехов.

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

ЦЕННОСТНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА¹

THE VALUE WORLD OF MODERN MAN

Международный социологический проект «Исследование европейских ценностей» (*European Values Study*) был инициирован Я. Керхофсом из Лёвенского католического университета (Бельгия) и Р. де Муром из Тилбургского университета (Нидерланды) в конце 1970-х гг. Исследователи поставили перед собой амбициозную цель: идентифицировать систему ценностей современной Европы, проанализировать происходящие изменения и выявить новые ценности в области политики, религии, семьи, работы и отношений.

Первая волна исследования показала серьезные различия в ценностях европейцев. Согласованность традиционных систем уже была сильно подорвана, но развивались новые ценности, основанные на динамике личного развития. Позже круг стран-участниц был расширен до 29 стран в 1990 г. (вторая волна исследования), а затем до 34 в 1999 г. (третья волна). Последние две волны, охватившие гораздо большую территорию, подтвердили тенденции, наблюдавшиеся в ходе первого опроса.

Данные исследований позволили ученым из разных стран сделать вывод о том, что индустриализация, секуляризация, повышение уровня образования и общего уровня жизни привели к важным преобразованиям в семейных отношениях, взаимодействии мужчин и женщин, а также в политических ценностях. Ученые также доказали, что со сменой поколений повышается уровень терпимости, наблюдается ориентация на равенство. Изменилось

¹Ценный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2009. 231 с. ; Ценный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2013. 175 с. ; Ценный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2016. 219 с. ; Ценный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей». Волна-2018 / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2019. 191 с.

отношение к религии, влияние которой ослабевает. Европейское общество становится более светским, но идеологические установки по-прежнему имеют значение и способствуют формированию систем ценностей европейцев.

В 2008 г. четвертая волна исследования охватила уже 45 стран. Выборочная совокупность увеличилась до 70 тыс. человек. Опрос проводился лицом к лицу по достаточно объемной анкете, вопросы которой в большинстве случаев оставались неизменными.

Таким образом, исследование европейских ценностей – это крупномасштабная межнациональная программа по изучению структуры и динамики основных человеческих ценностей. Она дает представление об идеях, убеждениях, предпочтениях, установках, ценностях и мнениях населения всей Европы. Это уникальный исследовательский проект о том, что европейцы думают о жизни, семье, работе, религии, политике и обществе.

Результаты исследования европейских ценностей представляют интерес для широкой аудитории – от социологов и политиков до церковных лидеров, журналистов, а также в целом для всех европейцев. Как научные, так и публицистические работы дают глубокое понимание ценностных моделей европейцев, позволяют выявить основные различия и сходства между ними.

Белорусские социологи принимают участие в данном международном проекте с 1990 г. Первый опрос проводился Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси. В следующей волне проекта (1996 г.) приняли участие сотрудники лаборатории «Новак» под руководством профессора А. П. Вардомацкого. В 2000, 2008 и 2018 гг. опросы по методологии исследования европейских ценностей проводились Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) под руководством профессора Д. Г. Ротмана.

ЦСПИ БГУ был создан в 1996 г. в целях развития социологической науки в университете, качественного обеспечения учебного процесса студентов, а также для проведения научных социологических исследований проблем общества. Сотрудниками центра продолжены традиции первого белорусского социологического учреждения – Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований, созданной в Белорусском государственном университете в 1967 г. В настоящее время ЦСПИ БГУ признан одной из ведущих социологических организаций Беларуси, которая имеет высокий авторитет среди научного сообщества в стране и за рубежом.

Участие в названном европейском проекте позволило социологам ЦСПИ БГУ подробно ознакомиться с представленными в базе данных результатами замеров, проведенных во всех стра-

нах – участницах проекта, и провести временной (сравнение ценностных предпочтений прошлого и настоящего) и пространственной (сравнение ценностей жителей Беларуси и других государств Европы) анализ аксиологической ситуации в стране. Полученные результаты легли в основу четырех монографий, подготовленных сотрудниками ЦСПИ БГУ.

В первой монографии анализируются базовые ценности современного белорусского общества, выявляются особенности их трансформации с 1990 по 2008 г. Казалось бы, отрезок времени небольшой, но как много значит он в истории страны. Республика Беларусь стала суверенным государством, впервые появилась возможность самостоятельно развиваться, реализовывать законное право на свою внутреннюю и внешнюю политику, выработать формы взаимодействия с миром.

Во второй монографии проводится сравнительный анализ изменения ценностей, верований и поведенческих установок современного белорусского общества и сопредельных государств (Латвии, Литвы, Польши, России и Украины) в 1990–2008 гг.

В третьей монографии объектом социологического анализа стали аксиологические предпочтения населения государств – участников проекта «Восточное партнерство»: Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, Украины, ряда стран, стоявших у истоков создания Европейского союза, а также Российской Федерации.

В четвертой монографии представлены теоретические и методологические подходы к исследованию ценностей в современной Беларуси и странах Европы, проведена процедура операционализации основных понятий проекта («базовые ценности» и «ценности»), определены их содержательные сходства и различия, подробно описаны выборочная модель, применявшаяся в процессе опроса населения страны, принципы организации работы интервьюеров и контроля качества сбора информации.

Углубленный анализ данных 1990, 1999, 2008 и 2018 гг., полученных в ходе проекта, позволил авторам сделать вывод о том, что происходит глубокая трансформация современной культуры, хотя и с разной скоростью в разных странах. Культурные и социальные изменения, по-видимому, зависят от уровня социально-экономического развития и исторических факторов, характерных для той или иной нации.

Удовлетворенность общества уровнем условий для реализации ключевых базовых ценностей является гарантом стабильности в государстве. Сравнение содержательной стороны ценностных предпочтений населения свидетельствует о том, что белорусы по своим базовым ценностям не отличаются от жителей других европейских стран.

Наиболее известная теоретическая концепция к анализу динамики ценностей стран Европы предложена американским социологом и политологом, профессором политологии Мичиганского университета Р. Инглхартом. Подход основан на том, что при переходе общества на более высокий уровень развития изменяются его доминирующие ценности. На смену ценностям выживания, какими характеризовалось аграрное и раннеиндустриальное общество, приходят ценности самовыражения, присущие передовому индустриальному обществу, а традиционные ценности сменяют секулярно-рациональные. Эти контрастирующие ценностные системы, разветвляясь, охватывают политику, экономику, религию и брачно-семейные отношения.

Анализ данных 1990–2018 гг. позволяет утверждать, что Беларусь в настоящее время стоит на пороге перехода от традиционных *ценностей выживания* к новым *ценностям самовыражения*. Как показывает исследование, при стабильной иерархии базовых ценностей происходят достаточно быстрые изменения форм и способов их реализации. Это проявляется по отношению к семье, работе, поли-

тике. Наблюдается рост уровня индивидуализма, значения личностной самореализации в семье и на работе, ориентации на собственные силы, а не на государство. Постепенно происходит изменение потребностей и ожиданий людей в публичном пространстве. Трудовая деятельность становится не просто источником средств для существования, но и важным полем для самовыражения.

Таким образом, как зарубежными, так и белорусскими социологами проведена колоссальная работа по изучению базовых ценностей населения и их трансформации на протяжении нескольких десятилетий. Результаты работы легли в основу большого количества книг, монографий, публикаций, адресованных как научному сообществу, так и широкой общественности. Беларусь не стала исключением. Исследование европейских ценностей позволяет белорусским социологам отслеживать фундаментальные изменения ценностных ориентаций, анализировать и понимать происходящие социально-экономические процессы.

*К. Херпфер*²

²Кристиан Херпфер – доктор политологии; профессор Венского университета, президент исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей» (Вена, Австрия).

Kristian Herpfer, doctor of science (politics); professor at the University of Vienna, president of the research association «World Values Study» (Vienna, Austria).

E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Рональд Франклин
ИНГЛХАРТ**

**Ronald Franklin
INGLEHART**

Научное сообщество с большим прискорбием восприняло весть о смерти выдающегося ученого, большого друга социологов БГУ, многолетнего члена международного редакционного совета нашего журнала Рональда Франклина Инглхарта, который скончался 8 мая 2021 г. после продолжительной болезни.

Р. Ф. Инглхарт родился 5 сентября 1934 г. в Милуоки (штат Висконсин, США) и вырос в Гленко (штат Иллинойс). Получил степень бакалавра (1956) в Северо-Западном университете, степень магистра гуманитарных наук по политологии (1962) и доктора философии (1967) в Чикагском университете. В 1963–1964 гг. был стипендиатом программы Фулбрайта в Лейденском университете (Нидерланды), в 1966–2021 гг. преподавал политологию в Мичиганском университете, являлся профессором и почетным профессором-исследователем Института социальных исследований Мичиганского университета. Рональд Франклин был директором-основателем Лаборатории сравнительных социальных исследований в Национальном исследовательском

университете «Высшая школа экономики» (Россия), а также научным сотрудником Американской академии искусств и наук, Американской академии политических и социальных наук. Получил почетные степени в Уппсальском университете (Швеция), Брюссельском свободном университете (Бельгия), Люнебургском университете Леофана (Германия), был одним из лауреатов премии Й. Скайтта 2011 г. в области политологии.

Рональд Франклин – один из самых цитируемых политологов в мире. За свою научную карьеру он опубликовал более 400 рецензируемых статей. Является автором и соавтором 14 книг, которые переведены на многие языки. Теории ученого анализировались и изучались во многих глобальных и региональных контекстах.

Р. Ф. Инглхарт наиболее известен как отец-основатель всемирной сети исследователей, которая организует опросы для эмпирического изучения ценностей, социальных, политических и культурных изменений в современном обществе. В 1988–2013 гг. социолог был президентом Всемирной ассоциации

исследования ценностей. Особенно его интересовали вопросы о политических ценностях, роли экономики и отношении к качеству жизни. Для проверки своей теории «тихой революции» Р. Ф. Инглхарту потребовались сведения из менее развитых стран, что побудило его начать исследование мировых ценностей в начале 1990-х гг. с привлечением зарубежных экспертов. Они провели повторные опросы среди репрезентативных выборок в своих странах, в результате чего был получен впечатляющий объем данных, охватывающий более 100 стран. Используя эти материалы, ученый продемонстрировал, что ценностные модели в значительной степени определяются степенью экзистенциальной безопасности в обществе, а также то, что историческое и культур-

ное наследие порождает зависимость от изменения ценностей.

Научное сообщество многим обязано Р. Ф. Инглхарту как за его аналитическую и теоретическую продуктивность, так и за неизменную приверженность к сбору данных со всего мира. Он проводил и помогал другим проводить бесценные сравнительные исследования основных человеческих ценностей. С его кончиной научное сообщество потеряло выдающегося ученого, коллегу и большого друга. Нам будет не хватать Рональда Франклина в наших дискуссиях об изменении ценностей.

Редколлегия, социологи БГУ выражают глубокие и искренние соболезнования семье и друзьям Рональда Франклина.

**АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU**

УДК 659.1(075.8)+316.77:659.1(075.8)

Еловая Е. М. Теория и практика рекламы (3 раздел) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 07 «Информация и коммуникация» / Е. М. Еловая ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 154 с. : табл. Библиогр.: с. 151–154. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/258010>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.04.2021, № 003709042021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 1-23 01 07 «Информация и коммуникация». Содержание ЭУМК предполагает рассмотрение процесса построения эффективной рекламной коммуникации с основными целевыми группами и изучение следующих вопросов: речевое воздействие в рекламе, жанровое разнообразие рекламных текстов, использование визуальных средств в рекламе, особенности рекламной коммуникации в социальной сфере, особенности рекламной коммуникации в политической сфере, особенности рекламной коммуникации в коммерческой сфере.

Для студентов учреждений высшего образования, работников рекламно-информационных агентств и рекламных служб, предпринимателей, а также слушателей школ бизнеса.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Евелькин Г. М.</i> Кризис и общество: социальное реагирование и направления снижения конфликтности в социуме.....	4
<i>Щербин В. К.</i> Методы моделирования социально-экономических явлений: семиотический и цепочечный анализ	13
<i>Ванькевич А. И.</i> Категории философии в исследовании социальных отношений форм собственности.....	22

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Антонович И. И.</i> Критерии демократии и политическая реальность США.....	30
<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> «Креативный поворот» в европейской социальной теории.....	40

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Волнистая М. Г.</i> Методология институциональных изменений университетского образования	50
<i>Данилов А. Н.</i> Метафизика Владимира Миронова и трансформация университетского образования	58
<i>Можейко М. А.</i> Шахматы как означающее: эволюция означаемого в средневековой культуре	64

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Шкурова Е. В., Бурак Т. В.</i> Исследование повседневных практик: анализ практик религиозного путешествия в белорусском обществе	80
<i>Артёменко-Мельянцова Е. К.</i> Трансформация семейных ценностей белорусов в отражении СМИ (на примере журнала «Работніца і сялянка»)	89

ЮБИЛЕИ

Жанна Михайловна Грищенко	98
---------------------------------	----

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Херпфер К.</i> Ценностный мир современного человека	100
--	-----

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Рональд Франклин Инглхарт	103
---	-----

Аннотации депонированных в БГУ работ.....	105
---	-----

CONTENTS

ARTICLES AND REPORTS

<i>Evelkin G. M.</i> Crisis and society: social response and directions for reducing conflict potential in society	4
<i>Shcherbin V. K.</i> Methods of modelling of socio-economic phenomena: semiotic and chain analyses	13
<i>Vankevich A. I.</i> Categories of philosophy in researching social relationships of forms of ownership	22

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Antonovich I. I.</i> Democratic criteria and American political reality.....	30
<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> «The creative turn» in European social theory	40

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Volnistaya M. G.</i> Methodology of institutional changes in university education	50
<i>Danilov A. N.</i> Vladimir Mironov's metaphysics and university education transformation	58
<i>Mojeiko M. A.</i> Chess as a meaning: evolution of a significant in medieval culture	64

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Shkurova A. V., Burak T. V.</i> Everyday practices research: the analysis of religious travel practices in Belarusian society	80
<i>Artsiomenka-Melyantsova A. K.</i> Transformation of family values of Belarusians in the reflection of the media (the example of the magazine «Rabotnica i sjaljanka»)	89

JUBILEES

Zhanna Mikhailovna Grishchenko.....	98
-------------------------------------	----

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Herpfer K.</i> The value world of modern man	100
---	-----

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Ronald Franklin Inglehart	103
---	-----

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	105
---	-----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *Е. В. Жерносек, М. А. Подголина*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.06.2021.

Тираж 110 экз. Заказ 239.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».

ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.

Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologija»
(ISSN 2071-0968).

Editors *E. V. Zhernosek, M. A. Podgolina*
Technical editor *A. Y. Leschinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 30.06.2021.

Edition 110 copies. Order number 239.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».

License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.

17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021